

Н. И. МАХНО
Фото 20-х годов.

НЕСТОР ИВАНОВИЧ
МАХНО

ВОСПОМИНАНИЯ
МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ

· Автор вступительной статьи
и составитель В. Ф. Верстюк ·

Киев
РИФ "Дзвін"
1991

Книга посвящена истории махновского движения. В ней представлены воспоминания Н. Махно, его ближайших сподвижников В. Билаша, Г. Кузьменко, А. Чубенко, анархистки И. Метт, военачальников Красной Армии В. Антонова-Овсеенко, Ф. Анулова, А. Кривошеева, П. Сергеева, А. Скачко, белых генералов А. Деникина, Я. Слащева и др., а также архивные и малоизвестные документы и материалы, раскрывающие историю махновщины.

Ответственный редактор В. А. Замлынский.

Крепостные стены советской историографии, вздвигнутые для защиты эфемерных идей коммунизма, оказались напрочь прогнившими и бутафорскими. Они трещат и рушатся под воздействием Времени, невольно обнажая новые контуры отечественной истории. То, о чем раньше догадывались единицы, становится всеобщим достоянием. Общественное сознание переживает волну невиданного интереса к прошлому. Периодическая печать без устали говорит об исторических явлениях, которые десятилетиями замалчивались или умышленно искажались.

К ним без особых преувеличений можно отнести историю махновщины или, если быть более точным, историю махновского движения. Интерес к теме огромный, а удовлетворить его непросто. Еще в 20-е годы в исторической литературе закрепились придуманные большевиками, среди которых выделялся Л. Троцкий, политические суррогаты, сводившие махновщину к бандитизму и кулацкой контрреволюции. На какую собственно оценку творцов „диктатуры пролетариата“ могли рассчитывать человек и возглавляемое им движение, ставшие на защиту своих кровных крестьянских интересов, воспротивившиеся политическому диктату, который не останавливался перед применением вооруженной силы и жесточайших репрессий, ради достижения поставленной цели: заставить крестьянство принять „военный коммунизм“ и безропотно предоставлять государству все результаты своего труда? Примечательно, что и белые, истые враги красных, предпочитали изображать махновщину в черных отталкивающих тонах. Тем не менее, это самобытное и яркое явление заслуживает совершенно иной оценки.

Правда о махновщине постепенно пробивает себе путь к читателю. Но далеко не все здесь так, как того заслуживает. Во многих статьях, появившихся в прессе, обнаруживается желание не столько искать правду, сколько поднять очередной всплеск сенсационности повторением одной из легенд, которыми так богата тема. Вспомним хотя бы переиздание книги Герасименко „Махно“, выход которой в 1923 г. с негодованием был встречен самим Нестором Махно, как низкопробную поделку оценивали ее и историки. Есть и второй аспект этой проблемы: плохое знание темы, кто берется писать о Махно и махновском движении, всей совокупности документов и источников. Использование только какой-то части из них приводит к отрицательным результатам. В этой

0503020902

М

91

ISBN 5-7707-1297-X

© Вступительная статья
и составление В. Ф. Верстюка, 1991
© Оформление А. А. Радченко, 1991

связи вспоминается прекрасный роман-хроника Анатолия Знаменского „Красные дни“, посвященный по сути реабилитации имени одного из интереснейших деятелей периода гражданской войны, командующего 2-й Конной армией Филиппа Миронова, человека, дважды удостоенного ордена Красного Знамени, и дважды обвиненного в предательстве и измене Красной Армии. Последнее обвинение стоило ему жизни. Миронов и Махно очень близки в своих взглядах на крестьянство, в своих колебаниях по отношению к Советской власти, вызванных антигуманной, надуманной политикой большевиков в деревне. И тем не менее в книге Знаменского Махно остался бандитом. А ведь писатель, глубоко изучивший документальный материал, должен был знать, что махновцы и мироновцы вместе брали Крым, штурмовали Юшуньские укрепления, занимали Симферополь.

Фактов, скажем, легкомысленного суждения о махновщине, можно было бы привести немало. Именно они и подсказали идею создания подобного сборника документов и материалов, в котором разговор с читателем о движении велся бы не от третьего лица, а непосредственными его участниками и их оппонентами из противоборствующих лагерей. Более десяти лет работая над темой и собирая различные свидетельства о ней, приходишь к выводу, что это наиболее надежный путь к истине в освещении такого сложного и, повторимся, противоречивого явления, которое не поддается однозначной оценке.

Большинство из помещенных в сборнике материалов раньше было практически недоступно не только массовому читателю, но и историку, который не ставил перед собой специальных задач по их выявлению. Только часть мемуарного материала публиковалась в СССР, преимущественно в начале 20-х годов, в малотиражных исторических и военных журналах, часть была издана за рубежом, часть не издавалась вовсе. В архивных хранилищах выявлено и большинство документов. Конечно, нет никакой возможности опубликовать весь собранный материал, пришлось провести его отбор, в основу которого лег ряд критериев. Во-первых, следует дать слово самим махновцам для рассказа о себе. К такой группе принадлежат прежде всего воспоминания самого Н. Махно, его ближайших соратников — членов Военно-революционного совета повстанческой армии А. Чубенко и В. Билаша. Безусловный интерес представляют и дневниковые записи жены Махно Г. Кузьменко, а также начальника махновской контрразведки Л. Голика. Читатель обратит внимание и на мемуары анархистки Иды Метт, хорошо знавшей Махно по Парижу. Они, наверное, могут поставить последнюю точку под досужими вымыслами о баснословных ценностях, награбленных махновцами и вывезенных Махно за границу, а также воспроизводят трагический финал жизни „батьки“.

Несомненный интерес представляют и документы, вышедшие из махновского лагеря, телеграммы Н. Махно к советским руководи-

телям, резолюции повстанческих съездов, „Проект декларации“, приказы по Революционной Повстанческой армии Украины (махновцев), текст военно-политического соглашения с Советской властью.

При отборе материалов, отражающих взгляды красных и белых, приоритет отдавался не только тем, которые засвидетельствовали позицию сторон, но и вносившим дополнительный конкретный фактический материал, позволяющий составить объективную оценку событий. Такими являются воспоминания красных командиров А. Скачко, А. Кривошеева, Ф. Анулова, Ф. Левензона, П. Сергеева, белых генералов А. Деникина и Я. Слащева, офицера В. Альмедингера. Несколько особняком стоят свидетельства Н. Сухогорской, М. Гутмана и Р. Курган. Они отражают восприятие махновщины городской интеллигенцией, в них чувствуется и определенная отчужденность, и желание точно зафиксировать увиденное.

Особое внимание уделено документам, проясняющим отношения махновцев с Советской властью, заключению союзов между ними и их распаду. Эти документы говорят о том, что если махновцы проявляли интерес к заключению союзов, то инициатива их расторжения всегда исходила от противной стороны. Особенно жесткую позицию по отношению к повстанчеству занимал Л. Троцкий. Его приказы, статья „Махновщина“, действия, приведшие к разрыву отношений с Махно в наиболее ответственный период наступления Деникина, вполне можно квалифицировать как развал Южного фронта и попытку переложить ответственность за это на плечи Махно и на руководство Украинским фронтом. Не лучше выглядит и М. Фрунзе, в ноябре 1920 г. осуществлявший тайную подготовку к расправе с союзницей Красной Армии — махновской повстанческой армией. Все это дает материал для размышлений о морально-этических качествах советских руководителей, для которых вся мораль сводилась к политической целесообразности. Интересно, что и Махно со своим ближайшим окружением, не единожды и справедливо упрекавший большевиков в коварстве и беспринципности, без всякого сожаления воспользовался тем же методом по отношению к атаману Григорьеву. Убив его, махновцы обвиняли его же в контрреволюционности. Документы свидетельствуют и о махновском терроре, не менее бессмысленном и жестоком, нежели красный и белый, особенно когда он применялся к своим же, вчерашним повстанцам, решившим прекратить борьбу.

Материал сборника разбит на две части: в каждой выдержан хронологический принцип расположения воспоминаний и документов, с тем чтобы читатель мог следовать общей логике развития махновского движения. Воспоминания, взятые из более обширных оригиналов, даются с некоторыми сокращениями, которые для удобства чтения не выделяются, и названия этих фрагментов даны составителем. Не публиковавшиеся воспоминания подвергнуты литературному редактированию, без каких-либо смысловых изменений текста.

МАХНОВЩИНА: ПУТИ К ИСТОРИИ ДВИЖЕНИЯ

Три года имя Махно у одних вызывало бессильную ненависть и злобу, у других безграничную любовь, преданность и надежду. Официальная пропаганда прикладывала немало усилий, чтобы сформировать отталкивающий образ бандита-неврастеника, крестьянская среда противопоставила ей почти сказочный образ героя-защитника, наделенного и необыкновенным умом, и особого рода хитростью, и недоуменной силой, и конечно, справедливостью. Все написанное о Махно противоречиво и субъективно. Бесспорно, это человек-легенда. Его невероятную популярность в годы гражданской войны трудно преувеличить. Тысячи людей шли за ним в бой, узнавали на улице среди толпы, внимали выступающему на митинге, зовущему и изобличающему, запомнили безгранично щедрым и не менее жестоким. Такого рода свидетельств о Махно в избытке, недостаток в другом — почти никому не удалось достаточно убедительно раскрыть внутренний мир этого человека, проникнуть в сокровенные глубины его души, очертить мировоззренческий круг, достаточно четко определить политическое кредо.

Несомненно, перед нами тип героя, рожденного взрывом народной стихии, вобравшего все ее характерные черты, мятущегося, импульсивного, одновременно тирана и раба силы, вознесшей его на гребень славы и величия. Не разгадав феномен Махно, как и других похожих на него пасынков революции, мы не сможем понять весь драматизм гражданской войны, состояние, в которое был ввергнут народ этой войной, и ее необратимые последствия. Возможно, в этом отношении судьба Махно наиболее показательна, трагична и уродлива.

Жизнь этого человека связана с революцией и революцией погублена. Несовершеннолетним рабочим паренком под влиянием событий 1905 г. вступил он на путь борьбы с царским режимом. Стал членом гуляйпольской группы „хлеборобов анархистов-коммунистов“. Его трижды арестовывали, подозревая в причастности к ряду политических убийств и экспроприаций. В марте 1910 г. военно-полевой суд приговорил Махно и 16 его товарищей к смертной казни. Ввиду несовершеннолетия на момент преступления и ходатайства матери казнь была заменена бессрочной каторгой. Годы, проведенные в Бутырской тюрьме среди политических, были его университетами. В экстремальных условиях каторги Махно окончательно сформировался как личность. Каторжная

жизнь не только не сломила его, но еще больше укрепила в желании продолжить борьбу.

Освобожденный в марте 1917 г. из тюрьмы Февральской революцией Махно вернулся в родное Гуляй-Поле, где окунулся в политическую деятельность. Революция стала его стихией и призванием. Под его руководством создавались крестьянские и рабочие организации. Еще до октября 1917 г. у помещиков и крупных крестьян-землевладельцев были отобраны купчие на землю и произведен ее уравнилельный раздел по трудовым нормам. Нужно ли говорить об авторитете Махно среди крестьян. В нем не было ничего примечательного внешне. Небольшого роста, худой, щуплый, с некрасивыми мелкими чертами лица, пронзительным, гипнотизирующим взглядом, который трудно было выдержать, он, тем не менее, пользовался всенародной любовью и уважением. В годы гражданской войны его имя было хорошо известно далеко за пределами Украины. Можно привести множество фактов, свидетельствующих о том, что крестьяне и повстанцы жертвовали собой, чтобы спасти Махно от опасности. Что их толкало на такие поступки? Несомненно, последовательная защита Махно крестьянских интересов, признание за ним особых заслуг на этом поприще. Нельзя не отметить и наличие у него выдающихся личных качеств, которые поднимали его над массой.

Многих удивляла необыкновенная сила воли Нестора Махно. Известный анархист и участник махновского движения П. Аршинов особо выделял эту черту: „Казалось, этот небольшой человек сложен из какого-то особенно твердого материала. Ни перед какими препятствиями он не отступал, раз брался их преодолеть. В наиболее тяжчайшие минуты своей жизни, когда происходила катастрофа на фронте, или когда на глазах его погибали ближайшие друзья, он оставался постоянно неизменным, словно случившееся не касалось его. На самом деле он больше других страдал в этих случаях, но не выносил своих страданий наружу... Знающие Махно видели, что в этом, своем спокойствии он представлял собою сплошной волевой порыв к победе над врагом“¹. Вместе с тем, совершенно необоснованы утверждения о Махно как диктаторе. Диктатура в махновщине нонсенс, глубокое заблуждение, вызванное полным непониманием характера движения. Слово „бабки“ было веским, но не единственным и не всегда последним. Свою волю он мог подчинить воле большинства. И это тоже одна из его характерных черт.

Революция и гражданская война выявили в нем выдающегося организатора и народного трибуна. В считанные дни после сокрушительного поражения, когда противник еще пребывал в состоянии победной эйфории, Махно умел восстановить отряд и неожиданным ударом добиться реванша. Многие из слушавших Махно

¹ Аршинов П. История махновского движения. — Берлин, 1923. — С. 217.

отмечали, что он не был оратором в подлинном смысле этого слова, как Троцкий или анархисты Барон, Волин. Однако речи Махно пользовались неизменным успехом у повстанцев и крестьян. Махно никогда не излагал какие-либо теоретические положения, не говорил о мировых задачах революции, он был предельно конкретен и всегда выражал чаяния окружающих его людей, интересы которых были ему близки, понятны и дороги. Он не отделял себя от крестьянской среды, считал себя крестьянином и мечтал о том времени, когда сможет зажечь тихой патриархальной хуторской жизнью, основанной на личном труде. Именно такая жизнь была идеалом подавляющего большинства украинского крестьянства. Нареченный повстанцами „батько“, Махно рассматривал это уважительное для украинцев обращение как самый высокий свой титул, очень им дорожил и неизменно подписывался.

Природа щедро наделила этого человека разными талантами, можно только предполагать, чего он мог бы достичь, развив их достаточным образованием (Махно удалось закончить только начальную сельскую школу). И тем не менее, ни дня не прослужив в армии, он изобрел чрезвычайно эффективную партизанскую форму ведения войны. Первым в гражданской войне начал применять рейды по тылам врага, уходя на сотни, а иногда и тысячи верст от Гуляй-Поля. Именно махновцам, а не буденовцам, принадлежит приоритет изобретения пулеметной тачанки — грозного оружия времен гражданской войны. Повстанцы были несравненными мастерами ведения разведки, при острой необходимости Махно сам, изменив свою внешность или переодевшись в женское платье, проникал во вражеское расположение. Излюбленным приемом для махновцев был ночной бой, сокрушительная сабельная атака, массированный пулеметный огонь, они умели легко выходить из окружения. Выработанные Махно приемы и тактика неоднократно находили самые высокие отзывы военных, в том числе и белых генералов. Командующий деникинским корпусом Я. Слащев, имевший с повстанческой армией не одно сражение, писал о Махно: „...в чем ему надо было отдать справедливость — это в умении быстро формировать и держать в руках свои части, вводя даже довольно суровую дисциплину. Поэтому столкновения с ним носили всегда серьезный характер, а его подвижность, энергия и умение вести операции давали ему целый ряд побед над встречающимися армиями.“

Это умение вести операции, не укладывающееся с тем образованием, которое получил Махно, даже создало легенду о полковнике германского генштаба Клейсте, будто бы состоявшем при нем и руководившем операциями... Насколько это верно, сказать трудно, но только факт тот, что Махно умел вести операции, проявлял недюжинные организаторские способности и умел влиять

на крупную часть местного населения, поддерживавшего его и пополнявшего его ряды”¹.

Махно считал себя анархистом-коммунистом. При штабе повстанческой армии находилась небольшая группа идейных анархистов, которая пыталась проповедовать анархистские идеи, но больше занималась культурно-просветительной работой. В свое время эти факты активно использовали для дискредитации как махновщины, так и анархизма. Очень популярным был совершенно нелепый термин „анархо-махновщина“. Если судить трезво и объективно, влияние анархизма на повстанческое движение в советской литературе преувеличено. Сами анархисты неоднократно отмечали принципиальные различия между анархизмом (идейным учением) и махновщиной (крестьянским вооруженным движением). Если у них и были точки соприкосновения, то только там, где речь шла о неприятии государственной диктатуры, то ли правой помещичьей, то ли ультралевой коммунистической. У Махно неоднократно возникали конфликты с идейными анархистами, доходившие до разрыва. Он сам любил подчеркивать, что в первую очередь считает себя революционером, а уже затем анархистом.

Являясь последовательным выразителем крестьянских интересов, Махно очутился вне созданной большевиками системы „диктатуры пролетариата“, такая судьба была уготована большинству лидеров оппозиционных большевизму движений. Отношения Махно и махновцев с большевиками были сложными, часто менялись, но в конечном итоге вылились в кровопролитную вооруженную борьбу. Исчерпав последние возможности борьбы „с диктатурой пролетариата“, Махно ушел за границу. Румынская тюрьма сменялась польской, затем немецкой и только в 1924 г. ему удалось перебраться во Францию. Годы, проведенные в Париже, заполнены нуждой и болезнями, а также фанатическим желанием доказать, донести до последующих поколений, что жизнь была отдана не разбою, а служению революции, его же и отвергнувшей. „Батько“ выступает в анархической прессе, ведет заочную полемику со своими советскими оппонентами, пишет воспоминания о революции и махновщине. Сделано было только начало, работу прервала смерть. Он умер летом 1934 г. в неполные 45 лет от старых ран и болезней, оставив истории вынести окончательный вердикт о том, чем же в действительности была махновщина: кулацкой контрреволюцией или крестьянским движением, отстаивающим общедемократические принципы и свободы? Прежде чем дать ответ на этот вопрос (а он в истории движения), проследим главные моменты и этапы развития махновщины.

¹Слащев Я. Операции белых, Петлюры, Махно на Украине // Военный вестник. — 1922. — № 9-10.

Весной 1918 г. Украину оккупировали немецкие и австро-венгерские войска. С первых дней пребывания на украинской земле они начали откровенный и систематический грабеж ее богатств. Летом-осенью 1918 г. пламя крестьянских восстаний охватило Украину, добралось оно и до Александровского уезда Екатеринославской губернии. Местная пресса писала о начавшемся терроре против оккупантов, помещиков и гетманской администрации: Террористические акции были делом рук группы Н. Махно. Очень скоро она превратилась в повстанческий отряд. С этим отрядом Махно в ночь на 16 октября решил взять Гуляй-Поле. Действуя внезапно, повстанцы быстро справились с ротой немцев, захватили село, почту и телеграф. По заданию Нестора Махно один из его ближайших сподвижников Алексей Чубенко составил воззвание, которое сразу же было распространено телеграфом: „Всем, всем, всем! Районный гуляйпольский ревком сообщает о занятии повстанцами Гуляй-Поля, где восстанавливается советская власть. Провозглашаем восстание рабочих и крестьян против душителей и палачей украинской революции австро-германо-гайдамаков...”¹.

Взятие Гуляй-Поля можно считать исходной точкой в истории махновщины. Затем было множество боев, иногда борьба принимала совершенно трагический оборот, повстанцы были на краю гибели, но Махно неизменно их воодушевлял на решающий победный бой. В ноябре махновцы совершили свой первый рейд, с боями прошли Александровский, Мариупольский, Бердянский и Павлоградский уезды, на территории которых движение проявило себя наиболее ярко и последовательно. Рейд привел Махно к мысли о необходимости объединения всех разрозненных отрядов в районе. Их руководители часто принадлежали к различным политическим течениям, но это не мешало сотрудничеству, так как отряды практически не отличались ни социальным составом, ни задачами, которые перед собой ставили. Путь в отряд Махно не был закрыт ни левым эсерам, ни большевикам. Кстати, немцы часто называли Махно большевиком, хотя сам Махно не стоял на большевистских позициях, но активно поддерживал лозунги восстановления советской власти.

Довольно естественно в начале декабря произошло соглашение между махновским „Революционным штабом” и большевистским Екатеринославским губревкомом о создании единого фронта против белых, немцев, гетманцев и петлюровцев. Совместными силами махновцы и большевики попытались захватить Екатеринослав. Конечно, в этой акции было больше авантюризма, нежели

здорового смысла и необходимости. Сил было явно недостаточно. Махно какое-то время колебался, губревком настаивал, к тому же „батько” был назначен главнокомандующим Советской Революционной рабоче-крестьянской армией Екатеринославского района. Нужно было оправдывать новое назначение, прельщала возможность заполучить оружие петлюровцев. И он рискнул. Захват города был проведен блестяще в чисто махновской манере. Удержать же Екатеринослав оказалось задачей непосильной. Потеряв практически весь отряд (около 500 бойцов), Махно вынужден был отступить. И как в таких случаях бывает, начались взаимные упреки.

В конце января 1919 г. махновцы вступили в оперативное взаимодействие с советскими частями Украинского фронта, а в феврале в качестве бригады вошли в состав Заднепровской дивизии, которой командовал Павел Дыбенко. Махно спокойно принял штабных работников и политкомиссаров, присланных большевиками, сам он очень гордился своим званием комбрига. И всячески пытался его оправдать. Большую часть своего времени он проводил на фронте, переезжая с участка на участок, организуя одно наступление за другим. 6 февраля махновцы захватили станцию Поселок и местечко Пологи. Оперативная сводка красных сообщала об этом бое: „Добровольцы, казаки, чеченцы разбиты, удирают. Отмечается блестящее руководство командиров частей во главе с батько Махно. На Мелитопольском направлении 17 махновский полк с боя взял ст. Пришиб и Михайловку”¹. На протяжении февраля-марта махновцы все глубже проникали в Донецкий бассейн и вытесняли белых с побережья Азовского моря. 15 марта они овладели Бердянском, 17-го – Волновахой, создав непосредственную угрозу Мариуполю. Командующий Укrfронтом В. Антонов-Овсеенко требовал от своих подчиненных: „Необходимо всемерно развивать успех Махно...”². В середине марта махновцы получили задание вести наступление в направлении Мариуполь-Таганрог. В случае его успеха белым грозила полная катастрофа. И они понимали это. Деникинский гарнизон с ожесточенностью обреченных оборонял Мариуполь, его поддерживала французская эскадра, и все же махновцы в упорных трехдневных боях к 29 марта завладели городом. Их героизм был за-

¹Центральный государственный архив Советской Армии (ЦГАСА). – Ф. 199. – Оп. 3. – Д. 251. – Л. 14.

²Там же. – Ф. 174. – Оп. 13. – Д. 13. – Л. 56.

свидетельствован в одном из рапортов П. Дыбенко: „Стойкость и мужество полков были неописуемы. При наступлении полки обстреливались со стороны противника и французской эскадры из 60 орудий. Невзирая на губительный огонь противника, полки шли без выстрела до соприкосновения с противником, после чего под командой доблестного командира 8-го полка, неоднократно отличившегося в боях т. Куриленка, бросились в атаку. Укрепления противника были взяты штурмом... Прошу награждения 8-го и 9-го полков, артиллерийского дивизиона особыми красными знаменами и командира 8-го полка орденом Красного Знамени”¹.

* * *

К весне 1919 г. на Украине восстановилась Советская власть. Крестьянство отождествляло ее с широкими демократическими преобразованиями, распределением помещичьей земли, свободной хозяйственной деятельностью, местным самоуправлением через Советы. Иную программу начало проводить правительство УССР, созданное по решению ЦК КП(б)У. Оно не просто состояло исключительно из большевиков, значительная часть его, включая председателя Х. Раковского, страдала „детской болезнью левизны в коммунизме”.

Восстановление Советской власти на Украине приобрело ярко выраженные черты „диктатуры пролетариата”. Органы государственной власти получили строгую вертикальную подчиненность снизу доверху. Местные (сельские и волостные) Советы, заменялись чрезвычайными органами — ревкомками и комбедами. Ограничивались избирательные права граждан. Контроль за госаппаратом был сосредоточен в руках большевиков. Деятельность других политических партий ограничивалась или была полностью запрещена. Попытки мелкобуржуазной демократии выступить с отличных от большевистской платформы позиций расценивались как проявления контрреволюции со всеми вытекающими последствиями.

В области экономики доминирующее положение заняло огосударствление средств производства. Национализировалась земля, крупные и средние, а затем и мелкие предприятия. Частная собственность ликвидировалась, ограничивались товарно-денежные отношения, которые пытались заменить прямым продуктообменом, иными словами, перераспределением при помощи специально созданного аппарата. Такая форма казалась более справед-

ливой и вынужденной гражданской войной. На деле все оказалось гораздо сложнее. Отвечая интересам государства „диктатуры пролетариата”, „военный коммунизм” вступил в сильное противоречие с интересами многих социальных слоев общества, в том числе и трудящихся. Особенно сильно он затронул деревню.

Вместо уравнительного раздела земли весной 1919 г. на Украине начали активно создаваться совхозы, коммуны и артели, часто в принудительной форме. Введение продразверстки лишило крестьянство возможности распоряжаться результатами своего труда. Для выкачивания хлеба в деревню направлялись продотряды, создавались комбеды. В задачу тех и других входило разжигание классовой борьбы в крестьянской среде.

Реальные плоды подобной политики проявились очень быстро. По Украине прокатилась волна антикоммунистических крестьянских выступлений. В партийных (большевистских) документах они без достаточного основания квалифицировались как кулацкая контрреволюция. Правительство ответило на них исключительно репрессивными методами, включая и подавление силами армии. Но Украинская советская армия, состоящая из крестьян-повстанцев, быстро и адекватно среагировала на настроения деревни. Недовольство в войсках росло, дисциплина падала, началось массовое дезертирство. Причины сложившегося в армии положения раскрыл В. Антонов-Овсеенко в записке, направленной В. Ленину. „Наша, почти исключительно, крестьянская армия расшатывается политикой, смешивающей середняка с кулаком [...], проводящей „продовольственную диктатуру” при поддержке московских продармейцев, при почти полном отсутствии советской власти на местах в селах, — писал командующий Укрфронтом. — В Правобережной Украине работа чрезвычайек и продэкспедиторов, опирающихся на „интернациональные” отряды, возрождает национализм, поднимая на борьбу с оккупантами все население без различия.

Земельная политика, проводимая Мещеряковым, не считается с местными особенностями; неуклюжая редакция земельных декретов и мещеряковских статей способствует той ненависти к коммунистам, которую старательно сеют многочисленные недруги.

Украинская армия, которую строили не одни коммунисты, но и украинские эсеры, левые эсеры, анархисты, плохо поддается дисциплине, далеко не изжила партизанского, повстанческого духа... Наша земельная и национальная политика на Украине в корне подрывает все усилия военных перебороть разлагающее влияние”¹.

Характеристику командующего можно было полностью отнести к 3-й Заднепровской бригаде. Там не скрывали, что не согласны с правительственным курсом и делали это открыто. 10 апреля

¹ Гражданская война на Украине 1918–1920: Сб. документов и материалов в 3-х т., 4-х кн. — Т. 1, кн. 2. — С. 291–292.

¹ Антонов-Овсеенко В. А. Записки о гражданской войне. — М.; Л., 1933. — Т. 4. — С. 148.

в Гуляй-Поле состоялся съезд представителей 72 волостей четырех уездов Екатеринославской губернии. Почетным председателем съезда был избран Н. Махно, не сумевший принять участие в его работе в силу занятости на фронте. Делегаты съезда считали, что „положение на Украине и Великороссии характеризуется захватом власти политической партией „коммунистов-большевиков“, которая не останавливается ни перед какими мерами для удержания и укрепления за собой государственной власти“, резолюция съезда требовала вместо внедрения в сельском хозяйстве коммун, артелей и совхозов провести социализацию земли, принципиально изменить продовольственную политику реквизиций, предоставления политических свобод для деятельности левых партий. Съезд наделал много шума. П. Дыбенко назвал его контрреволюционным, что вызвало протест махновцев. Тогда в бой вступила советская печать. Харьковские „Известия“ 25 апреля выступили со статьей, содержание которой определялось названием „Долой махновщину“. Махновцы обвинялись в разложении Красной Армии и чуть ли не в предательстве. Возникла напряженная ситуация, разрядить которую удалось только визитами в Гуляй-Поле В. Антонова-Овсеенко и Л. Каменева. Последний после поездки написал и опубликовал „Открытое письмо командиру 3-й бригады т. Махно“. Это письмо, хотя и содержало некоторую критику, в целом имело благожелательный характер и опровергало обвинения, которые выдвигались против махновцев.

„После личного посещения Гуляй-Поля и беседы с тов. Махно и его сотрудниками, я считаю своим долгом во всеуслышанье заявить, что все слухи о сепаратистских и антисоветских планах бригады повстанцев тов. Махно ни на чем не основаны. В лице Махно я видел честного и отважного борца, который в тяжелых условиях, лишенный самого необходимого собирает силы и мужественно борется с белогвардейцами и иностранными завоевателями. За их отвагу, за их борьбу на фронте приветствую их“¹.

Гром грянул с другой стороны. 9 мая 1919 г. кавалер ордена Красного Знамени, герой взятия Одессы, начдив Н. Григорьев выступил против Советской власти. 15 тыс. бойцов его дивизии из-под Елисаветграда двинулись в направлении Киева, Харькова, Екатеринослава.

Причины, побудившие начдива пойти на такой шаг, он изложил в „универсале“: „Народ украинский, народ измученный... Междоусобная война, германщина и петлюровщина лучших сынов твоих загнали в могилы и тюрьмы. Когда у тебя иссякли силы терпеть, ты оставил соху и станок, выкопал из земли ржавую винтовку и пошел защищать право свое на землю, на свободу, но и тут политические спекулянты обманули тебя и хитрыми методами испол-

зовали твою доверчивость, вместо земли и свободы тебе силою навязывают коммуну, чрезвычайку и комиссаров... Ты работаешь день и ночь, ты светишь фитилем, ты ходишь в лаптях и в штанах из мешковины, вместо чая ты пьешь горячую воду без сахара, но те, кто обещает тебе светлое будущее, эксплуатируют тебя; тобой воюют с оружием в руках, забирают твой хлеб, реквизируют твою скотину и убеждают тебя, что это на пользу народу“¹. Григорьев предлагал Махно поддержать выступление. Поползли слухи о возможном их союзе, который для большевиков на Украине мог закончиться катастрофой. От Махно начали требовать объяснений и четкого определения позиции. Чтобы прекратить слухи, „батько“ телеграфирует в центр: „...ни одна часть моих войск не снята с фронта, ни одного повстанца мною не направлено ни на Александровск, ни на другой пункт Советской республики. Наоборот, повстанцы ведут успешное наступление на денкинском фронте и находятся в трех верстах от Кутейникова“². Главным, что удерживало махновцев от конфликта с большевиками, было наступление белых, которые непосредственно угрожали захватом Гуляй-польского района. Из двух зол приходилось выбирать меньшее. Так считал Махно. 24 мая в махновской газете „Путь к свободе“ он публично и категорично заявил: „Выступать ли против существующей власти в целях ее свержения и установления другой, „лучшей“, как говорят меньшевики и левые эсеры? Нет и нет! Всякое свержение власти сейчас вызовет к жизни другую власть, не лучшую, а скорее худшую...“. Правда, это не помешало Махно высказать в этой же статье свое отрицательное отношение к диктатуре, которую создавала партия большевиков.

В апреле 3-й Заднепровской бригаде пришлось вести ожесточенные бои с белоказачьим корпусом Шкуро, одним из лучших денкинских соединений. Махновцы стойко оборонялись, не раз переходили в контратаки. Поглощенное проектами похода на помощь Советской Венгрии командование Укрфронта не смогло выделить махновцам подкреплений. Бригада была сильно потрепана, требовала отдыха и переформирования. Но от нее ожидали дальнейшего наступления. Махно пытался предпринять его в начале мая. Но к середине мая снова активизировался Шкуро. Удар

¹Партийный архив Института истории партии при ЦК КП Украины. — Ф. 5. — Оп. 1. — Д. 264. — Л. 288 а, б.

²В. С. Экспедиция Л. Б. Каменева для продвижения продгрузов... — С. 149.

¹В. С. Экспедиция Л. Б. Каменева для продвижения продгрузов к Москве в 1919 году // Пролетарская революция. — 1925. — № 6. — С. 139.

казаков пришлось на стык между махновцами и 13-й армией. Последняя была практически разбита, досталось и частям Махно. Лишенные боеприпасов, они становились легкой добычей врага. Махно бомбардировал Харьков и Екатеринослав телеграммами, требуя патроны и оружие для завершения переформирования бригады в дивизию. Ответа не было. Тем временем повстанцы массово гибли в боях. Только в бою под Гришино они потеряли до 3 тыс. человек. В полках поползли слухи о предательстве. Повстанцы вынуждены были отходить назад к Гуляй-Полю. В этот критический момент штаб повстанцев решил созвать 15 июня очередной 4-й съезд представителей трудящихся района. На съезде предполагалось рассмотреть целый ряд вопросов, в первую очередь связанных с обороной, продовольственным положением и земельными преобразованиями. Информация о созыве съезда вызвала резко негативную реакцию большевиков.

16 мая на Украину прибыл Л. Троцкий. Перед ним стояла задача изменить ситуацию на Южном фронте. Его решение он начал с ликвидации Украинского фронта и борьбы с партизанщиной. Действия Троцкого в этот период отличались крайней жесткостью и даже жестокостью. Рефреном в его выступлениях и статьях звучит призыв наводить революционный порядок при помощи „каленого железа“, невзирая ни на какие обстоятельства.

25 мая в разгар наступления Шкуро, которому противостояли преимущественно махновские части, Совет Рабоче-крестьянской обороны УССР принимает секретное решение, направленное против махновцев: „1) Ликвидировать Махно в кратчайший срок. 2) Предложить ЦК всех советских партий (коммунистов и украинских социалистов-революционеров-коммунистов) немедленно принять политические меры к ликвидации махновщины. 3) Предложить командованию УССР на протяжении суток разработать военный план ликвидации Махно. 4) Предложить ЧК прифронтовой линии организовать из своих отрядов полк, который должен быть немедленно брошен в район действий Махно. 5) Обратиться к Реввоенсовету Южного фронта через Реввоенсовет Республики для координации действий по ликвидации Махно. 6) Это постановление довести до сведения Реввоенсовета Республики телеграммой”¹. Какое-то время уходит на поиски реальных возможностей для претворения постановления в жизнь. Очень быстро становится очевидным, что сил для этого нет. Остается единственный путь — мешать Шкуро добить махновцев. 7 июня К. Ворошилов, назначенный командующим 14 армией, телеграфировал председателю РВСР, главному и командующему Южным фронтом: „Махновия разбита Шкуро вдребезги. Отдельные махната вопят о защите и покорности Советской власти. Момент для ликвидации этого гнояника самый удобный. Наша беда — отсутствие регулярных

частей, которыми нужно занять махновский фронт и ликвидировать остатки банд”¹. В этот момент Ворошилов уже имел приказ об аресте Махно и передаче его Реввоен трибуналу. 6 июня в приказе председателя РВСР откровенно говорилось о предательстве Махно, а еще через два дня появился новый приказ Троцкого — „Конец махновщины”.

Тем временем, когда „комбриг-предатель”, оставался на фронте, пытаясь руководить оставшимися частями, 6 июня в штабе бригады пришли к выводу, что Махно следует отказаться от командования бригадой, чтобы таким образом спасти остатки повстанчества. 9 июня он телеграфом обратился к Ленину, Троцкому, Зиновьеву и Каменеву. Были в этой телеграмме горькие, прозорливые размышления человека, к которому следовало бы прислушаться:

„...Несмотря на то, что я с повстанцами вел борьбу исключительно с белогвардейскими бандами Деникина, проповедуя народу лишь любовь к свободе, к самостоятельности — вся официальная советская пресса, а также партийная пресса коммунистов-большевиков распространяла обо мне ложные сведения, недостойные революционера. Меня выставляли и бандитом, и сообщником Григорьева, и заговорщиком против советской республики в смысле восстановления капиталистических порядков. Так в № 51 газеты „В пути” Троцкий в статье под названием „Махновщина” задает вопрос: „Против кого же восстают махновские повстанцы?” и на протяжении всей своей статьи доказывает, что махновщина есть в сущности фронт против советской власти, и ни одного слова не говорит о фактическом белогвардейском фронте, растянувшемся более чем на сто верст, на котором в течение шести с лишним месяцев повстанчество несло и несет неисчислимые жертвы... Я отдаю себе полный отчет в отношении ко мне центральной государственной власти. Я абсолютно убежден в том, что эта власть считает все повстанчество несовместимым с своей государственной деятельностью. Попутно с этим центральная власть считает повстанчество связанным со мной и всю вражду к повстанчеству переносит на меня. Примером этому может служить упомянутая статья Троцкого, в которой он наряду с заведомой ложью выражает слишком много личного, враждебного мне.

Отмеченное мною враждебное, а последнее время наступательное поведение центра власти к повстанчеству ведет с роковой неизбежностью к созданию особого внутреннего фронта, по обе стороны которого будет трудовая масса, верящая в революцию. Я считаю это величайшим, никогда не прощаемым преступлением перед трудовым народом и считаю обязанным себя сделать все возможное для предотвращения этого преступления. Наиболее верным средством предотвращения надвигающегося со

¹ПА ИИП при ЦК КП Украины. — Ф. 5. — Оп. 1. — Д. 262. — Л. 145.

¹ПА ИИП при ЦК КП Украины. — Ф. 5. — Оп. 1. — Д. 262. — Л. 234.

стороны власти преступления считаю уход мой с занимаемого поста. Думаю, что после этого центр. власть перестанет подозревать меня, а также все революционное повстанчество в противосоветском заговоре и серьезно по-революционному отнесется к повстанчеству на Украине, как живому, активному детищу массовой социальной революции, а не как к враждебному стану, с которым до сих пор вступали в двусмысленные подозрительные отношения, торгуясь из-за каждого патрона, а то и просто саботируя его необходимым снаряжением и вооружением... Предлагаю принять от меня отчеты и дела. ст. Гайчур, 9 июня 1919 г. Батько Махно"¹.

Ответа на телеграмму не последовало. 12 июня прибывшим из Харькова Чрезвычайным ревтрибуналом было арестовано 8 членов махновского штаба. Через несколько дней все они были расстреляны. Махно был поражен случившимся. 15 июня вместе с небольшим отрядом (около 150 человек) он оставляет повстанческие части и едет в направлении Большого Токмака, устраивает митинги, на которых резко высказывается против большевиков. В махновской листовке „Где власть – там нет свободы“, выпущенной в этот период, говорится о разрыве с большевиками, в вину которым ставится разгром повстанческого движения: „...кучка подлых насильников, прикрываясь именем „рабоче-крестьянского правительства“, творит подлое дело, дело удушения революции, расстрела всех инакомыслящих рабочих и крестьян и гнусного предательства партизанской армии имени батька Махно... Оружия не хватало. Патронов не было и пусть не указывают предатели торжкисты-большевики на паническое отступление армии. Они добились своего. Махновщина задавлена...“². Что можно еще добавить к этому? Только одно. После ухода Махно его части под руководством начальника полевого штаба В. Билаша продолжали борьбу на фронте. В конце июня они были влиты в состав Крымской советской дивизии и другие части Красной Армии.

Политика „каленного железа“, которую так неистово и упоенно проводил Л. Троцкий, инспирирование мятежа Махно говорит о том, что председателю Реввоенсовета Республики, как и правительству УССР были совершенно непонятны и глубоко чужды интересы украинского крестьянства. Их (интересы) большевики определяли как мелкобуржуазные колебания или кулацкую контрреволюцию, естественно, что Махно объявлялся ставленником кулачества. Приоритет здесь принадлежал Троцкому. 2 июня газета „В пути“ опубликовала его статью „Махновщина“, в которой председатель РВСР утверждал: „Махновские же командиры отражают интересы ничтожной анархической кучки, опирающейся на кулаков и темноту... Поскобли махновца – найдешь григорьевца. А ча-

ще всего скоблить-то не нужно: оголтелый, лающий на коммунистов кулак или мелкий спекулянт откровенно торчит наружу“

Акция, затеянная против Махно и махновцев, оказалась бесплодной и никчемной. Она не привела к укреплению Красной Армии и не позволила изменить ход событий на Южном фронте. Наоборот, время было потеряно, силы распылены, фронт дезорганизован. Переложив вину на Махно, политическое и военное руководство ничего не добилося. Большевики упорно и энергично рубили сук, на котором сидели. Красная Армия на Украине катастрофически быстро теряла боеспособность, откатывалась на север и запад. В ее тылу бушевали крестьянские восстания. Большевицкий режим на Украине рушился. С полной очевидностью это стало понятно к концу лета 1919 г.

В августе 1919 г. Махно сумел создать новую повстанческую армию. Какое-то время он с небольшим отрядом сражался против деникинцев в районе Александровска и Никополя, затем перешел на правый берег Днепра, в июле объединился с отрядом Григорьева. Атамана махновцы расстреляли. Путем агитации они привлекли к себе огромное количество отступавших красноармейцев, в том числе и две бригады 58-й дивизии красных, в которых служило много старых повстанцев. Главным аргументом махновской агитации было требование прекратить отступления и драться с белыми на своей украинской земле. Деморализованные, потерявшие боеспособность части под руководством Махно просто преобразались. Деникинцы сразу почувствовали силу их ударов. После обескураживающего поражения под Перегоновкой (возле Умани), нанесенного махновцами белым, генерал Слащев докладывал по инстанции: „Главная масса противника около 6 тыс. из банд Махно и красных – это головорезы... Элемент в боевом отношении отличный, конница так просто вызывает восхищение... огромное количество артиллерии и пулеметов, артиллерийским огнем они часто просто забивают, деморализуя наши части, этим вызываются большие потери... все это усиливается блестящими действиями махновской конницы“¹.

Повстанческая армия имела четкую структуру. Она состояла из 4 корпусов (три действующих и один резервный), корпус состоял из полков, полки – из батальонов и дивизионов, батальоны и дивизионы – из рот и сотен, роты и сотни – из взводов, взводы делились на полувзводы.

¹ЦГАСА. – Ф. 39660. – Оп. 1. – Д. 138. – Л. 184.

¹Аршинов П. История махновского движения... – С. 126–127.

²ПА ИИП при ЦК КП Украины. – Ф. 6. – Оп. 1. – Д. 262. – Л. 202–207.

Высшим органом считался Военно-революционный совет, состоящий из 30 человек и разделенный на два отдела: военно-контрольный и культурно-просветительный. Кроме того имелся штаб армии, командарм Н. Махно был подчинен Военревсовету.

В рядах армии насчитывалось 40 тыс. пехотинцев, 10 тыс. кавалеристов, на вооружении находилось до 1 тыс. пулеметов и 20 орудий. Во вспомогательных службах состояло еще 13 тыс. человек. Армия передвигалась на тачанках, которых было более 12 тыс. При командарме было создано специальное подразделение для его охраны — 500 кавалеристов при 10 пулеметах¹. Иногда высказывается мнение о полном отсутствии дисциплины в повстанческой армии, это не так. В штабах велась документация, издавались приказы не только боевые, но и по строевой части, хозяйственной, существовал списочный состав.

Из сохранившихся приказов можно сделать вывод, что особенно тщательно командование следило за отношениями бойцов с населением. В развернутом приказе № 1 по армии от 5 августа 1919 г. командарм особо подчеркивал: „...задачей нашей революционной армии и каждого вступившего в нее повстанца является честная борьба за полное освобождение трудящихся Украины от всякого порабощения, за полное раскрепощение их труда. Поэтому каждый повстанец обязан помнить и следить за тем, что среди нас нет и не может быть места лицам, стремящимся за спиной революционного повстанчества к личной наживе, к разбою, к разгрому мирного трудящегося населения, евреям... Всякие самочинные реквизиции, конфискации, а также замена лошадей или бричек без официальных бумаг от начальника снабжения воспрещаются под страхом суровой ответственности... Не может быть несправедливости в нашей среде. Не может быть обиды от нас, хоть бы одному, сыну или дочери трудового народа, за который мы боремся”². Случаи поборов, конечно, были, но Махно решительно и даже жестоко пресекал их. 21 сентября он подписал приказ, в котором сообщал о расстреле 4 партизан из 7-го Таврического полка за самовольный обыск и конфискацию носильных вещей у одного из крестьян. Другой приказ Махно запрещал самовольный переход из части в часть и устанавливал порядок таких переходов. Запрещалось держать лишних лошадей, иметь лишние тачанки, предписывалось всем пехотинцам носить штыки на винтовках. Довольно строгие ограничения и правила действовали при совершении маршей. Все это и делало махновскую армию мобильной и боеспособной³.

Прорвавшись в тыл белых и возвратившись в начале октября в родные районы, махновцы взяли под свой контроль огромную

территорию. Ими были заняты города Александровск, Екатеринослав, Никополь, Мелитополь, Бердянск, Ногайск, Мариуполь, захвачены коммуникации, питающие деникинскую армию, склады, вооружение. Только в Бердянске махновцам в качестве трофеев досталось 2 тыс. снарядов, 26 орудий, 50 пулеметов, 3 млн патронов, 35 автомобилей, 1 самолет, 3 тыс. комплектов обмундирования. Не сумев найти в тылу достаточно сил для борьбы с Махно, штаб Деникина вынужден был в разгар решающих боев на московском направлении снимать фронтовые части и бросать их в тыл. Успех повстанческой армии определялся в значительной мере ее тесной связью с крестьянством. Екатеринославская большевистская газета „Звезда” 15 ноября писала: „Украина переживает момент великого взрыва революционной энергии, скрывающейся в толще народных масс. Только совсем близорукие люди могут не видеть, что махновское продвижение в глубь областей, занятых деникинской кликой, это нечто большее, чем простая военная операция. Это вместе с тем широкое народное движение, захватившее и увлекшее в своем стихийном и непреодолимом развитии необъятные слои трудовых масс и вылившееся в своем конечном итоге в полную огромных задатков Революцию.

Как всегда случается на первых стадиях развития революционного движения, махновщина охватила весьма широкие крестьянские массы...”

Крестьянство было главным источником пополнения армии, в отдельные моменты повстанческая армия, по свидетельству ее начштаба В. Билаша, достигала 100 тыс. бойцов. Правда, огромное количество махновцев (35 тыс. бойцов) болело тифом. Бои между махновцами и деникинцами на протяжении октября–декабря носили ожесточенный характер, они несомненно помогли Красной Армии разгромить врага на Южном фронте. Понимая это, махновцы готовились к встрече с наступающей Красной Армией и считали, что это будет встреча двух союзников.

В первых числах января 1920 г. части Красной и повстанческой армий встретились возле Александровска. Махновцы заявили, что согласны занять участок на деникинском фронте для совместной борьбы с белыми. Они не подозревали, что их участь уже была предрешена. В начале декабря на 7-м Всероссийском съезде Советов Троцкий говорил об освобождении Украины, затронул проблему партизанщины, а затем перевел разговор на Махно. Троцкий не стал отрицать заслуг махновцев в разгроме Деникина, но его больше волновал вопрос, что же будет дальше. Он горячо

¹ ГА ИИП при ЦК КП Украины. — Ф. 5. — Оп. 1. — Д. 351. — Л. 121.

² Аршинов П. История махновского движения... — С. 211–213.

³ ЦГАОР УССР. — Ф. 1824. — Оп. 1. — Д. 29. — Л. 4.

убеждает, что „махновцы станут смертельной опасностью для рабоче-крестьянского государства“. Как приговор звучит финал его речи: „махновщина... это есть национальный украинский нарыв, и он должен быть взрезан раз и навсегда”¹. Еще на подходе красных войск к махновскому району председатель РВСР подписывает приказ № 180, содержащий перечень мер, направленных на ликвидацию повстанчества и махновщины.

О встрече красных и махновцев в Александровске командующему 14-й армией Уборевичу доложил начдив Якир. Он спрашивал, как себя вести, — махновцы представляли значительную силу, с этим приходилось считаться, да и отношения с красноармейцами у них установились теплые и дружественные. Через какое-то время, понадобившееся Уборевичу для консультаций со штабом Южного фронта, между командармом и подчиненным ему начдивом состоялся телефонный разговор, который и выявил линию поведения красных: „Добрый вечер, тов. Якир. У аппарата Уборевич и члены Реввоенсовета. Тов. Сталин только что передал распоряжение Южфронта предложить армии Махно выступить на защиту Советской республики против поляков в район Мозыря. Во исполнение этого распоряжения нами будет передан для Махно оперативный приказ. Мы полагаем, что соответствующее отношение Махно к этому приказу даст нам возможность иметь определенный материал для нашего дальнейшего поведения...”

Говорит Якир: „Я лично, зная Махно, полагаю, что он ни в коем случае не согласится. Кстати, докладываю, что в случае отказа операцией против Махно будет весьма трудно руководить, благодаря отвратительной связи, благодаря перевесу, который будет на его стороне в смысле численности, благодаря подвижности и ускользаемости его банд... Итак, повторяю, вручение одного приказа, вручение без присутствия кого-либо из центра результат даст отрицательный.

Говорит командарм: Вы хорошо понимаете, что этот приказ является известным политическим маневром и только: мы меньше всего надеемся на положительные результаты в смысле его исполнения Махно...

Приказ вы заранее используйте для агитации, что махновцы должны не свои хаты защищать, но как и вся рабоче-крестьянская армия, бороться на других фронтах. Если этого не пожелают сделать, значит — они враги и изменники”². Расчет оказался верным, для пущей гарантии вручить приказ Махно поручили не командарму, не начдиву, а командиру батальона. Штаб повстанческой армии был унижен и задет, после совещания махновцы ответили, что пока взаимоотношения между армиями не будут определены и зафиксированы документально, ни о каком выполнении приказов не может быть и речи. Махно увел свои части в Гуляй-Поле. На заседании штаба армии было решено дать боль-

шей части армии месячный отдых, распустив ее по домам. Не будь этого решения, она бы разошлась сама. Тем временем отказ Махно передислоцироваться на польский фронт был использован Всеукраинским комитетом для провозглашения махновцев вне закона, а части Красной Армии получили приказ приступить к разоружению повстанцев и разгрому махновских банд. Разрабатывалась специальная методика таких действий. Командному составу было приказано не допускать контактов красноармейцев с махновцами (частыми были случаи, когда после общения с махновцами красноармейцы отказывались вести борьбу с ними). Политработникам предписывалось „развить максимальной интенсивности агитацию во всех частях, обрисовывая красноармейцам дух и характер махновщины как течения анти-советского беспринципного, грабительского анархизма, поддерживаемого с определенной политической целью элементами кулацкими”¹.

При обнаружении махновских частей командирам запрещалось вступать с ними в переговоры, при неисполнении же приказаний, требовалось немедленно применять боевые действия, широко используя артиллерию, ручные гранаты, а среди родственников предписывалось брать заложников, устанавливая круговую поруку и военное положение. Начальник эстонской дивизии Пальвадре отправил свои войска в Гуляй-Поле с такой задачей: „вести беспощадную расправу с бандами Махно и прикрывающим их населением, в случае оказания махновцами сопротивления в районе Гуляй-Поля... с ними поступать самым суровым образом до совершенного уничтожения и срытия пунктов сопротивления”². Под последними подразумевались села и хутора.

До осени 1920 г. части Красной Армии сменяла одна другую без особого успеха пытались разгромить Махно. Он легко уходил от преследования, совершая рейды по Украине и наводя ужас на советских работников и продотрядовцев. Эта категория людей наиболее часто становилась жертвой махновского террора.

1920 г. не принес принципиальных изменений в политику Советской власти. „Военный коммунизм” был ужесточен, что вызывало недовольство крестьянства. На действия продотрядов оно ответило новым всплеском крестьянской войны, поддержкой атаманов, в первую очередь „батки” Махно. Советская агитационно-пропагандистская машина продолжала третировать махновцев как кулаков и контрреволюционеров, шайку бандитов, интенсивно разрабатывались версии о союзе Махно и Врангеля. В это время ВУЧК. информировала высшее советское и партийное руководство: „Тот факт, что Махно еще существует, тот факт, что он несмотря на все наши усилия до сих пор не только не уничтожен, а предпринимает рейд, охватывает части четырех

¹ Известия ВЦИК. — 1919. — 12 декабря.

² Левензон Ф. Я. Проти Махна на денікінському фронті // Літопис революції. — 1929. — № 4. — С. 275.

¹ ЦГАСА. — ф. 1407. — Оп. 1. — Д. 266. — Л. 38-38 об.

² Там же. — Д. 261. — Л. 15-16 об.

губерний (Екатеринославская, Донецкая, Харьковская, Полтавская), объясняется не столько гениальностью Махно, сколько поддержкой той деревни, среди которой он разгуливает со своей бандой"¹. О популярности Махно в ЦК КП(б)У сообщали и многие рядовые коммунисты, направленные для работы в деревню. Об этом говорил и рост его армии. В сентябре 1920 г. она насчитывала до 20 тыс. бойцов. Упомянутая сводка ВУЧК подчеркивала организованность махновской армии: „Она разбита на полки и части. Пехота разбита на три полка. Каждый полк разбит на роты. Кавалерия разбита на два полка... Имеется пулеметный полк и артиллерийская часть. Каждый полк имеет свое знамя... Для оперативного и административного руководства бандой создан штаб, состоящий преимущественно из офицеров (многие крестьяне-махновцы возвратились с империалистической войны со званиями офицеров или унтер-офицера, соответствующим опытом и знаниями, чем во многом объяснялись боевые успехи армии Махно. — В. В.). При штабе состоит культурно-просветительный отдел Революционной повстанческой армии Украины (махновцев), который ведет энергичную агитационную работу, выпускает листовки, воззвания, иногда газету, устраивая митинги”.

Летом 1920 г. махновцы провели три рейда по Левобережной Украине общей протяженностью 1400 верст, борьба с ними оттягивала значительные силы Красной Армии и была малоэффективна, красноармейцы часто переходили на сторону повстанцев. Как свидетельствовал начштаба повстанческой армии В. Билаш, летом 1920 г. армия на 45 % состояла из бывших красноармейцев. В ней даже сражался батальон, состоявший из латышей и китайцев. Как эти факты соотносить с обвинениями в кулацкой контрреволюции? Наоборот, в среде повстанцев были сильны желания выступить на Врангелевский фронт, но многих сдерживала твердая карательная политика Советской власти по отношению к повстанцам. СНК УССР упорно отказывался искать компромиссы с крестьянством и отдавал предпочтение репрессивным мерам. Вот программа действий, опубликованная председателем правительства Х. Раковским в газете „Коммунист”: „Все главари банд и все, участвовавшие в бандах, объявляются вне закона. Каждый захваченный бандит будет расстреливаться на месте. Близкие родственники бандитов берутся заложниками и отправляются в концентрационный лагерь, имущество бандитов и их близких родственников конфисковывать... Деревни, оказывающие содействие бандитам... подвергаются военной блокаде, карами являются: контрибуция... конфискация имущества кулаков, обстрел селений и их полное уничтожение”. В качестве примера проведения такой политики можно сослаться на расстрел Красной Армией 2 тыс. махновцев, захваченных в плен возле ст. Кураховки во второй половине июля. Перед одним эти расстрелом меркнет весь махновский террор.

¹ПА ИИП при ЦК КП Украины. — Ф. 5. — Оп. 1. — Д. 330. — Л. 78.

К осени 1920 г. белая армия генерала Врангеля значительно активизировалась, вышла из Крыма и пыталась перехватить стратегическую инициативу. Ситуация усложнялась и тем, что на польском фронте Красная Армия тоже вынуждена была отступать. По этому поводу в штабе махновцев шли оживленные разговоры, которые выявили различные точки зрения. Постепенно крепла позиция той части штаба, которая стояла за заключение нового соглашения с Советской властью для общей борьбы против врангелевцев, которые захватили значительную часть махновского района, включая Гуляй-Поле. В конце сентября начштаба повстанческой армии В. Билаш по телеграфу связался с Харьковом и предложил советскому правительству республики заключить перемирие. Предложение было принято. 29 сентября махновцы как союзники вошли в Старобельск, где им устроили торжественную встречу. К разбросанным по Украине своим отрядам штаб Махно обратился с приказом: „...совет революционно-повстанческой армии Украины (махновцев) пришел к заключению, что, оставаясь в настоящее время безучастным зрителем, украинские повстанцы помогли бы воцарению на Украине либо исторического врага — польского пана, либо опять царской власти, возглавляемой германским бароном. Как одно, так и другое смерти подобно для селянства Украины. Учитывая вышесказанное, совет революционно-повстанческой армии Украины (махновцев) принял решение — временно до разгрома наседающих внешних врагов и панских наймитов идти в союзе рука об руку с советской Красной Армией; для использования этого постановления совет революционных повстанцев Украины (махновцев) предлагает всем без исключения отдельным группам и отрядам (повстанцев), действующим на Украине:

1) Прекратить всякие враждебные действия против Советской власти и Красной Армии, равно как и против каких бы то ни было советских учреждений и их работников.

2) Все живые и здоровые силы вольного повстанчества Украины влить в ряды Красной Армии, войдя в подчинение и под командование командиров последней...

Совет революционно-повстанческой армии Украины (махновцев) признал, что повстанцы, оставшиеся после прочтения настоящего извещения пассивными или продолжающие враждебные действия или нападения на советских работников и чинов Красной Армии, будут считаться как изменники повстанческому делу..."¹.

16 октября в Харькове были подписаны условия предварительного военно-политического соглашения между советским правительством УССР и революционно-повстанческой армией. В тот же день махновцы прибыли на фронт, где должны были действовать против частей армии генерала Кутепова. Конкретная задача мах-

¹ПА ИИП при ЦК КП Украины. — Ф. 5. — Оп. 1. — Д. 330. — Л. 57–58.

новцев заключалась в прорыве линии фронта и рейде по белым тылам. За пять дней с боями махновцы прошли 250 верст, уничтожив врага на участке Александровск-Пологи, и заняли Гуляй-Поле. 27 октября они захватили Мелитополь.

В начале ноября встал вопрос об окончательном разгроме белых. Для участия в Крымской операции была создана специальная группа под командованием Каретникова. Совместно с 15-й дивизией Красной Армии она должна была форсировать Сиваш и закрепиться на Литовском полуострове. Так и произошло. В кровопролитных боях, потеряв до трети личного состава, повстанцы 10 ноября ударом с тыла взяли город Перекоп. В дальнейшем при штурме юшунских укреплений они нанесли сокрушительный удар белой коннице генерала Барбовича*. 15 ноября махновцы взяли Евпаторию. О подвигах частей Красной Армии при взятии Крыма написаны десятки книг, найдено немало лестных эпитетов для восхваления их доблести; о самоотверженных действиях махновцев, 6 тыс. которых были убиты и ранены, практически не упоминается. Почему?

* * *

Заключение союза с Красной Армией не устранило противоречий между сторонами. Чувствовалось определенное отчуждение в их отношениях, которое усиливалось нежеланием советского правительства предоставить махновцам право на самоуправление в Гуляйпольском районе. О настроениях в махновском лагере можно судить из записи в дневнике одного из близких к Махно повстанцев: „3 ноября. Гуляй-Поле. Скучно и грустно. Терзает и не дает покоя мысль, а что же будет дальше. Белогвардейщина будет раздавлена, и что дальше будет с повстанческой армией. В составе чувствуется усталость. Сам Махно дышит усталостью, нет никакой намеченной цели в армии и определенного плана, а также нет культурных работников... Боюсь, что коммунисты объявят нас вне закона, и тогда снова начнется пролитие трудовой крови”¹. Предчувствия не были лишены оснований.

Как только боевые действия в Крыму завершились, вопрос о дальнейшей судьбе махновщины снова приобрел злобещий характер, командование Южным фронтом начало подготовку к разгрому повстанческой армии. Делалось это с санкции и под непосредственным наблюдением самого высокого советского руководства. 23 ноября Фрунзе направил в Москву В. И. Ленину и С. С. Каменеву телеграмму, в которой изложил предполагаемый

сценарий действий. „В ночь с 25-го на 26-е должна начаться ликвидация остатков партизанщины. Одновременно с настоящей телеграммой мной высылается подготовительный приказ. Включенный в его текст приказ командарму Повстанческой будет передан последнему вечером 25 ноября, — писал командующий Южным фронтом. — В общем работа начинается ранее намеченного мной срока (29–30 ноября). К этому времени я рассчитывал такую группировку сил, которая обеспечила бы сокрушающий удар, к сожалению, с одной стороны под давлением из Харькова, с другой — самой обстановкой операция разворачивается раньше. Полагаю, что и при этих условиях она все же должна оказаться успешной.

Все инструкции начотрядам мною даны лично в Мелитополе и Синельникове. Для исключения подозрений начальнику тыла 4-й армии приказал принять ряд необходимых мер”¹. Согласно с приведенным сценарием-планом Фрунзе и пытался действовать. Того же 23 ноября он подписал приказ № 00149, непосредственно адресованный командующему повстанческой армией Махно. Приказ требовал расформировать армию. На следующий день появился еще один приказ Фрунзе под № 00155, который заканчивался призывом к красноармейцам в три счета покончить с махновщиной и действовать при этом „смело, решительно и беспощадно”². В эти дни к Гуляй-Полю стягивались части Красной Армии. Фрунзе предполагал предъявить приказ № 00149 Махно вечером 25 ноября, но так и не сделал этого. О существовании такого приказа махновцам стало известно от своего агента в ночь на 26 ноября, когда Фрунзе отдал приказ № 00161, который обвинял махновцев в измене и требовал ликвидировать повстанческую армию. К этому времени среди частей Красной Армии была проведена агитационно-пропагандистская работа, красноармейцам розданы отпечатанные в типографии листовки „Вперед на Махно”, „Смерть махновщине”. Последнее подтверждало, что операция тщательно и заранее планировалась. Ночью 26 ноября все части повстанческой армии подверглись нападению, главный удар был направлен против Гуляй-Поля. „На рассвете 26-го ноября Гуляй-Поле напоминало Запорожскую Сечь, блокированную неприятелем, — вспоминал В. Билаш. — Улицы были загроможены обозом... красные войска медленно, но грозно, колоннами подходили со всех сторон, за пять верст рассыпаясь в цепи. ...Положение наше было убийственно-отчаянным. Со станции к Гуляй-Полю подходила Петроградская бригада курсантов, с Полог — 42-я дивизия, с Федоровки — Богучарская бригада, с Покровской — пехбригада и со стороны Успенówki и Туркеновки — конница. С каждой минутой кольцо войск становилось прочнее. К тому же, среди наших частей, а их было всего 100 сабель и 2000 штыков при 16 орудиях и 150 пулеметах, находился подозрительный красный кавдивизи-

* В советской литературе победа в этом бою приписывается частям 2-й Конной армии. См.: Перекоп: Сб. воспоминаний. — М.; Л., 1941. — С. 244.

¹ПА ИИП при ЦК КП Украины. — Ф. 5. — Оп. 1. — Д. 330. — Л. 52.

¹М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны: Сб. документов. — М., 1941. — С. 453.

²Там же. — С. 455.

зион, самовольно из Шагарово прибывший в Гуляй-Поле. Подавленные событиями разрыва, мы потянулись из Гуляй-Поля на Ново-Успеновку. Подозрительному кавдивизиону дано было задание опрокинуть с пути красную кавбригаду.

В полутора верстах от села началась атака. Подозрительный кавдивизион бросился первым и проявил себя сверх ожидания. Кавбригада в начале боя неумолимо отпарировала, но будучи охвачена с флангов, побежала на Ново-Успеновку, преследуемая нашей с позволения сказать армией. Первый бой был, таким образом, выигран¹.

Последующие несколько месяцев в истории махновщины были связаны с попытками уйти от преследования преобладающих сил Красной Армии и непрерывными боями.

По всей вероятности разгром повстанческой армии был санкционирован лично Лениным. Во всяком случае, после неудачных операций в ноябре-декабре Ленин, не скрывая раздражения, телеграфирует заместителю председателя РВСР Э. Скиянскому: „Надо ежедневно в хвост и в гриву гнать (и бить, и драть) Главкома и Фрунзе, чтобы добились и поймали Антонова и Махно“². В этой связи нельзя не отметить поразительное упорство и догматизм, с которыми Ленин отстаивает „военный коммунизм“, не хочет признать, что Антоновщина и махновщина – естественная реакция на эту политику. С трибуны VIII съезда Советов (декабрь 1920 г.) он уверяет, что крестьянских выступлений против Советской власти нет, а есть только кулацкая контрреволюция и политический бандитизм.

Не удивительно, что главная ставка по-прежнему делается на карательную политику, физическое истребление повстанцев. Зимой 1921 г. против махновцев были брошены 2/3 сражавшихся с Врангелем частей Красной Армии. Совершенно невозможно представить, как Махно противостоял, и довольно успешно, такой громаде войск. В начале февраля Ленин раздраженно во второй раз обращается к Скиянскому: „Прилагаю еще одно „предупреждение“. Наше военное командование позорно провалилось, выпустил Махно (несмотря на огромный перевес сил и строгие приказы поймать), и теперь еще более позорно проваливается, не умея раздавить горсток бандитов.

Закажите мне краткий доклад Главкома (с краткой схемой размещения банд и войск) о том, что делается.

Как используется вполне надежная конница?

– бронепоезда? (Рационально ли они размещены? Не курсируют ли они зря, отнимая хлеб?)

– броневики?

– аэропланы?

Как и сколько их используется?

И хлеб, и дрова, все гибнет из-за банд, а мы имеем миллионную армию. Надо подтянуть Главкома из всех сил“³.

¹ ПА ИИП при ЦК КП Украины. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 351. – Л. 302–303.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 52. – С. 42.

³ Там же. – С. 67.

Почему государство „диктатуры пролетариата“ столько внимания и сил (кавалерия, аэропланы, бронепоезда, броневики) уделяет какому-то бандиту и с таким нетерпением жаждет его разгрома и поимки? Не скрываются ли за Махно более мощные силы, приведение в действие которых станет смерти подобным? В конце января на Украину прибыл Ф. Дзержинский, в феврале с его участием прошел пленум ЦК КП(б)У по вопросам борьбы с бандитизмом. Обычные красноармейские части, как правило, не проявлявшие желание драться с махновцами, начали заменяться специальными войсками ВЧК, внутренней службы, курсантами военных училищ. Но для непосредственно участвовавших в ликвидации повстанческого движения становилось все более очевидным, что военными методами успеха не достичь. Задетый окриком Ленина, Фрунзе 7 февраля телеграфирует в Кремль: „Особенно обидна такая оценка с вашей стороны. Бандитизм сейчас идет на убыль... Только устранение социально-политической основы бандитизма позволит довести борьбу с ним до успешного конца“¹. Окончательно сломил ленинское упорство Кронштадтский мятеж. На X съезде РКП(б) он признал, что страна находится в состоянии политического кризиса и крестьянских антиправительственных выступлений. Необходимо коренным образом изменить всю государственную политику.

До середины марта 1921 г. махновцы, уходя от преследователей, сделали два огромных рейда по Украине, прошли через Курскую и Воронежскую губернии, Донскую область. Общая протяженность маршрута составила 3000 верст. Силы армии были подорваны, она постепенно распылялась. В середине марта члены штаба убедили Махно подписать приказ о разделе поредевшей армии на отдельные части для самостоятельной деятельности. И все же махновцы еще представляли значительную силу, в десяти наиболее крупных отрядах насчитывалось до 13 тыс. бойцов.

В мае 1921 г. Махно делает последнюю отчаянную попытку восстановить бывшую армию. Она закончилась неудачей. Почему? Армия не могла находиться в своих родных районах, пораженных жестоким голодом, одним из самых страшных и непосредственных результатов политики „военного коммунизма“, окончательно подорвавшей украинскую деревню. С другой стороны, и это более существенная причина, пусть и не в полной мере в украинской деревне начал сказываться новый курс, провозглашенный X съездом РКП(б). Введение запа было отсрочено на Украине до осени 1921 г., но размеры продразверстки значительно уменьшены, поухляла практика жесточайших репрессий, деревня начала получать помощь. Позитивную роль сыграла амнистия, объявленная V Всеукраинским съездом Советов для принимавших участие в повстанческом движении. Власть демонстрировала свою добрую волю и желание примирения. В 1921 г. правом амнистии воспользовались 30 махновских командиров и 2443 рядовых повстанца. Возле Махно осталось только ядро бывшей армии, люди,

¹ ЦГА С. – Ф. 33988. – Оп. 2. – Д. 368. – Л. 550–551.

для которых повстанчество стало профессией и формой существования. С этим отрядом Махно решается на новый рейд через Дон к Волге в надежде здесь объединиться с аналогичными махновскому отрядами. Все лето он ведет бои с частями Красной Армии, теряя при этом самых близких и преданных единомышленников и друзей. Оторванное от поддержки крестьянства движение оказалось обреченным. Попытки Махно террором, силой повернуть деревню против Советской власти обернулись реками преступно пролитой крови.

* * *

Убедившись в бесперспективности дальнейшей борьбы, Махно в августе 1921 г. с небольшим отрядом переходит румынскую границу, некоторые другие разрозненные группы махновцев еще какое-то время ведут борьбу на Левобережной Украине. В 1922 г. сведения о них исчезают из оперативных сводок Красной Армии и ОГПУ. Это и не удивительно. На Украине сделан резкий поворот к новой экономической политике. Бессмысленная вооруженная борьба с деревней, карательные меры, как и политика „военного коммунизма“ в целом, построенные на ложном тезисе о быстром прорыве в коммунистическое будущее, уступили место продуктивным экономическим отношениям, на которые крестьянство ответило полным прекращением повстанческой борьбы.

Так, в общих чертах, выглядит история махновского движения, явления сложного и противоречивого. Его нельзя рассматривать иначе, чем одну из попыток крестьянства Украины определить свой собственный путь в революции, заявить о себе как о силе, жаждущей свободного демократического развития на основе экономической самостоятельности крестьянского хозяйства. Махновщине были чужды оба вида диктатуры — помещичья и „пролетарская“. Ее нельзя вырывать из контекста гражданской войны, бессмысленно говорить о махновском терроре, умалчивая о белом и красном, совсем убогими представляются попытки свести махновское движение к разновидности бандитизма. Вместе с тем, не менее ошибочно идеализировать это движение, не видеть его отрицательных проявлений и специфических, и в целом характерных гражданской войне. Войне, нанесшей непоправимый урон обществу, производительным силам страны, культуре, морали, правосознанию. Все это необычайно дорогой ценой пришлось оплатить народу.

В. Ф. Верстюк

ВОСПОМИНАНИЯ

Н. МАХНО. ИЗ ДЕТСКИХ ЛЕТ И ЮНОСТИ

Отец мой — бывший крепостной помещика Шабельского, жившего в одном из своих имений, в деревне Шагаровой, что в семи верстах от села Гуляй-Поля, Александровского уезда Екатеринославской губернии. Большую часть своей жизни он прослужил у того же помещика, то конюхом, то воловником.

Ко времени моего рождения (27 октября 1889 г.) он оставил уже службу у помещика и поступил кучером к гуляйпольскому заводчику, богатому еврею Кернеру. Отца своего я не помню, так как он умер, когда мне было только одиннадцать месяцев. Пятеро нас, братьев сирот, остались на руках несчастной матери, не имевшей ни кола, ни двора. Смутно припоминаю свое раннее детство, лишенное обычных для ребенка игр и веселья, омраченное сильной нуждой и лишениями, в каких пребывала наша семья, пока не поднялись на ноги мальчуганы и не стали зарабатывать сами на себя.

На восьмом году мать отдала меня во 2-ю гуляйпольскую начальную школу. Школьные премудрости давались мне легко. Учился я хорошо. Учитель меня хвалил, и мать была довольна моими успехами. Так было в начале учебного года. Когда же настала зима, и река замерзла, я по приглашению своих товарищей стал часто вместо класса попадать на реку, на лед. Катанье на коньках с сотней таких же шалунов, как и я, меня так увлекло, что я по целым неделям не появлялся в школе. Мать была уверена, что я по утрам с книгами отправляюсь в школу и вечером возвращаюсь оттуда же. В действительности же я каждый день уходил только на речку и, набегавшись, накатавшись там вдоволь с товарищами, проголодавшись — возвращался домой. Такое прилежное мое речное занятие продолжалось до самой масленицы. А в эту неделю, в один памятный для меня день, бегая по речке с одним из своих друзей, я провалился на льду, весь измок и чуть было не утонул. Помню, когда сбежались люди и вытащили нас обоих, я, боясь идти домой, побежал к своему родному дяде. По дороге я весь обмерз. Это вселило дяде боязнь за мое здоровье, и он сейчас же разыскал и сообщил обо всем случившемся моей матери. Когда явилась встревоженная мать, я, растертый спиртом, сидел уже на печке. Узнав в чем дело, она разложила меня через скамью и стала лечить куском толстой скрученной веревки. Помню, долго после этого я не мог сидеть как следует на парте, но помню также, что с этих пор я стал прилежным учеником.

Итак, зимою я учился, а летом нанимался к богатым хуторянам пасти овец и телят. Во время молотбы гонял у помещиков в арбах волов, получая по 25 коп. в день.

По окончании начальной школы я то служил у помещиков, то учился и работал в красильной мастерской, а поднявшись немного и окрепнув, поступил в гуляйпольский чугуно-литейный завод, в литейный цех.

В 1906 году, когда революция была уже подавлена, я вступил в кружок молодежи украинской группы хлеборобов-анархистов-коммунистов. В конце 1906 года я был заподозрен в убийстве стражников, схвачен и предан военно-полевому суду. Вскоре меня оправдали и освободили. По освобождении я продолжал свою работу в группе, которая то жила открыто, то временами надолго уходила в подполье.

В конце 1907 года я был вторично арестован. Меня обвинили в целом ряде политических убийств и экспроприаций. Однако следствием это не было доказано, и, спустя несколько месяцев, меня под залог имущества одного заводчика выпустили из тюрьмы. В это время группа сильно преследовалась со стороны полиции. Полицейские агенты и стражники так и рыскали по району и выхватывали отдельных товарищей. В августе 1908 года по показанию члена нашей группы Альтгаузена, оказавшегося, как мы потом узнали, провокатором, я был опять схвачен и посажен в тюрьму. В марте 1910 года я во главе шестнадцати обвиняемых был осужден одесским военно-окружным судом в г. Екатеринославе и приговорен к смертной казни через повешение. 52 дня сидел я под смертным приговором, после чего, благодаря несовершеннолетию в момент преступления, а отчасти благодаря хлопотам матери, смертная казнь была заменена мне бессрочной каторгой.

* * *

Н. МАХНО. В БУТЫРКАХ

Каторгу я отбывал в московской центральной тюрьме. Сидя в тюрьме и до суда, и после, и даже в московской каторге я делал попытки к бегству, но все эти попытки оканчивались неудачей.

В течение всех семи лет сидения в московской тюрьме я не покидал заниматься самообразованием, пользуясь богатой библиотекой, находившейся при тюрьме, и услугами более образованных товарищей политических — учителей и студентов. С особым усердием изучал три любимейших отрасли знания — историю, географию и математику.

Наступил 1917 год. Гранул гром, вспыхнула революция, и тюремные двери раскрылись.

Помню 1 марта, часов в 8—9 вечера нас начали освобождать. Об этом освобождении никто из заключенных ничего не знал. Все знали и видели, что по одному—по два человека из отдельных камер куда-то, зачем-то вызывают, а обратно не приводят. Нам не говорили, куда и зачем уводили этих людей, и это для нас было загадкой. Загадка эта нас всех мучила и беспокоила. Мы терялись в догадках и начинали нервничать. Помню было около часу ночи. Из 25 человек в камере осталось только 12; остальные были куда-то уведены. Несмотря на столь поздний для тюрьмы час, мы, оставшиеся еще в камере, нервничая, мучаясь неизвестностью, спать и не собирались ложиться. Наконец — свисток. Проверка. К нам в камеру заходит дежурный помощник начальника тюрьмы и с ним какой-то неизвестный нам военный. Дрожащим от волнения голосом спрашиваю: „Господин помощник, будьте добры, объясните нам, куда и зачем увели наших товарищей?“. Услышав мой вопрос, помощник быстро произнес: „Успокойтесь и не волнуйтесь. Нашей стране дал Бог переворот, объявлена свобода, к которой примкнул и я. Кто имеет 102 статью (статья о принадлежности к политическим партиям), тот завтра обязательно будет освобожден. Сейчас комиссия по освобождению устала и поехала отдыхать“.

Сказав это, он вежливо раскланялся с нами, чего раньше никогда не делал, и вышел из камеры. Многие из нас от радости подпрыгнули чуть ли не до самого потолка. Другие со злобой, посылая проклятия по адресу комиссии по освобождению политических, заплакали. Когда я спросил их: „О чем вы плачете?“, то они мне ответили: „Мы десятки лет томимся по застенкам тюрем и не устали, а они (комиссия) там на воле поработали всего только несколько часов и уже устали. А вдруг восторжествует снова контрреволюция, и мы останемся опять на долгие годы в этих гнусных застенках...“

Эти слова многих из нас толкнули на разные мысли и на час-другой каждый из нас погрузился в уныние... Сколько тревог, надежд и волнений уместилось в наших душах...

Рассвет... Спать в эту ночь никто из нас не ложился. Каждый погрузился в самого себя и с нетерпением ожидал утра, а с ним обещанного освобождения. Какой бесконечно желанной, прекрасной и дорогой нам, бессрочникам, казалась в эти минуты свобода. И не получив еще ее, как мы волновались, как трепетали наши сердца в тревоге, в страхе, что у нас ее, свободу, или вернее — мечту о ней, отымут.

Мы настолько изнервничались за эти несколько часов, настолько каждый из нас вошел в себя, что мы возненавидели друг друга... Время шло страшно медленно и часы казались вечностью. Наконец-то среди мертвой тишины камеры послышался шум го-вора со двора и раздался выстрел. Окно нашей камеры выходило на широкий двор тюрьмы с церковью и о большой площадью впереди нее. Услышав шум и выстрел, мы все моментально ринулись

к окну. Видим, вся площадь тюремного двора заполнена солдатами в форме конвойной команды. То и были конвойные, которые кричали: „Товарищи заключенные, выходите все на свободу. Свобода для всех дана!”

Из окон тюремных камер слышалось: „Камеры заперты”. „Помайте двери!” — все, как один, крикнули конвоиры. И мы, не долго думая, сняли со стола полуторавершковую крышку и, раскачав ее на руках, сильно ударили ею по двери. Дверь открылась. С шумом, с криком выбежали мы в коридор и направились было к другим камерам, чтобы посоветовать как открыть дверь, но там без совета проделали то же, что и мы, и все уже были на дворе.

Тогда мы поспешили все к воротам, ведущим на одну из улиц Москвы. Там были уже тысячи каторжан и каждый из них спешил первым выйти на улицу. На Долгоруковской улице по дороге к городской думе всех нас выстроили по четыре человека в ряд для регистрации, как пояснили нам. Вдруг видим, летят от городской думы военные и гражданские и с возмущением в голосе кричат конвоирам: „Что вы наделали! ...Обратно в тюрьму! Освобождение будет производиться по порядку”. И нас моментально схватили войска и загнали обратно в тюрьму. Среди криков и проклятий моих товарищей в адрес и властей, и комиссии по освобождению просидел я еще часов 5—6. Наконец заходит какой-то офицер в чине поручика с какими-то бумагами в руках и кричит: „Кто такой Махно?” Я откликнулся. Он подошел ко мне, поздравил со свободой и попросил следовать за ним. Я пошел. Товарищи бросились за мной вдогонку, плачут, бросаются на шею, целуют: „Не забудь напомнить о нас...”

По дороге этот офицер многих еще вызывал, и, следуя за ним, мы пришли в привратническую. Здесь на наковальне солдаты разбили наши ножные и ручные кандалы, после чего нас попросили зайти в тюремную контору. Здесь сидела комиссия по освобождению. Она сообщила нам, кто из нас по какой статье освобождается и поздравила со свободой. Отсюда уже без провожатых мы сами свободно вышли на улицу. Здесь нас встретили толпы народа, которые также приветствовали нас со свободой. Зарегистрировавшись в городской думе, мы отправились в госпиталь, где для нас были отведены помещения.

Наладив связь с анархистскими организациями, я поспешил выехать домой к себе в свое родное село Гуляй-Поле.

* * *

Н. МАХНО. 1917 г. В ГУЛЯЙ-ПОЛЕ

Приехав домой, я застал старушку мать сильно постаревшей, согбенной, беспомощной. Девять лет моего отсутствия ее сильно изменили. Братья в мое отсутствие обзавелись семьями и теперь были на войне. Весть о моем приезде быстро разнеслась по Гуляй-Полю, и ко мне стали сходить крестьяне и крестьянки.

Всю ночь я провел в беседе с ними и через них ознакомился с положением организации общественного самоуправления.

Утром 23 марта я был уже на трибуне перед всем гуляйпольским населением. Я призывал крестьян реорганизовать свой общественный комитет, который был создан произвольно и возглавлялся не местными, а офицерами 8 Сербского полка, стоявшего тогда в Гуляй-Поле. Я призывал крестьян, рабочих и трудовую интеллигенцию взять всю жизнь села в свои руки.

Скоро общими усилиями крестьян, рабочих и местного учителя был реорганизован сначала только местный, а потом и волостной, и общественный комитет. Одновременно с реорганизацией комитета я начал организовывать в селе крестьянский союз, который из местного скоро расширился в волостной, а потом и в районный. Занимая пост председателя крестьянского союза, я одновременно был помощником председателя общественного комитета, председателем земельного комитета, председателем профессионального союза металлистов и деревообделочников и председателем больничной кассы.

Время шло, события развертывались, революция быстро шла вперед. В первых числах августа 1917 г. на губернском съезде в г. Екатеринославе было постановлено реорганизовать все крестьянские союзы в советы крестьянских и рабочих депутатов. Проводя в жизнь это постановление, мы у себя на местах реорганизовали союзы в советы. В ожидании новых распоряжений наш совет работал очень мало. Состоя председателем совета, я в это время мало работал в нем, а отдался всецело работе по земельному вопросу, который по постановлению крестьянского съезда гуляйпольского района требовал немедленного разрешения. Собрав в средних числах августа всех помещиков и крупных собственников района, я отобрал у них официальные документы о количестве находящегося в их владении инвентаря, земли и т. д. Подытожив все это, я выступил с докладом сначала на волостном объединенном собрании совета и общественного комитета, а потом и на районном съезде. На этих заседаниях было постановлено оставить кулакам и помещикам по общей трудовой норме как земли, так и живого и мертвого инвентаря. По примеру гуляйпольского района такие же постановления были вынесены на съездах целого ряда уездов Екатеринославской и Таврической губерний.

Для проведения в жизнь этих постановлений август месяц оказался неблагоприятным ввиду выступления Корнилова. В связи с корниловским походом и в нашем районе все недовольные новыми порядками зашевелились и стали организовываться. Тогда комитет спасения революции взял на учет всю буржуазию и отобрал у нее огнестрельное оружие. Начались возмущения, протесты, доносы и заявления на меня правительственному комиссару уезда Михно. Последний в скором времени присылает бумагу

Гуляйпольскому общественному комитету с требованием немедленного устранения меня от общественной работы, так как я за свои действия в комитете спасения революции предан уездным общественным комитетом суду.

* * *

Н. МАХНО. ОККУПАЦИЯ УКРАИНЫ

Март месяц 1918 года принес нам в Гуляй-Поле весть, что Центральная Украинская Рада заключила с Германией и Австро-Венгрией военный договор*, при помощи их войск заняла Киев и движется в глубь Украины. Это ошеломляюще подействовало на наш район, так как крестьяне и рабочие хорошо знали, что им может принести Украинская Центральная Рада своим святейшим союзом с Карлом Австрийским и Вильгельмом II...

По зову гуляйпольского революционного комитета группы анархистов-коммунистов и левых эсеров (большевиков у нас не было), профессионального союза весь гуляйпольский район объединился вокруг этого комитета в недельный срок времени.

Немецко-мадьярско-австрийские войска с проводившими их разведывательными отрядами Центральной Рады подходили к Екатеринославу. Поэтому гуляйпольский революционный комитет поручил мне, как главе своему, организовать себе полевой штаб и создать из крестьян и рабочих вольные батальоны, которыми и руководить в борьбе против Центральной Рады и немцев.

В это время большевистско-лево-эсеровский блок** на всех парах отступил на Таганрог. Поэтому мне без затруднений удалось у начальника юга резервных войск Беленковича достать 6 орудий, 9 вагонов к ним снарядов, три тысячи винтовок и два вагона патронов. Были организованы батальоны и отряды и вооружены. Мы со дня на день ожидали момента, когда придется сразиться со своими „спасителями“. О нашей организации дошли вести в штаб Егорова, командующего крымским направлением. Последний вызывает меня в штаб в Федоровку (Мелитопольского уезда). Я выехал в Федоровку. Пока я отыскивал штаб, который вместо Федоровки очутился на Волновахе, Гуляй-Поле без боя было сдано немцам.

*Украинская Центральная Рада 9 февраля 1918 г. заключила в Бресте мирный договор со странами Четверного союза, немецкие и австро-венгерские войска были приглашены на Украину после подписания договора. — В. В.

**Махно имеет в виду коалиционное Советское правительство Украины, избранное II съездом Советов Украины. — В. В.

В мое отсутствие к крестьянам и рабочим Гуляй-Поля была допущена делегация немцев и Центральной Рады, которая нарисовала крестьянам картину сожжения всех сел, какие будут сражаться против немцев, и крестьяне и рабочие согласились сложить оружие без боя. Немцы и украинцы вошли в Гуляй-Поле.

Гуляй-Поле сдано! — разнеслось по всему району... Об этом быстро донесли и мне. Вместо Гуляй-Поля я вынужден был повернуть на Таганрог. В Таганроге я долго не задержался, направился в глубь России, где спустя месяц, полтора услышал о том, что немцы Центральную Раду вышвырнули из правительственного кресла. Ее заменил гетман. Торжество гетманщины меня страшно бесило. Это торжество напоминало мне мое пребывание на ка-торге, сидки по карцерам и одиночкам, а временами и избиения. Я сопоставил все мною пережитое с переживаниями под властью гетмана украинского крестьянина и рабочего. Это напомнило мне мою клятву, данную в гнусных тюремных застенках, вырваться на волю и всецело посвятить себя делу подлинного освобождения трудящихся не на торгашеских митинговых словах, а на деле. В этот момент я упрекал себя за выезд из Украины. И тут же, не задумываясь и ни перед чем не останавливаясь, собрал свои жалкие вещички и уехал на саратовском вокзале в поезд. Прибыл в Москву, мечтая через Курск быть на Украине. По пути в уме я уже выработал план похода против немцев, гетмана и всей возглавляемой ими буржуазии.

Эта мысленная подготовка возбудила во мне какую-то внутреннюю тревогу, тревогу, которую увеличивал каждый шаг моего скитания вне своего народа. Вспоминая его пусть даже наивное, но во всяком случае искреннее доверие ко мне во всех отношениях социально-общественного строительства, я чувствовал в себе беглеца от него. И это чувство такой болью отозвалось во мне, что я давал временами себе слово трижды отречься от кружковой замкнутости, от своих убеждений, хотя бы, если надо, и от анархических — и от всего того, что во имя этих идей делал хорошего и во всеуслышание сказать, что нет партий, нет групп, нет политических организаций, а есть кучки политических шарлатанов, которые во имя личных выгод и острых ощущений на путях достижения своих целей уничтожают трудовой народ, но что этих целей без сплоченности, желаний и целостности трудового народа никогда не достигнуть.

Это меня настолько удручало, что я временами считал себя полусумасшедшим. Но не мог об этом ни с кем поделиться. И не мог не потому, что не хотел, а потому, что не осмеливался, боялся, и боялся не столько плохого мнения о себе своих товарищей, не столько сурового осуждения противников, сколько самого себя... В Москве я отыскал анархистов А. Борового и П. Аршинова и с ними поделился своими намерениями как можно скорее вы-

ехать на Украину и с какими целями. На эту тему много между нами было переговорено, особенно с Аршиновым. Порыв мой — немедленно сейчас же быть на Украине — немного остыл. Я на две-три недели решил задержаться в Москве. За это время я посетил ряд лекций анархистов, большевиков, эсеров. Кроме того участвовал в заседании анархистов в гостинице „Флоренция“ по вопросу тактики борьбы на Украине. Посетил съезды профессиональных союзов текстильщиков и других профессий. Все вопросы и решения их на этих съездах меня, крестьянина, и радовали, и угнетали. Радовали они меня оттого, что я видел в пролетариате сознание своих пролетарских интересов, свои стремления, свой пролетарский фронт в достижении тех или иных целей.

Угнетало меня то, что я в этом пролетариате, как классе, не видел его прямой воли при решении тех или иных вопросов. Представительство пролетариата на этих съездах, разрешая те или другие насущные вопросы, хотя и делало это от имени своего класса, но волей политических партий, из которых каждая по-своему понимала и истолковывала пролетарские цели и обязанности в момент строительства социалистического государства. По-моему, это, во-первых, резко отмежевывало пролетариат от трудового крестьянства, без взаимного содружества с которым в социалистическом обществе, не говоря уже в полусоциалистическом, полукommunistическом государстве, каким было в это время государство большевистско-лево-эсеровского блока, нормальной трудовой классовой жизни быть не может. Во-вторых, такое автоматическое подчинение пролетариата, как класса, каким бы то ни было политическим партиям отдаст его в распоряжение этих партий на самое позорное глумление, как в духовном, так и физическом отношении.

И вот, зарождается нездоровое мышление среди части городского пролетариата России и Украины: о необходимости своей пролетарской государственной политической власти или ее диктатуры, во имя которой эта часть пролетариата разбивает единство своего трудового организма, создает новые разнящиеся в мыслях пролетарские кадры; совершает поход и борется зачастую за то, что в будущем во имя свободы вольного труда и равенства обездоленного человечества; сама же будет отбрасывать в сторону. Благодаря этому во всех тружениках села и города закрадывается и развивается недоверие одних к другим.

Идеологи политического авантюризма это недоверие подхватывают и на нем строят свои партийные принципы, указывая этим труженикам, что только следуя этим принципам можно отыскать, понять и устранить причины этого недоверия.

Городской пролетариат, а также и трудовое крестьянство, потеряв свою целостность, единство, из которых можно было черпать силу, поддержку, знание, поддаются на эту удочку. Они бросаются в объятия какой-либо из этих политических партий, и этим

распылив свой трудовой фронт, обессиливают свою классовую мощь, за счет которой во всех отношениях все везде и всюду живут и наживаются, и в то же время кто хочет и как хочет поведут себя.

Политические партии считают такие явления ввиду таких-то и таких-то причин (как они обыкновенно выражаются)... неизбежными и даже необходимыми.

В этом единственно может быть и кроется успех политических партий, которые упорно убеждают трудящихся, что последние без них, т. е. без политических партий, со своими аполитическими профессиональными союзами и кооперативами бессильны и неспособны оградить свою социальную жизнь от своих противников на политическом горизонте и ковать свое счастье на поле экономического.

Политические партии серьезно не задумываются над последствиями своих действий и, увлекаясь сами, увлекают за собой и слепо доверяющие трудовые массы зачастую в омут такой сумятицы и неопределенности, глубину которого и сами они не в состоянии ни понять, ни разрешить. Такое положение чувствовалось в июньские дни 1918 года в России. С одной стороны Вильгельм II через своего посла Мирбаха и через большевиков ставил препятствия развитию русской революции, а с другой стороны — пролетариат и крестьянство на всех своих съездах требовали для революции широкого простора. Правда, благодаря этому большевистско-лево-эсеровский блок дал трещину.

Левые эсеры опирались больше на крестьянство, тогда как большевики и на пролетариат, и на крестьянство. Выиграли, конечно, большевики, ибо они остались. Этот выигрыш слишком дорого стоил трудящимся не только России, но вообще всем трудящимся, которые так глубоко верили в чистоту принципов Октябрьской революции.

Все это действовало на меня удручающе. Я лишний раз убедился в том, что, подымая революцию, пролетариат прежде всего приносит пользу политическим партиям, зачастую во вред тем идеалам, во имя которых он поднимал революцию. Правда, таков исторический ход всякой революции, кроме подлинно социальной. Последняя только в своем стихийном беге сметает всякий авантюризм. В период ее развития политики со своей демагогией болтаются больше в хвосте, а те, которые идут совместно с массами, но не как повелители, а как их друзья и советчики в рядах бойцов и как бойцы, зачастую погибают.

Когда я находился в Москве и посетил Всероссийский съезд профессиональных союзов и ряд лекций таких представителей политического мира, как Свердлов, Ленин, Троцкий, М. Спиридонова, Камков, Рошин и др., во мне еще сильнее зародилась мысль и забурлила кровь желанием быть на Украине. Все взоры мои были направлены туда, чтобы совместно с народом в борьбе про-

тив немецко-мадяро-австрийских и гетманских сатрапов умереть или освободить Украину.

В душе поднялось властное желание путем воли и усилия самого народа создать на Украине такой строй жизни.

где бы не было ни рабства,
ни лжи, ни позора!
ни презренных божеств, ни цепей,
где не купишь за злато любви и престола,
где лишь правда и правда людей...

Такой строй я мыслил только в форме вольного советского строя, при котором вся страна покрывается местными совершенно свободными и самостоятельными социально-общественными самоуправлениями труженников. При посредстве съездов эти самоуправления устанавливают общий порядок взаимоотношений между собой. Создают свой учетно-статистический, распределительный и посреднический органы, вокруг которых в интересах страны и ее свободного народа гармонируют на поприще всестороннего социально-общественного строительства свою работу.

Над практическим осуществлением этого я часто задумывался. Волнуемый подобными мыслями, я 29 июня 1918 года достал соответствующие украинские документы и выехал на Украину.

По пути следования к украинской границе я встретил много знакомых с Украины. От них узнал, что дом моей матери немецкими и украинскими военными властями сожжен. Брат старший, Емельян, инвалид, который совершенно не участвовал ни в какой политической организации – расстрелян. Второй брат арестован и сидит в Александровске в тюрьме, мать скитается по чужим квартирам. Эта весть страшно на меня повлияла. Я душевно заболел. Я способен был возвратиться в Москву, но разум диктовал другое. Он напомнил мне ответственность перед тем, что я наметил и во имя чего еду на Украину. Я переборол свои чувства боли, подбодрил себя мыслью, что кому-либо нужно было и из моего рода умирать за освободительные идеи народа, но смерть эта скоро ли, поздно ли вызовет за собой взаимные смерти. И я тронулся дальше.

Путь был тяжелый, каждую минуту тебя ожидала смерть, поэтому приходилось маскироваться и до безумия „щирым гетманцем“, и чем хочешь, лишь бы только быть на Украине, в тех самых селах, где тебя знают и ожидают.

Военная офицерская форма, погоны несчастного прапорщика, в такт фальшиво расшаркнуться и поклониться – все это мне помогло добраться в район Гуляй-Поля, но не остановиться там, а только добраться и мигом пролететь мимо него. Здесь не территории этого района я поселился и чувствовал, что я на Украине. Отсюда и началась организация под моим руководством крестьянского восстания.

Н. СУХОГОРСКАЯ. ГУЛЯЙ-ПОЛЕ В 1918 ГОДУ.

Село Гуляй-Поле, Запорожского округа, известное как любимое местопребывание Махно, лежит в 6 верстах от железнодорожной станции, носящей то же название, что и село. Гуляй-Поле во время махновщины часто именовалось Махноградом. Это большое селение, где считается до двух тысяч домов. При мне там было 3 гимназии, высшее начальное училище, с десяток приходских школ, 2 церкви, синагога, банк, почтовое отделение, много мельниц и маслобоек, кинематограф. Население – в подавляющем большинстве украинцы. Великоросов в Гуляй-Поле мало – больше учителя и служащие. Наоборот, довольно много евреев – купцов и ремесленников, очень дружно живших с украинским селянством. Село было скорей небольшим городком, притом довольно оживленным. Улицы в селе широкие и длинные. Имеются на улицах деревянные тротуары.

Есть на окраине села и речка, одна из многих тысяч „Черных“ речек, протекающих по России и Украине. Насчет растительности в Гуляй-Поле – слабо.

Таким я увидела Гуляй-Поле летом 1918 года, когда в июне приехала в село „поправиться и отдохнуть“. Австрийцы пришли и заняли село незадолго до моего приезда, а до них самым влиятельным человеком в Гуляй-Поле был сделавшийся потом таким известным Махно.

Нестор Иванович Махно вышел из местной крестьянской семьи среднего достатка. Отец Махно сравнительно рано умер, оставив после себя пять сыновей. Нестор выделялся из всех, и о нем рано пошли настоящие легенды. Мне рассказывали старики гуляйпольцы, будто при крещении младенца Нестора у священника загорелась риза. Тогда присутствовавшие припомнили старую примету и решили, что быть ребенку впоследствии большим разбойником. О детстве и юности Махно приходилось слышать очень мало, но летам к 18-ти, ставши заводским рабочим, он попал в компанию экспроприаторов, носивших модную тогда кличку анархистов.

Шайка вскоре провалилась, и Махно „сел“ вместе со своими компаньонами. За тюрьмой следовала ссылка.

Вернувшись на родину после февральской революции, Махно сразу же стал первым лицом в селе. Помогли росту его известности и легенды: старая – об его крещении и новая об его сыне. Дело в том, что у него от первой его жены, крестьянки, родился ребенок сразу с зубами. Тотчас же заговорили о рождении антихриста. Правда „антихрист“ скоро умер, и это предсказание не исполнилось, но след от него все же остался. Скажем попутно, что у Махно было потом еще две жены, телеграфистка и учительница – знаменитая Агафья Андреевна.

При австрийцах Махно сначала пришлось стусеваться. От этого он почувствовал великую обиду. Кроме того, он с братьями

попал в число преследуемых в качестве „большевиков“. Вся семья принуждена была скрываться в лесах. Тогда еще у Махно было мало активных приверженцев, орудовал он с небольшой, но теплой компанией. То убьет Махно, бывало, австрийца, то ограбит. Местного же населения, наоборот, первые махновцы еще не трогали и этим значительно увеличивали свою популярность.

Австрийцы энергично искали Махно с товарищами. Вскоре были пойманы 2 брата Нестора и убиты. Уцелели только трое братьев, в том числе сам Махно и его старший брат Савелий, недалекий, но тоже злой человек. Вот с этого времени и начинаются, собственно, мои воспоминания о махновщине.

Махно был человеком храбрым и смелым по натуре, но партизанская борьба с австрийцами научила его особой увертливости. Во время пребывания австрийцев в селе, я в первый раз увидела Махно, спокойно гулявшего по главной улице. С виду он был неказист: небольшого роста, узкоплечий, с русыми, под горшок остриженными, гладкими волосами и каким-то плоским, немножко обезьяньим лицом. Ему можно было дать лет около 30, одет он был в солдатскую форму, сбоку у него болталась сабля. В общем он напомнил мне тогда полицейского урядника.

Махно не производил бы никакого впечатления, если бы не его взгляд. Сначала я думала, что это только мне делается страшно, когда он взглянет на меня своими серыми, холодными, стальными, прямо какими-то гипнотизирующими глазами, но потом оказалось, что самые злые разбойники-махновцы не выносили этого взгляда и начинали дрожать мелкой дрожью. Помню, как Махно шел по улице, а гуляющие широко расступались перед ним. Мой ребенок гулял в это время и попался ему под ноги. Кто-то из желавших угодить „батьке“ кинулся убрать ребенка, но Нестор Иванович сообразовал сказать: „Гуляй, малыш, не бойся“. Эти неожиданные милостивые слова батьки привели всех присутствовавших в редкое умиление.

Махно боялись не только средние жители села, но и его собственные сподвижники. Я сама видела, как Махно на улице бил своего пьяного махновца нагайкой со свинчаткой на конце по чем попало, а тот кланялся, целовал ноги Нестору Ивановичу и копыта его коня, плакал и молил: „Прости, батька, не буду“. Конечно, из этого совсем не следует, будто Махно был против пьянства всегда и везде. Нет, он преследовал только „несвоевременное“ пьянство, когда враги были близко и грозила опасность, и сам напивался только в спокойное от своей военной деятельности время. Зато тогда он пил уже до потери сознания и становился форменным зверем. В таком состоянии он шел убивать кого-нибудь из своих личных врагов или отправлялся пытать и казнить пленных. Так, однажды в хмелю он зарубил 13 пленных солдат, красных сибирских стрелков, исключительно ради своего удовольствия.

Во время пребывания австрийцев на Украине, в частности в Гуляй-Поле, Махно собирал свой отряд. Недовольных было много; ведь австрийцы и германцы забирали у крестьян все, что только могли, причем обращение с населением было самое возмутительное.

В селе стояли мадьяры с командным составом из австрийцев. В Гуляй-Поле нарочно поставили не славян, а мадьяр, не понимавших языка местного населения.

Австрийцы энергично принялись водворять „порядок“ и „священное право собственности“. Начали они с того, что перепоролы всех крестьян, у которых находили вещи, захваченные теми при аграрных беспорядках. В еще более широких размерах применялось телесное наказание в борьбе со все развивающейся махновщиной. Австрийцы хватали крестьян, казавшихся им почему-либо сторонниками Махно, людей иногда очень почтенного возраста, и поролы в пример прочим на глазах у всех.

С настоящими махновцами расправа у австрийцев была совсем коротка. Их оккупанты просто вешали на главной улице села перед бывшим волостным правлением (теперь исполкомом), напротив гимназии, и эти украшения на фонарях висели по несколько дней подряд. Снимать и хоронить тела казненных не разрешалось. Их потом куда-то закапывали сами австрийцы, чтобы никто не знал, где могилы убитых.

Махновцы в долгу перед австрийцами тоже не оставались, ловили и убивали их, где придется и кого удастся, как я уже упоминала. За каждое такое убийство на село накладывалась очередная контрибуция. Гуляйпольцы платить — платили, но число недовольных росло, и отряд Махно увеличивался.

Осенью 1918 года, в сентябре... австрийцы покинули Гуляй-Поле. Махновцы использовали положение. Они грабили обозы оккупантов, убивали отсталых. Возбешенные австрийцы еще раз вернулись в село. Был бой. Махновцы отступили, но для населения эта история обошлась недешево. Как только оккупанты ушли, махновцы заняли вновь Гуляй-Поле и стали расправляться уже кое с кем из местного населения побогаче и им поненавистнее. Я в это время уехала по делам в другой город, но газеты кричали, что Махно перебил всех в Гуляй-Поле, и я, бросив дела, кинулась обратно в село, где оставался мой сын. Перебить всех Махно не перебил, но все, кто имел какое-либо отношение к австрийцам в смысле дружбы с ними или просто торговых сделок, бежали, кто куда. Они поступили правильно: ведь Махно обещал прикончить всех „приятелей“ австрийцев. Однако, редко кто ускользал далеко: мосты махновцами взрывались, поезда останавливались, и батько снимал с поездов всех, кто был ему „нужен“. То же самое происходило и на проезжих дорогах.

Поддавшись панике общей, я тоже решила снова уехать из Гуляй-Поля в Бердянск. На железнодорожной узловой станции Пологи, в 19 верстах от Гуляй-Поля, скопилась масса народа из окрест-

ных селений, убежавшего от Махно. Вокзал был битком набит, трудно было продвигаться в толпе. Всюду лежали и сидели люди всякого возраста и положения.

Австрийцы еще оставались в Пологах, хотя тоже должны были вскоре уйти отсюда, ввиду эвакуации всех австрийских войск из Украины. Вокзал был ярко освещен, солдаты ходили взад и вперед, так как временно здесь был помещен австрийский штаб. Между тем, среди беженцев совершенно спокойно разгуливал сам батько Махно. Переодетый рабочим, в темных очках, он похаживал и поглядывал на публику. Мне указали его, так как до того я слишком мало видела его. На вокзале было много людей, видевших Махно не раз, но никому и в голову не пришло выдать его австрийцам. Защиты ведь было ждать неоткуда. Местные сельские власти сами его боялись, а австрийцы уходили, им было не до нас.

Эта ночь в Пологах мне очень памятна. Я вышла из ярко освещенного вокзала на улицу и сразу окунулась во мрак. Была темная осенняя ночь, хоть глаз выколи. Резко выделяясь на черном небе и опоясывая горизонт розовой лентой, виднелось зарево: это горели кругом хутора немцев и личных врагов Махно. Было жутко, хотелось, чтобы ночь поскорее кончилась. В светлых же залах станции было, кажется, еще хуже, чем на улице. Слухи о крушении поездов, взорванных мостах, об убитых, вытасненных из поездов и зверски пытаемых, не переставали передаваться, как по радио. К сожалению, слухи были верны и не расходились с действительностью. Здесь же на вокзале встречались потерпевшие, вернее, родные потерпевших, все больше женщины. Женщин тогда еще Махно не трогал. Особенно мне запомнилась мать-еврейка, у которой, по дороге в г. Александровск, были вытаснены бандитами из поезда и убиты 3 сына, один из них мальчик-гимназист 16 лет. Паника царила на вокзале, стон и плач стоял над станцией. В сердце каждого заползал медленно, но верно страх: „А вдруг и с нами то же будет“.

Наконец, наш поезд тронулся. Говорили, что мост по дороге к следующей станции „Кириловка“ взорван, но мост оказался цел. Мы почти все лежали на полу вагонов, боясь стрельбы по окнам. К общему удивлению и радости, мы доехали до Бердянска благополучно.

* * *

А. ЧУБЕНКО. ОТ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ К ПОВСТАНЧЕСКОМУ ОТРЯДУ

В конце августа 1918 г. Махно приехал в Гуляй-Поле из Курска, куда он попал из Царицына. В течение целого месяца он скрывался от варты и австрийцев. Гуляйпольские анархисты и преданные беспартийные, когда-то бывшие в черной гвардии, также в одиночку скрывались по хуторам.

Лишь в конце сентября они сошлись на первое совещание. Тут был Махно, я, Каретниковы — Пантелей и Семен, Марченко и Гусарь. Сидим на чердаке у Сименюты и рассуждаем, как бы организовать отряд и поднять восстание. На дворе было темно, и мы чувствовали себя в безопасности. Вдруг у соседа пожар; мы оторопели и не знали, что делать. Выйти на двор было опасно, сидеть здесь — боязно, как бы не вспыхнула и наша хата. Сидим, рассуждаем, а там крики, тревогу подняли, австрийцы уже порядки наводят.

Входит к нам Гусарь, который полчаса тому назад куда-то выходил, и говорит:

— Я запалил хату этому собственнику, чтоб не выдавал, сволочь такая!

Мы набросились на него, начали ругать. Но не вернешь...

Основной вопрос, стоящий перед нами, был вопрос об оружии. В конце концов мы достали деньги, купили пулемет, налетели на имение бывшего пристава и взяли четверку серых и два гнедых породистых рысак.

Нас тогда было восемь человек, один пулемет с тремя лентами, браунинг и восемь винтовок... Ночью выехали из Гуляй-Поля, а под утро, сделав 50 верст, налетели на Жеребецкий банк, где взяли сорок четыре тысячи рублей. Нам повезло!

Было решено соединиться с Щусем, который после того, как был разбит в июле месяце, скрывался в лесу. Числа 26 сентября в Дибривском лесу мы соединились. Наш отряд возрос до пятнадцати человек. Простояли мы в лесу спокойно, что-то три дня, а потом решили катнуть в Гуляй-Поле. Но, ввиду того, что там было много австрийцев, выкачивавших хлеб, останавливаться в нем было опасно. Тогда мы решили ехать в деревню Шагарово и добрать там наших ребят, скрывавшихся от австрийцев.

Махно тогда не проявлял себя и был, как все, маленький и равный. До этого прогремевший налетами Щусь пользовался у нас военным авторитетом. Однако он не имел над нами власти и, если надо было куда-нибудь идти, все сообща решали вопрос и, в зависимости от настроения отряда, принимали то или иное решение.

В Шагарово было спокойно, австрийцев не было, и мы, как ни в чем не бывало, разместились по хатам. Вдруг хозяин квартиры кричит в окно: „скорее, австрийцы!“ Мы, как угорелые, из хаты — и за пулемет, тащим его к загате, улаживаем...

Мы трахнули из пулемета. Начальник варты и следовательно тут же свалились, а австрийцы разбежались по дворам. Конечно, мы их обезоружили и отпустили.

Винтовок у нас было много, но добровольцев только три человека. Пулемет с лентами отбили и установили на тачанку. Не страшно, думаем. А из Гуляй-Поля австрийцы, слышав стрельбу, катили уже на подводах. Мы потихоньку балочкой махнули 25 верст в село Успенку.

...Подкормив лошадей, выехали на Гуляй-Поле. По дороге к нам присоединилось еще три человека.

Заехали мы в Гуляй-Поле, а там тревожно: австрийцы выгоняют подводы, конная варта делает объезды за селом... Надо уезжать скорее, дальше от греха, думаем себе. Вдруг из-за угла варты мы их подпустили и как ударили из двух пулеметов, они — кто куда. Бросили на улице винтовки и лошадей. Мы все это подобрали...

— Ты, Пантюшка, вот с ними оставайся здесь и найди ребят, пусть будут наготове, — приказал Махно Тютюнику. Три славных хлопца остались, а взяли десять новых. По центру мы выпустили из пулеметов по одной очереди и махнули за 35 верст на север, в село Покровское.

Наш отряд все вырастал. Оружия опять не хватало. Если бы повезло в Гуляй-Поле — думали мы.

Рано утром от Пантюшки получили извещение. Ему удалось кое-кого разыскать из своих, да и крестьяне были весьма враждебно настроены против австрийцев и поджидали удобного момента, чтобы восстать... Впереди послали местного крестьянина, который должен был разыскать Пантюшку и известить его о нашем намерении. Как только завяжем бой, церковный староста должен быть в набат, а крестьяне ударить по австрийцам с тыла.

Австрийская застава охраняла только главные выезды, а остальны́е дороги были совершенно свободны. Осторожненько, бочечкой, мы подъехали, расспросили и поехали на ярмарочную площадь. Это было 14 сентября по старому стилю. Была ярмарка, против которой на заводе Вечлинского расположились австрийцы, охраняя арестованных крестьян.

Мы их мигом окружили, ударили из пулеметов и бросились в атаку. А на колокольне уже звонили в набат. Напуганные австрийцы, подняв над головою руки, кричали:

— Ура, Махнэ!

Бригада сложила оружие. Здесь же, не слезая с лошадей, мы выбрали „Революционный комитет“, и Махно написал телеграмму, примерно следующего содержания: „Всем, всем, всем! Районный гуляйпольский Ревком извещает о занятии повстанцами Гуляй-Поля, где восстановилась советская власть. Объявляем повсюду местное восстание рабочих и крестьян против душителей и палачей украинской революции австро-германо-гайдамаков. Гуляйпольский Районный Революционный Комитет“.

Телеграмму отправили на почту, откуда она была разослана во все концы Украины. Махно собрал митинг. Людей было — необозримый лес. Он призывал австрийцев не верить офицерам, которые ведут их ложной дорогой, а лучше вернуться домой и там бороться за революцию. Местное население он упрасивал откликаться во всем гетманцам и не подчиняться их власти.

После митинга солдаты качали его и кричали „ура!“ Взятая бригада касса была роздана австрийцам, и они просили нас взять их с собой. Но мы им отказали.

В Гуляй-Поле мы были не более суток. Наш отряд возрастал, и под ружьем было более сотни человек. К этому времени Ермакратьев, организовавший в приднепровских селениях отряды (до 300 человек), находился между Александровском и Екатеринославом. Нас волновало желание скорее соединиться с ним... Мы вышли к Днепру. Прошли верст семьдесят, расспрашивая, где имеются местные повстанцы, но ни одного не встретили.

Наконец, добрались до села Михайлово-Лукашево... Крестьяне хоронили казненных повстанцев из ермакратьевского отряда. Двумя днями раньше австрийцы разбили Ермакратьева и всех плененных повстанцев повесили... Зверской расправой руководил начальник уездной варты штабс-капитан Мазухин...

Бежавший Ермакратьев и семь человек повстанцев находились на ближайшем хуторе. Захватив его с собой, мы повернули на Гуляй-Поле. Под вечер наш отряд подходил к немецкой колонии № 2, где мы думали переменить лошадей и достать тачанки. Вдруг, с огорода по нас дали залп, другой... Разведка выяснила, что стреляли немцы-колонисты. [Мы] рассыпались цепью, начали обстреливать. Выбили их из огорода, а они засели в дворах; [мы их] выбили оттуда, прогнали улицей, а они засели в домах и ну палить по нас. Судили-рядили, а затем решили выкурить. Мигом поднесли огня и пустили красного петушка. Скирды сена, соломы, дома горели так ярко, что на улицах было светло, как днем. Немцы, прекратив стрельбу, выбегали из домов, но наши всех мужиков стреляли тут же. Женщин и детей брали в плен. Под утро, когда выхватили из огня кое-что из одежды, лошадей и тачанки, мы двинулись вперед. Колония имела двадцать дворов, из которых только два уцелело — остальные сгорели дотла.

Отъехав верст пятнадцать, мы встретились с военным, которого сопровождала конная стража.

— Стой... Кто?.. Откуда?.. — спросили мы.

— Кто командует отрядом? — послышалось в ответ. — Я штабс-капитан Мазухин, начальник александровской уездной варты. Какой отряд, я спрашиваю? — повелительным тоном, поднявшись на ноги, крикнул Мазухин. Но вместо ответа ему скомандовали: „руки вверх“.

Его раздели догола, а за компанию и его секретаря, важно ехавшего с ним в экипаже. Кучера, вартового и четырех конных, сопровождавших его, только обезоружили.

— А это что за письмо? — спросил Мазухина Махно, извлекая конверт из его кармана. Тот не отвечал, а только плакал, упрасивая даровать ему жизнь. Но куда там! Ермакратьев его пытал за михайлово-лукашевскую расправу, а затем подвязал к животу гранату и взорвал, а секретаря расстрелял.

Письмо содержало приглашение помещика Миргородского пожаловать к нему на именины. Хоть нам это было и не с руки, но интересно было, и мы решили ехать. Махно нарядился в одежду Мазухина, Щусь в платье секретаря. Погоны так и сияли... В имении Миргородского мы застали бал в полном разгаре. Из окон долетало полупьяное пение. Махно, Щусь и Лепетченко переступили порог и объявили хозяину, что они прибыли с Мазухиным, который на минуту задержался по дороге. Махно отрекомендовался помощником Мазухина, Щусь начальником карательного отряда. Хозяин был в восторге... Когда махновцы вошли в зал, полупьяные гости закричали: „ура русским офицерам!“

Наши ребята уселись за длинным дубовым столом рядом с отставным генералом. За этим же столом сидели: хозяин, три австрийских офицера, какой-то подполковник, два ближайших помещика, дамы и барышни. По примеру хозяина гости подняли бокалы.

— За здоровье хозяина, офицеров, за возрождающуюся великую Россию и вас, господа помещики! — начал тост отставной генерал. — Да поможет вам бог освободить христианскую церковь от анархистов-большевиков!

— Да ниспошли вам, русские люди, успеха в поимке бандита Махно! — провозгласил один из гостей...

Махно полез в карман за бомбой.

— Покарай его святая...

Разъяренный Махно встал:

— Я сам Махно, ... буржуазные! — зычно крикнул Нестор и поднял бомбу. Шипя она упала в хрустальную вазу... Наши бросились к дверям. Свет потух... Оглушительный взрыв, за ним другой, третий.

Мы стояли у окон и ожидали, когда кто-нибудь из них будет бежать. Но никого не дождались... Когда осветили зал, глазам представилась такая картина: полковник, захлебываясь в крови, тяжело дышал, хозяин без руки корчился в судорогах, остальные или совсем не показывали признаков жизни, или звали на помощь. Наши хлопцы обыскали их, у женщин поснимали ценности, а потом штыками докололи оставшихся в живых.

Мигом ребята открыли погреб и разыскали выпивку и закуску. Подкрепившись немного и захватив что поценнее, зажгли именина. Красиво оно горело...

Мы в Гуляй-Поле. Австрийцев не было. Видимо, они ушли искать нас. Мы стояли три дня и все митинговали, призывая молодежь вступать к нам в отряды. Повторили телеграмму: „Всем, всем, всем!“, которая вновь разнеслась по Украине. На четвертый день наше спокойствие нарушил австрийский отряд. Вооружив новых сорок человек, вступивших к нам, обстреляв из пулемета австрийскую цепь, мы вышли на Большую Михайловку. В Успеновке к нам в отряд вступили местные пятнадцать человек со своими лошадьми.

В Большой Михайловке отряд разместился в центре. Штаб оставался в волостном правлении, а повстанцы по хатам. По сведениям, которые мы имели от крестьян, в округе противника не было. Не выставив охраны, мы крепко уснули. Вдруг со стороны Покровской подошли австрийцы. Они проникли в центр и подняли стрельбу. Пришлось бежать в лес, оставив лошадей, пулеметные тачанки... А что главное, мы растеряли отряд: он не успел отступить.

Разведав поутру силы противника, мы решили атаковать его, надеясь, что не успевшие отступить помогут. Наша цепь, состоявшая из двадцати человек, достигнув района расположения австрийцев, ударила по ним. Залп, другой, третий... Австрийцы бросились во все стороны, оставив нам трофеи — две подводы патронов, четыре пулемета и 80 пленных. Удрал за село, они привели себя в порядок и окопались, а мы начали собирать своих растерянных ночью хлопцев и скрылись в лес. Сидим себе спокойно, не думая, что надо выслать разведку. А противник умнее нас был и в течение двух дней окружал лес. Река Волчья, окаймляющая лес с восточной и южной стороны, была глубокой. На этом участке (3-4 версты) и занял позицию немецкий отряд, установив орудия на самом высоком месте. Северную опушку леса, от реки Волчьей до села (расстояние, примерно, в 3-4 версты) занял австрийский отряд в составе пехотной бригады, но без орудий; западную опушку, прилегающую к селу, примерно на расстоянии до двух верст, занял конный отряд губернской варты численностью до двухсот сабель.

Нас было тридцать шесть человек, и, находясь в центре леса, мы не знали, как выйти из кольца в поле. Что делать? Оставаться тут или поставить карту на прорыв? Мы колебались, а неподалеку от нас уже были слышны голоса австрийской цепи и вартовых. Щусь, сторонник умереть в лесу, пал духом. Противоположностью ему был Махно. Он выступил с речью и призывал щусевцев последовать за гуляйпольцами, которые были сторонниками прорыва. Щусевцы поддались его влиянию и закричали:

— Отныне будь нашим батьком, ведем, куда знаешь...

И Махно начал готовить прорыв. Это было десятого октября. Мы, как один человек, бросились на участок вартовых и, прорвав цепь, зашли им с тыла. В лесу поднялась неимоверная лошадей. Мы достигли села и набросились на пулемет и оседланных лошадей. Двадцать семь человек вскочили на лошадей, а остальные девять, взвалив три пулемета на бричку, приготовивший в церковной ограде заложников. Мы ворвались на площадь и начали расстреливать попавшихся. Австрийцы дрогнули и отступили на западную окраину села, предоставив нам центр. Отступив на западную и северную окраины, они подожгли строения. Расстреливая крестьян, бегущих из центра на пожар, они не милдовали ни

женщин, ни детей. Более сорока двух дворов сгорело, а сколько было расстрелянных, трудно сказать.

Махно на площади митинговал перед крестьянами, которые, как и повстанцы в лесу, кричали:

— Будь нашим батькой, освободи от гнета австрийцев!

Но скоро мы вновь были окружены.

* * *

В. АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО. КОМАНДУЮЩИЙ УКРАИНСКИМ ФРОНТОМ В ГУЛЯЙ-ПОЛЕ

Вокруг Махно цвели героические легенды и накапливались скверные слухи.

Силу Махно составляла глубокая „почвенность” в районе его действий. Смелость и предприимчивость Махно привлекают к нему организаторов других самостоятельных партизанских групп (Куриленко, действовавший в Бердянском районе, Щусь — в Дибровском, Петренко — в Гришинском), которые объединяются под командованием Махно в один отряд. Он действует в тесном контакте с местным крестьянством. Местные крестьяне укрывают его партизан, кормят их, помогают им разведкой и живой силой, вливаясь целыми сотнями в махновские отряды для проведения тех или иных экспедиций (это наблюдалось особенно в период боев за Гуляй-Поле, прочно занятое в ноябре 1918 г.). Благодаря всему этому, а также и благодаря тому, что германская революция окончательно подорвала дисциплину германских оккупационных войск, Махно без большого труда удалось овладеть широким районом Полог—Гришино—Гуляй-Поле.

Махно пошел с украинскими большевиками против петлюровщины — этого движения украинской националистической буржуазии, не смогшего укрепиться на Екатеринославщине. Вместе с большевиками он занимал (в конце декабря 1918 г.) Екатеринослав. В контакте с нами он действовал и тогда, когда мы развили из „нейтральной зоны” наступление к Харькову и заняли его. И когда в феврале 1919 г. отряд П. Дыбенко, наступая вдоль магистрали к Екатеринославу, вошел в соприкосновение с частями Махно и мы предложили последнему войти на общих основаниях в состав Красной Армии Советской Украины, Махно согласился.

Внешне Махно понемногу подчинялся общему распорядку Красной Армии. Но на деле — в его штабе чувствовалось засилие съехавшихся со всех сторон анархистов и разнообразного сброда, ютившегося под флагом анархизма. Анархо-добровольческие начала не мирились со строго централизованной системой построения Красной Армии. Сказывались разнузданность и самодурство отдельных начальников, прикрываемые именем „батько Махно”.

Вокруг этого имени наворачивалось слишком много пакостных дел — погромов, грабежей, самоуправств.

Украинское советское командование понимало внутренне-противоречивую природу махновщины, понимало неизбежность конфликта с анархическими тенденциями кулаческой части крестьянства Екатеринославщины. Но на данном историческом этапе, в конкретной обстановке угрозы всему крестьянству со стороны помещичье-капиталистической реставрации, — оно считало „махновщину” своим союзником. Надо было попытаться овладеть этим движением, направить его в надлежащую сторону и подготовить почву для его классового расслоения и размежевания. А движение было серьезным, резко заостренным и против петлюровщины, и против денкинщины, героическим в своей неустанной борьбе с немецкими оккупантами и белогвардейцами.

Вопрос о переорганизации повстанческих отрядов Махно в регулярные, подчиняющиеся централизованной воле части — был, конечно, чрезвычайно важен. От его разрешения зависел успех наших операций в основном направлении Южного фронта — на Ростов! Партизанскими отрядами можно было добиться даже блестящих, но временных и частичных успехов. Закрепить и развить эти тактические успехи в стратегические могла бы лишь регулярная армия, централизованная в своем руководстве.

Это, конечно, создавалось руководством всех организационных его сил, при полной поддержке партии, эту задачу возможно было разрешить. Мы потому и боролись столь упорно за оставление за нами бригады Махно, затем 2-й армии и направления на Ростов, что считали труднейшую задачу организации революционных сил Донбасса (в том числе и „махновцев”), задачей „не по плечу” организационно слабому Южфронту.

И, несмотря на приказ о передаче бригады Махно в ведение Южфронта, приказ, снимавший с нас формально заботу об этой бригаде, — мы продолжали беспокоиться о ней, пытались неперестанно содействовать ее оздоровлению и т. д.

Впрочем, никаких сколько-нибудь серьезных, массовых и открытых антисоветских выступлений Махно в ту пору не предпринимал. И положение с его бригадой не представлялось нам безнадёжным.

28 апреля — мы на пути к Махно. На ст. Пологи нам встречаются некоторые комиссары, бежавшие от Махно. Говорят, будто бы он собирается арестовать всех политкомов и открыто порвать с советской властью. Делаются опасливые предупреждения.

Комфронта это не останавливает. Он едет далее, послав Махно извещение о своем приезде. В дороге получил такой ответ от Махно: „На вашу телеграмму № 775 сообщаю, что знаю вас как честного, независимого революционера. Я уполномочен от имени повстанческо-революционных войск 3-й Заднепровской бригады

и всех революционных организаций Гуляйпольского района, гордо державших знамя восстания, просить вас приехать к нам, чтобы посмотреть на наш маленький свободно-революционный Гуляй-Поле—„Петроград“, прибыв на станцию Гуляй-Поле, где будем ждать с лошадьми”.

Судя по оперативным сводкам, наше положение на Южном фронте было к этому времени крайне напряженным. Тяжелые бои и на участке Махно. К 17 апреля его части занимали линию Благовещенская — Большой Вердер — Малый Янисель — Сретенская — Волноваха; бой шел южнее ст. Розовка. 18 апреля — ст. Волноваха покинута (9-м железнодорожным полком); 9-й Заднепровский полк отошел к ст. Керменчик к западу от Великого Анадоля; Еленовка, Доля, Рутченково — в руках противника.

19 апреля противник, продолжая наступление, занял Мангуш, Стародубскую, Николаевку и, по непроверенным еще сведениям, Мянисал. Противник, прорвавшись у ст. Розовка, что сто пятьдесят верст юго-западнее от Волновахи, наступает в направлении ст. Зачатьевская. Части наши, занимавшие этот район, отходят в направлении Петровское, что северо-западнее от Волновахи.

Но по сводке 21 апреля противник выбит из Широкой, Стародубовской, Белоцерковки, Камышеватской, Мангуша и Темрюка. Противник в беспорядке отступает на ст. Никольское, Мариуполь и Карань.

К 22 апреля после сильного боя вновь заняты нами Волноваха, Карань, Кальчик, Мангуш.

К 24 апреля — заняты ст. Великий Анадоль и Кичиксу.

К 12 часам 26 апреля — взята с боя ст. Сартана; французские крейсера обстреляли Сартану; к востоку от линии Еленовка — Карань нами заняты села Александринское, Новотроицкое, Ново-николаевское и Игнатовка.

Бригада Махно обнаруживает как будто значительную упругость. Совет т. Сокольников — сместить ее начальника, ввиду неуспешности боевых действий, не совсем уместен*. „Среди пере-

*В начале апреля белое командование было встревожено активным продвижением махновцев к Таганрогу, где размещался штаб Деникина. Быстро и искусно перегруппировав силы, белые произвели удар по стыку войск Южного и Украинского фронтов. Прорвав оборону правого фланга 13-й армии, они повели активное наступление, красные части вынуждены были отойти, командование Южного фронта решило всю ответственность за отступление переложить на части Махно и на комбрига. В этой связи член РВС Южфронта Сокольников направил в штаб Укрфронта телеграмму, в которой писал: „Бригада Махно не только сама небоеспособна, но разлагает также соседние части 9-й дивизии... В связи со одачей Мариуполя, поражением-бегством бригады Махно, не сочтете ли подходящим моментом убрать Махно, авторитет которого пошатнулся, и тем начать оздоровление этого участка Южфронта, без укрепления с одной стороны положение в Донецком бассейне не может считаться прочным, с другой стороны продвижение к Ростову существенно тормозится”. — В. В.

правы коней не перепрягают”. С этими мыслями приближаемся к станции Гуляй-Поле.

Лихая тройка промчала нас к крепкому поселку Гуляй-Поле. Под звуки оркестра, игравшего Интернационал, перед фронтом загорелых партизан, навстречу комфронта вышел малорослый, моложавый, темноглазый, в папахе набекрень, человек. Остановился в паре шагов, отдал честь: „Комбриг — батько Махно. На фронте — держимся успешно. Идет бой за Мариуполь. От имени революционных повстанцев Екатеринославья приветствую вождя украинских советских войск”. Рукопожатие. Махно представляет членов Гуляйпольского исполкома и его штаба. Тут же политкомиссар бригады, и старая знакомая Маруся Никифорова.

Обходим фронт. Основные части бригады в бою. Здесь — резервный вновь формирующийся полк и пара кавалерийских сотен. Одеты кто во что, вооружение случайное, а вид бодрый и боевой. „Едят” глазами.

Выслушивают, в порядке, речь комфронта о значении нашей борьбы, о положении на фронтах, об ответственной задаче, лежащей на бригаде Махно; о необходимости железной дисциплины и покрывают ее криками „ура”.

Махно отвечает комфронту приветствием, несколько обидчиво отзывается о „несправедливых” обвинениях, падающих на „повстанцев Екатеринославья”, отмечает их победы и обещает новые, „если будет поддержка оружием и обмундированием”. (Голос не сильный и слегка сиплый, говор мягкий — в общем, не большой оратор, но как его слушают!).

Переходим в штаб бригады. Краткая инспекция штабных отделов благоприятна. Чувствуется рука спеца (наштаба Озерова). Положение на фронте. Части 7-го и 8-го Заднепровских полков и 6-го резервного полка, а также греческая батарея находятся приблизительно на линии Гурзуф, что северо-восточнее Бердянска, Стародубовская, Староповская, Каменные Могилы, Новый Ямбург. В районе Хлебодаровки действует 1-й резервный ударный полк. Далее к северу — прорыв, ввиду того, что 9-й Заднепровский полк отошел к ст. Керменчик. Затем идут части 9-й стрелковой дивизии. К вечеру 23-го части бригады после сильного боя заняли Волноваху, Карап, Кальчик и Мангуш. Развив сильный напор, наши сейчас уже под Мариуполем. Как раз во время доклада пришло сообщение, что мы вновь заняли этот город и порт, захватив в плен 1-й сводный полк противника.

Но развить успех нечем. „Сформировать можно бы пару дивизий, но нет вооружения, патронов, обмундирования”. Соседние части — 9-я резервная дивизия — „панически настроены, их командный состав — белогвардейцы”. А Дыбенко требует возвращения в Крым 1-го ударного и 3-го резервного полков.

Комфронта выступает за соседей и указывает, что, напротив, соседи говорят об антисоветском поведении „махновцев”. Махно

и его штабные горячо возражают: конечно, возможны отдельные выходы, но повстанцы уважают красную звезду; погромы кажутся смертью.

„Ложь, что мы бежали из-под Мариуполя... Наши передовые части были в 27 верстах от Таганрога и в 3 от Кутейниково" и в доказательство — письменные донесения с фронта: „Бежала соседняя 9-я и погиб окруженный, не сдавался, наш полк у Кутейниково". И затем следуют жалобы (и сколь основательные) на отсутствие снабжения: нет ни денег, ни оружия, ни патронов, ни обмундирования. Бригада получила в свое время от П. Дыбенко 3000 итальянских винтовок с небольшим количеством патронов к ним; теперь — за израсходованием патрон — эти винтовки превратились в холодное и неудобное оружие.

Все остальное вооружение и обмундирование добыто с боя. Захвачено несколько исправных орудий, из которых сформирован артиллерийский дивизион; есть еще 7 орудий без замков. Никакого телефонного имущества, шанцевого инструмента. Полное отсутствие какой-либо санитарной поддержки. Если что-либо создано, то собственными средствами.

Бандитизм? Но вот он главный бандит. Шаркают по полу тяжелые движения. Широкий обрубок человека, переваливаясь на остатках ног, медленно приближается к нам. Улыбается широким, плоским лицом, батко Правда протягивает нам корявую свою руку. Это про него-то развивались панические слухи — коммунистов режет, свергает советскую власть, погромщик? Батко Правда — давно уже такой калека. Но он лихой боец и убежденный анархо-коммунист. Собственноручно застрелил нескольких погромщиков. „Преследование политкомиссаров? Изгнание их? Ничего подобного! Только нам надо бойцов, а не просто болтунов. Никто их не гнал. Сами поутикали... Конечно, у нас много идейных противников ваших, так давайте спорить"... (Этот отзыв тут же подтверждает политкомиссар бригады). И опять туча жалоб на „провокации" местных властей, тыловых чрезвычай, хлебных „экспедиций" и т. д. В Александровске арестовали анархистов очевидно только потому, что у них останавливалась полтора года тому назад Маруся Никифорова.

Среди разговоров переходим в „половину" Махно. Простая, но обильная еда, какая-то красная наливка. Махно заявляет, что не любит пить и пьянство преследует... Исполкомщики хвалятся большой работой: по их словам, Гуляй-Поле имеет три средних школы „образцово поставленных". Развиты детские сады, „деткоммун". По этой линии Махно направил Марусю Никифорову, решив не подпускать ее к военной работе. Организованы 10 военных госпиталей... В них свыше 1000 раненых. Но нет ни одного опытного врача.

Командукр беседует с Махно стлазу на глаз. Разговор идет о наших планах в помощь Советской Венгрии, о „прорыве в Европу"

и об опасностях наступления Деникина. Говорим о необходимости создания перед лицом контрреволюционной угрозы единого железного фронта социальной революции; о том, что надо оберегать наши воинские части от политиканствующих проходимцев, не обострять из-за мелких недоразумений и недочетов отношений с местными властями, распустить Военно-революционный совет, принять общую систему советской власти и насторожиться против белогвардейской (петлюровско-деникинской) внутренней агентуры. Говорю прямо о подозрительных тайных сношениях с Григорьевым.

Махно поддакивает, горячо заверяет, что целиком согласен с этими указаниями, резко опровергает слухи об антисоветских замыслах своего штаба, о контрреволюционном сговоре с Григорьевым. Он действительно послал доверенное лицо к Григорьеву, но с целью выведать от последнего, что тот замышляет, и сорвать контрреволюционное выступление, если таковое затевается. Уверяет, что не был на 3-м районном съезде, не подписывал его резолюций и не согласен с ними. Проводить формирование частей, согласно этим резолюциям, не станет и будет твердо держаться установленного порядка. Он, Махно, считает себя „вольным коммунистом", не анархистом; большевики ему ближе анархов. До решительной победы над белогвардейщиной должен быть установлен единый революционный фронт, и он стремится не допускать обострения междоусобицы среди различных элементов этого фронта. Но... И тут опять конкретные факты больших и малых обид.

В заключение крепкое пожатие с прямым взглядом в лицо — „пока я, Махно, руковожу повстанцами, антисоветских действий не будет, будет беспощадная борьба с буржуйнными генералами".

Принимает спокойно и в деловом порядке извещение о перемещении частей его участка в дивизию под командованием Чикваная, с оставлением его (Махно) комбригом. Обязуется провести энергичную чистку ненадежных элементов, держаться утвержденных штатов и положений в воинских частях.

Вечером был еще один громадный митинг. Выступления комфронта, Махно и Маруси Никифоровой. Все выступления шли под лозунгом — „всеми силами против общего врага — буржуйских генералов".

Резюмируя впечатления от Гуляйпольского района, мы телеграфировали (29 апреля): „Пробыл у Махно весь день. Махно, его бригада и весь район — большая боевая сила. Никакого заговора нет. Сам Махно не допустил бы. Район вполне можно организовать. Прекрасный материал, но нужно оставить за нами, а не Южфронт. При надлежащей работе станет несокрушимой крепостью. Карательные меры — безумие. Надо немедленно прекратить нагавшую газетную травлю махновцев".

О газетной кампании против Махно мы сообщили на основании следующего телеграфного протеста из штаба Махно: „Помещенная в номере от 25 апреля в Известиях Харьковского совета статья под названием „Долой махновщину“, отчасти касающаяся боеспособности повстанцев батько Махно, является самым извращенным вымыслом, совершенно не соответствующим настоящему положению. Повстанцы, наравне с красноармейцами дерущиеся против белых банд, в отношении снабжения находятся в несравненно худших условиях. Отступление от линии Мариуполь-Волноваха произошло по причине отступления российских красных войск, имеющихся на нашем левом фланге, в связи с чем мы вынуждены были перебросить часть своих сил для прикрытия отступающих частей, вследствие чего произошло отступление сил и оставление линии занимаемого нами фронта. Кроме этого белые, чувствуя грозную силу повстанцев, бросили сюда свои лучшие силы под командой известного партизана генерала Шкуро. Сообщая об этом, полевой штаб считает нужным заявить, что в то время когда повстанцы, беззаветно преданные делу революции, дерутся с белыми бандами, по месяцам не имея отдыха, в их тылу кто-то по неизвестным для нас причинам распространяет гнусную клевету по их адресу. Такое отношение к революционерам, отдавшим жизнь за дело народа, само по себе доказывает чью-то грязную провокационную работу“.

Командукр счел необходимым поддержать этот протест: „Харьков. Редакция Известий Харьковского совета. Копия предсовнаркому Раковскому. Копия Гуляй-Поле комбриг Махно. Копия Киев члену Реввоенсовета Бубнову.“

В номере от 25 апреля у вас помещена статья „Долой махновщину“. Статья полна фактической неправды и носит прямо провокационный характер. Подобные выпады крайне вредят нашей борьбе с контрреволюционным казачеством и добровольцами. В этой борьбе Махно и его бригада проявили и проявляют величайшую революционную доблесть и они заслуживают не руготни официозов, а братской признательности всех революционных рабочих и крестьян.

Отдельные темные личности, прикрывающиеся именем Махно, не могут заслонить героического облика революционных полков и их вождя, неукротимо ведущих борьбу с проклятым врагом. В это ответственное время Красная армия вправе требовать от рабочей печати побольше вдумчивости, тактичности и осторожности в суждениях о воинских частях. № 923. 29 апреля. Гуляй-Поле“. (К сожалению, эти указания успеха не имели. Кампания в нашей печати против „махновщины“ продолжалась).

Одновременно нами дан ряд указаний командарму 2 (29 апреля). Привожу существенные из них: „1. Не допустите увода с фронта Махно 1-го ударного и 3-го резервного полков.

2. Из 1-го ударного, 3-го резервного и одного из 9 полков составьте 1-ю бригаду дивизии Чикваная; из 15-го, 16-го и Черноморского (из Николаева) 2-ю бригаду и 3-ю – Махно.

3. Из Харькова затребуйте легкий артиллерийский дивизион (без лошадей), чтобы придать этой дивизии.

4. Из Николаева взвод гаубичных.

5. Если у вас не готовы хоть зародыши штаба дивизии, батальона связи, инженерного батальона – то вы зря проворонили время.

6. Надо в самом спешном порядке начать сосредоточение всей дивизии и 5-го кавалерийского полка для закрепления успеха и, по возможности, для его развития. (5-й кавалерийский полк только что был переброшен нами к Махно из-под Киева). Ставится вам на вид крайняя запущенность 3-й бригады (т. Махно). Бригада не получает совершенно никакого снабжения.

Ввиду перехода ее в новое соединение, немедленно во внеочередном порядке:

1. Снабдите ее деньгами (не менее 4 000 000).

2. Выдайте хоть сколько-нибудь обмундирования, шанцевого инструмента (хоть полштата), 27 походных кухонь, телефонного имущества (хоть полштата).

3. Немедленно доставьте семь трехдюймовых орудий без замков.

4. Для 3000 итальянских винтовок боевой комплект патронов.

5. Ввиду крайней скудности санитарных средств бригады, немедленно командуйте двух врачей хирургов и двух по внутренним (болезням), направьте медикаменты, перевязочные средства, балье и простыни на тысячу раненых.

6. Для закрепления нашего положения на линии Доля-Мариуполь немедленно направьте в распоряжение Махно еще один бронепоезд“.

И закрепляя свои соображения, комфронта направил (2 мая) председателю укрправительства Х. Раковскому следующее заявление:

„Непосредственным ознакомлением убедился и утверждаю, что:

1. Сам Махно, главные его боевые работники и его полки проникнуты желанием сломить контрреволюционное казачество и офицерство;

2. Махно и Маруся Никифорова ведут агитацию за создание „единого революционного фронта“ против контрреволюции.

3. К левозэсерам относятся отрицательно.

4. Нашу партийную литературу Махно допускает и политических комиссаров принял.

5. Выборное начало в частях постепенно изживает, полковые комитеты приказом № 12 сведены на роль хозяйственных коммиссий.

6. К агитации против советской власти Махно не причастен, на 3-м съезде в Гуляй-Поле не был, резолюции съезда не подписывал.

7. Против погромной агитации выступает в печати.

8. Марусю Никифорову к военному делу не подпускает, находя что ее место – дела „милосердия“.

9. Махно и его штаб живут крайне скромно; бандитизма не заметно.

10. Организационная работа в районе заметна: налаживаются детские коммуны, школы, Гуляй-Поле один из самых культурных центров Новороссии: здесь три среднеучебных заведения и т. д. Усилиями Махно открыто до 10 госпиталей для раненых, организована мастерская, чинящая орудия и выделывающая замки к оружию.

11. Раненые лежат с проясненными лицами и рвутся в бой; слабостью командного состава объясняется недостаточная боеспособность некоторых частей.

12. Силы Махно – 4 полка до 6000 штыков, до 20 пулеметов, 5 трехдюймовых, 2 сорокадвухлинейных, 2 сорокапятилинейных орудия, один бронепоезд, патронов очень мало, половина винтовок итальянские; обмундирование очень скудное, половина людей босые; 8-й полк довольно скверно дисциплинирован.

13. Состав частей – все бывшие солдаты; кадр великолепный – в Гуляй-Поле с войны все повозвращались не меньше, как унтер-офицерами; материал прекрасный, но нуждающийся в большой обработке.

14. Для пополнения убыли в частях Махно (одних раненых в госпиталях до 1000 человек, один полк, бывший в 3 верстах от Кутейникова, совсем уничтожен казаками после бегства 9-й дивизии) съездом 72 волостей объявлена „добровольная мобилизация“ (точнее – добровольный набор).

15. Вблизи Махно вертятся (больше в тылу) несколько прохвостов, творящих временами некоторые пакости; благодаря усиливающемуся дисциплинированию частей Махно, из них дезертируют бандитские элементы, пакостничающие в тылу; прославленный Правда – безногий калека, организатор боевых частей, не бандит.

16. Наши политработники в частях Махно слабы, трусливы и не могут противостоять указанным вредным элементам.

17. Нападки на Махно крайне озлобляют местное население и его части.

18. История наступления на Александровск – как выяснилось из рассказа Дыбенко и Махно – курьезный вздор, никто не наступал, батальон шел на отдых, панически настроенные местные люди сочинили наступление.

19. Отступление из Мариуполя вызвано бегством 9-й дивизии – бригада Махно находилась в 27 верстах от Таганрога и в 3 от Кутейниково.

Заключение:

1) Махно против нас не выступит;

2) политическая работа наша и возможна, и необходима во всем районе; травля Махно должна быть прекращена;

– 3) район может дать громадные силы против казачества, но только если мы им овладеем;

4) надо пустить лучших работников для военноорганизационной работы в этот район“.

А. СКАЧКО. 2-я УКРАИНСКАЯ КРАСНАЯ АРМИЯ

К декабрю 1918 г. германские оккупационные войска насчитывали 36 тыс. штыков и свыше 200 орудий, гетманская армия – 20 тыс. штыков с артиллерией, петлюровская – 40 тыс. штыков, 3 тыс. сабель, около 70 орудий. Добровольцы в Екатеринославе имели отряд численностью около 2 тыс. человек с 20 орудиями. В Донбассе имелось 1100 добровольцев, в Крыму – 3 тыс. с артиллерией, бронепоездами, броневидами и самолетами.

Этим войскам, прекрасно вооруженным и снабженным, революционная Украина могла противопоставить только 4 тыс. повстанцев, скрывавшихся в нейтральной зоне. 17 ноября была организована группа войск Курского направления. 6 декабря 1918 г. она официально была переименована в Советскую Армию Украины (Реввоенсовет: Антонов, Затонский, Артем). К концу января Украинская Красная Армия насчитывала в рядах своих постоянных частей свыше 40 тыс. бойцов, а в момент своего высшего подъема свыше 60 тыс. Она в первой половине 1919 г. была по своему составу в подавляющей своей массе украинской национальной армией.

Украинская армия разделилась на две группы. Первая, впоследствии названная 1-й Украинской Армией, пошла на Киев, вторая – на Харьков. Эта группа образовала позже 2-ю Украинскую Армию.

Командовал Украинской Армией В. А. Антонов-Овсеенко, начальником штаба в декабре месяце стал В. Х. Ауссем, я был начальником оперативного отдела штаба с самого начала существования армии. При разделении армии на две группы В. Х. Ауссем был назначен командующим Харьковской группой, а я начальником ее штаба.

Харьковская группа перешла в решительное наступление на Харьков 17 декабря. 20 декабря был взят Белгород. Занимавшие его немецкие и петлюровские войска бежали, оставив обозы, несколько сот винтовок и несколько орудий.

После взятия Харькова увеличение числа воинских частей и их расхождение по различным направлениям (на Киев, Екатеринослав, Донбасс) вызвало необходимость превратить штаб армии

в штаб фронта. 5 января был организован Украинский фронт и его штаб. В Реввоенсовет фронта вошли т.т. Антонов, Бубнов, Щаденко, при начштабе генштабисте Глаголеве.

3 января в Харькове появилась новая часть, которая затем играла большую роль в действиях 2-й Украинской Красной Армии. В приказе по армии это отразилось таким образом: „Отряд Павла Дыбенко, прибывший 3/1 в составе матросского бронепоезда № 8 (8 орудий, 17 пулеметов, 160 штыков), считать в составе группы войск Харьковского направления.

Батальон Михайловского (350 штыков при 5 пулеметах) и роту особого назначения 7 советского полка выделить из состава 2-й дивизии и передать в распоряжение тов. Дыбенко, назначенного начальником отдельного отряда”.

Отряд Дыбенко начал действовать 6-го января, разбил петлюровцев у Мерефы, захватил орудия, снаряды, огромные железно-дорожные склады. Дальше он получил задание: занять Лозовую и связаться с нашими повстанцами, захватившими в это время Павлоград, и Махно, дравшимся с петлюровцами около Екатеринослава.

Дыбенко, к отряду которого был придан 6 полк из 2-й дивизии, вошел в связь с Махно, занял Синельниково, а отряды Махно заняли Александровск. 27 января после сильного боя Дыбенко заволадел Екатеринославом.

В начале февраля петлюровский атаман Григорьев, действовавший на Херсонщине, и против Одессы, занятой тогда добровольцами, заявил о переходе на сторону Советской власти вместе со своими отрядами, общим числом свыше 10 тыс. человек.

К этому времени П. Дыбенко, проявивший большой организационный талант, развернул свой небольшой отряд, состоявший из бронепоезда и 6-го советского полка, уже в целую бригаду, насчитывавшую к 15 февраля 7300 штыков, 320 сабель, 32 пулемета, 10 орудий и 1 бронепоезд. В состав этой бригады входили и партизанские отряды Махно, взятые Дыбенко под свое организационное влияние, численность которых никто не знал, в том числе и сам „батько” Махно. В „Записках” Антонова* эта численность по различным документам определяется на различные моменты от одной до тридцати тысяч.

С приходом Григорьева, Укрфронт преобразовал бригаду Дыбенко в девятиполковую дивизию в составе трех бригад: 1-я Заднепровская (Григорьевская) — 1-й, 2-й и 3-й полки, 2-я Крымская — 4-й, 5-й и 6-й полки и 3-я Заднепровская (Махновская) — 7-й, 8-й и 9-й полки. В середине марта в этой дивизии насчитывалось 18 500 штыков, 900 сабель, 180 пулеметов, 24 легких орудия, 8 гаубиц и бронепоезд.

*В. А. Антонов-Овсенко. Записки о гражданской войне: В 4-х томах. — М.; Л., 1928—1933. — В. В.

10 февраля произошла смена командования 2-й Украинской Красной Армии. В. Х. Ауссем, оскорбленный строгим выговором, объявленным ему Антоновым в приказе по фронту, подал в отставку, и вместо него командующим был назначен Я.

16 марта части Григорьева взяли Николаев, почти одновременно Дыбенко, отбросив действовавшие против него добровольческие части, подошел к Перекопу, а бригада Махно заняла Бердянск и Волноваху. 27 марта части Дыбенко, прорвав четыре линии окопов с проволочными заграждениями, овладели Чонгарским мостом, захватив бронепоезд, 20 пулеметов и 3 орудия. 29 марта наши войска* после ожесточенного боя заняли Мариуполь, несмотря на то, что противника поддерживала артиллерия с военных французских кораблей (одного крейсера и двух миноносцев). Выбитые из Мариуполя добровольцы погрузились на французские суда и ушли в море.

4 апреля 2-я бригада Заднепровской дивизии штурмом взяла Перекоп, захватив 25 пулеметов и 2 тяжелых орудия и ворвалась в Крым. В это время отряды Махно наступали на Таганрог. Много раньше этого, еще 18 марта Я отдал приказ Григорьеву наступать на Одессу.

Задача наступления на Одессу была возложена почти исключительно на григорьевских партизан. Кроме них в наступлении участвовали только 15-й пехотный полк из бригады Покуса и кавалерийский Воздвиженский полк. Наши войска вошли в Одессу в два часа дня 6-го апреля.

18 апреля 2-я Украинская Красная Армия занимала фронт от Одессы почти до Таганрога по всему морскому побережью, имея в тылу у себя всю пройденную ею и освобожденную от всех врагов революции Украину.

Взятием Одессы собственно и закончилось существование 2-й Украинской армии, хотя официально так именоваться она начала с 15 апреля, все еще называясь до тех пор Харьковской группой.

Дальнейшая история 2-й армии представляет только историю ее расформирования. Впрочем, ослабление и уменьшение группы войск Харьковского направления началось еще раньше взятия Одессы и было связано со все усиливавшейся „западной” ориентацией командующего Украинским фронтом. Так, в конце февраля была переведена в Киевскую группу 2-я дивизия, представлявшая основное ядро моей группы. Сейчас же после взятия Одессы 7 апреля Укрфронт организовал 3-ю Украинскую армию, в которую выделил бригаду Григорьева, 15-й полк Покуса и сводный отряд Ткаченко, т. е. все силы, действовавшие против Одессы в составе 2-й Украинской армии...

*Мариуполь атаковали 8-й и 9-й полки 3-й Заднепровской бригады Н. Махно, как особо отличившимся им были вручены специальные краевые боевые знамена, а командир 8-го полка В. Куриленко был награжден орденом Красного Знамени. — В. В.

Антонов-Овсеенко продолжал и в дальнейшем изымать части из моей армии. Когда в конце концов пришел приказ главнокомандующего о передаче Южному фронту всей 2-й Украинской армии, Антонов изъял из ее состава и Крымскую дивизию, преобразовав ее в отдельную Крымскую армию (приказ Укрфронта 5 мая). После этого „изъятия” в начале мая от 2-й Украинской армии остался только... один штаб.

Официально в составе ее числилась 7-я дивизия Чикванайя, которая должна была составиться по расчетам Антонова из бригады Махно, 2-й отдельной бригады Покуса, Крымской бригады и 5-го кавалерийского полка. Но из бригады Покуса фактически существовал только один 55-й (бывший 15-й) полк. Он и был переброшен на левый фланг маховских войск. Остальные же полки этой бригады (56-й и 57-й), формировавшиеся в Екатеринославе, попали в восстание Григорьева и были расформированы. 5-й кавалерийский полк был обращен против Григорьева и застрял на Полтавщине, а Крымская бригада, кажется, так и не успела сформироваться, по крайней мере в составе 2-й Украинской армии она не появилась.

20 мая я доносил Южфронту и Укрфронту, что сейчас вся 2-я Украинская армия состоит только из бригады Махно. Антонов на это донесение отвечал: „Ваше утверждение, что кроме Махно нет других частей, удивительно, так как мною направлена бывшая бригада Покуса, 9-й греческий полк, 1-й ударный и запасные полки из бывшей дивизии Дыбенко, более месяца тому назад”.

Несмотря на „удивление” Антонова, мое донесение вполне соответствовало действительности. Все отправленные им части во 2-ю армию не дошли, а единственный пришедший 55 полк был почти уничтожен противником 17 мая в бою под Волновахой. Это же положение позже подтвердил и тов. Ворошилов, принявший от меня командование 2-й Украинской армией 10 июня. В телеграмме на имя ЦК партии и Раковского т. Ворошилов писал: „Ждем вашей действительной помощи в создании второй армии, которой уже нет, так как Махно выделился в самостоятельную армию, а больше ни одного солдата в ней нет. Командарм 2 Ворошилов, член РВС Межлаук”.

Таким образом, фактическим концом существования 2-й Украинской армии следует считать начало мая, когда из нее была изъята последняя ее дивизия Дыбенко. В дальнейшем остался только один штаб, который должен был руководить 7-й дивизией Чикванайя, а за неимением таковой оперативно руководил бригадой Махно до тех пор, пока благодаря приказу Троцкого об объявлении Махно вне закона — последний не объявил себя самостоятельной армией.

2-я Украинская армия за свое шестимесячное существование ни разу не отступала и даже после ее фактической ликвидации, последние остатки армии, в виде бригады Махно, стойко удерживали свои районы, что и засвидетельствовано историей. В изданной

РВС РСФСР в 1920 г. брошюре „Причины крушения Южного фронта” указано, что 2-я Украинская армия дольше других сохраняла боеспособность и ей одной Южфронт мог давать наступательные директивы тогда, когда всем своим остальным армиям он мог давать директивы только оборонительные. Антонов-Овсеенко в своих „Записках” свидетельствует, что „Махно еще держался, когда бежала соседняя 9-я дивизия, а затем и вся 13-я армия”.

Я лично в самый последний момент существования 2-й армии (1 июня) предлагал Южфронту перейти в наступление на Юзовку-Ростов с целью подрезать наступление добровольцев на Харьков. Для выполнения моего плана нужно было:

1) получить те немногочисленные кавалерийские части, которые я просил;

2) возобновить „добрососедские” отношения с Махно, чтобы он выполнял мои оперативные распоряжения.

Тов. Ворошилов, присланный мне на смену (по неофициальным полученным мною данным Троцкий приказал меня сменить „за поддержку Махно”), вполне одобрил мой план. Но выполнить его ни я, ни сменивший меня тов. Ворошилов, не имели возможности, так как, во-первых, Южфронт не прислал испрашиваемой кавалерии, а, во-вторых, Троцкий объявил Махно вне закона.

После этого „государственного” акта, конечно, какие бы то ни было совместные действия с Махно сделались невозможными. Бригада Махно вышла из состава 2-й Украинской Красной Армии и последняя фактически перестала существовать. Юридический конец существованию этой армии положил приказ РВС РСФСР от 4/VI 1919 г.

Такова история 2-й Украинской Красной Армии. Эта история еще раз подтверждает ту, давно известную из всех революционных войн истину, что повстанческая, партизанская армия, несмотря на все недостатки, свойственные партизанским войскам, при большом революционном подъеме трудящихся масс и умелом использовании этого подъема революционной пролетарской партией, представляет могучую силу, способную одержать победы над прекрасно организованными регулярными войсками.

А. ЧУБЕНКО. УБИЙСТВО АТАМАНА ГРИГОРЬЕВА

Маховцы пришли в Верблюжку и пытались наладить связь с григорьевцами. В Верблюжке простояли 3 дня. Махно пил. Когда я зашел к нему в комнату, то там сидел начальник снабжения Серегин и плакал. Махно набил ему морду и еще хотел бить, а тот все в чем-то оправдывался. Когда я зашел и меня увидел Махно, то стал плакать и рассказывать, что никто ничего не делает, а ему приходится все самому делать. Я ему ответил: „Да, тебе много работы, сколько в Верблюжке самогонки и всю ее надо выпить,

ведь это же тоже работа". Он в этот момент вскочил и начал бить в морду начальника снабжения, приговаривая: „Это вот эти виноваты". Я схватил его за руки, отнял у него револьвер, связал его полотенцем и уложил его спать.

На другой день утром было отдано распоряжение привести части в боевую готовность и отправиться в с. Канатово. А когда прибыли в Канатово, последовало новое распоряжение к ночи всем частям быть готовыми к наступлению на город Елисаветград, где в тюрьме находилось много махновцев. На рассвете подошли к городу, Махно отдал распоряжение разобрать железную дорогу, идущую с юга, так как можно было ожидать с юга подхода бронепоездов... Началось наступление, но закончилось оно плачевно. Махновцы потерпели большое поражение: было убитых — 8 человек, раненых человек 20 и оставшихся в плену 30.

Отступив от Елисаветграда, мы направились на село Валки, затем прошли Аджамку, Лозоватку, Покровское, Губовку, Кремноватку, Компанеевку. В Компанеевке мы остановились и простояли, целые сутки. Мы узнали, что Григорьев стоит со своими войсками в селе Сосовка. Узнав об этом, Махно послал делегатом к Григорьеву Фому Кожина. Часа через два приехал Григорьев, его начальник штаба Бондарь и еще два члена его штаба. При входе Григорьева его первыми словами были: „А у вас тут жидов нет?"... Ему кто-то ответил, что есть. Он заявил: „Так будем бить". В это время подошел Махно и разговор Григорьева был прерван. Махно первым задал вопрос: „Это ваш универсал?" Григорьев ответил: „Да, мой". Махно ничего не сказал, а только покачал головой и сказал, что он немного с ним несогласен. Но Григорьев ничего не ответил. После этого они перешли на разговоры, за что Григорьев был объявлен вне закона. Долго они говорили, а потом Махно велел созвать членов штаба для того, чтобы кое о чем поговорить. Были вызваны: Шпота Фома, Кожин Фома, Каретников Семен, Чалый, Григорий Махно, Нестор Махно, Алексей Чубенко, Марченко Алексей, Василевский, Тарановский, Александр Лашенко. Когда все были в сборе, было объявлено заседание.

На повестке дня было соглашение махновцев с григорьевцами. Разговоры продолжались целые сутки, после некоторых вопросов совещались то григорьевцы, то махновцы. Подошли к вопросу, с кем будем воевать.

— Коммунистов будем бить, — предложил Махно.

Григорьев ответил:

— Будем Петлюру бить,

Махно:

— Деникина бить будем?

Тут Григорьев уперся и стал говорить, что если он говорил „Будем бить коммунистов и петлюровцев", — то потому, что он уже видел, кто они такие, а Деникина он еще не видел, а потому бить его не собирается.

Когда это сказал Григорьев, то мы вышли совещаться. За то, чтобы соединиться с Григорьевым, было 4 голоса, а за то, чтобы Григорьева тут же расстрелять или же не соединяться, — 7 голосов. Но Махно стал говорить, что во что бы то ни стало нужно соединиться, так как мы еще не знаем, что у него за люди, и что расстрелять Григорьева мы всегда успеем. Нужно забрать его людей, ибо те — невинные жертвы. После такой речи Махно за соединение было 9 голосов и два воздержавшихся.

Закончились переговоры и возник вопрос о командовании всеми вооруженными силами. Он был решен так: Григорьев должен быть командующим, а Махно — председателем Реввоенсовета. Командующий всецело должен подчиняться председателю Реввоенсовета, т. е. Григорьев должен подчиняться Махно. Начальником штаба был назначен брат Махно — Григорий, начальником снабжения — григорьевец, начальником оперативной части — Пузанов (махновец), начальник административной части — Чучко (махновец). Так был организован штаб и реввоенсовет.

Когда закончились переговоры, Григорьев отдал распоряжение, чтобы его войска перешли в Компанеевку. После их прихода сразу же состоялся митинг. Выступивший Махно объявил о заключении соглашения, о назначении Григорьева командующим, а его, Махно, председателем Реввоенсовета.

Вечером на заседании штаба было решено, что все войска на второй день утром выступят в направлении Плетеного Ташлыка, чтобы задержать наступление деникинцев. С войсками должен был отправиться Григорьев, а Махно возьмет 120 человек кавалерии и отправится по маршруту Ровное—Новоукраинка—Песчаный Брод—Глодосы—Добровеличковка, чтобы отыскать свою жену, которая находилась в селе Песчаный Брод... Постояв в с. Добровеличковке, мы направились в село Липняжку, там заранее знали, что мы движемся, и встретили нас с хлебом и солью, музыкой оркестра. Таким образом, проехдив около десяти дней (прибыли) в условное место село Оситняжку, где нас должен был ждать Григорьев. Когда мы вошли в это село, то Григорьева не было. Крестьяне нам сказали, что часа два тому назад выехал Григорьев по направлению села Сентово. Махно направился в Сентово, Григорьев был здесь. Повстанцы встретили Махно и стали жаловаться на Григорьева. Махно, выслушав, стал задавать вопросы о положении на фронте. Ему ответили, что Григорьев, как только узнал, что близко шкуровцы, тотчас же отдал распоряжение отступить, мотивируя свое решение тем, что у шкуровцев больше сил, и что повстанцы ничего тут не могут сделать.

На следующий день за обедом, в котором участвовал Махно, Каретников, Чалый, я и еще два махновца, братья Соколовские, было решено убить Григорьева.

В это время собрался сельский сход, на который крестьяне по требовали Махно и Григорьева. Я выступил и в заключение своей

— Н. И. Махно

речи сказал, что, хотя мы с Григорьевым временно в контакте, но все-таки Григорьев контрреволюционер, царский слуга, офицер, и у него в глазах до сих пор блещут его золотые погоньи. В то время, когда я говорил, Григорьев прошел через толпу и подошел ко мне, но сзади меня сидел Махно. Он (Григорьев) обратился к Махно и сказал, что я ответственен за то, что говорю. Махно же ему ответил: „Пусть кончает, мы его спросим“. Я, увидев, что такое дело, кончил говорить. После меня выступил Фома Шпота, а я пошел в помещение сельского совета, а за мной пошел Григорьев, а за ним Махно, Каретников, Чалый, Колесник, Троян, Лепетченко и телохранитель Григорьева, какой-то грузин.

Зайдя в помещение сельсовета, я зашел за стол, вынул из кармана револьвер „Библей“ и поставил его на боевой взвод. Это я сделал так, чтобы Григорьев не заметил, и, стоя за столом, держал в руке револьвер. Когда зашли все остальные, то Григорьев стал около стола против меня, а Махно рядом с ним с правой стороны, Каретников сзади Махно; с левой стороны Григорьева стали Чалый, Троян, Лепетченко и телохранитель Григорьева. Атаман был вооружен двумя револьверами системы „Парабеллум“, один у него был в кобуре около пояса, а другой привязан ремешком к поясу и заткнут за голенище.

Григорьев, обращаясь ко мне, сказал: „Ну, сударь, дайте объяснение, на основании чего вы говорили это крестьянам“. Я ему начал рассказывать по порядку. Сначала я сказал, что он поощряет буржуазию: когда брал сено у кулаков, то платил за это деньги, а когда брал у бедняков и те приходили просить, так как у них это последняя надежда, то он их выгонял. Затем я ему напомнил, что он оставил у одного помещика пулемет, два ящика патронов и несколько винтовок, 60 пар черных суконных брюк, в то время как у нас люди совершенно раздеты, затем я ему напомнил о том, как он расстрелял махновца за то, что он у попа вырвал лук и выругал попа. Я еще ему напомнил несколько человек, которым он бил морды, потом я ему сказал, что он действительно союзник Деникина и не захотел наступать на Плетеный Ташлык, так как там были шкуровцы. Григорьев стал отрицать, я ему в ответ: „Так вы еще отрицаете, что вы не союзник Деникина, а кто же посылал делегацию к Деникину, и к кому приезжали офицеры, которых Махно расстрелял?“

Как только я это сказала, Григорьев схватился за револьвер, но я, будучи наготове, выстрелил в упор и попал ему выше левой брови. Григорьев крикнул: „Ой, батко, батко!“ Махно крикнул: „Бей атамана!“

Григорьев выбежал из помещения, а я за ним и все время стрелял ему в спину. Он выскочил на двор и упал. Я тогда его добил.

Телохранитель Григорьева выхватил „Маузер“ и хотел убить Махно, но Колесник стоял около него и схватил его за „Маузер“ и попал пальцем под курок, так что он не мог выстрелить. Махно

в это время забежал сзади телохранителя и начал стрелять в него. Он выстрелил пять раз, и пули прошли навылет и ранили его, телохранителя, и Колесника, так что они оба упали одновременно. Когда оба (Григорьев и его телохранитель) были убиты, то их вытащили за ворота в канавку. В это время прибежал Щусь, Забудько, Назаренко и еще каких-то 4 кавалериста.

Махно приказал, чтобы я взял у кавалериста лошадь и быстро сообщил своим войскам, чтобы они оцепили село и разоружили григорьевцев, что и было сделано. Когда григорьевцы были разоружены, то они пошли в штаб, где был еще один григорьевский командир и казначей, которых они забрали и тут же на площади убили камнями. А бывший начальник штаба Григорьева Бондарь бежал, и, как ни старались его поймать, не смогли. Так была ликвидирована григорьевщина, и многие григорьевцы у нас остались.

После ликвидации григорьевщины Махно опять принял командование и распорядился во что бы то ни стало занять одну из железнодорожных станций для того, чтобы можно было сообщить по телеграфу, что нами убит атаман Григорьев, и что григорьевщина ликвидирована. Телеграмма была следующего содержания: „Всем, всем, всем! Копия – Москва, Кремль. Нами убит известный атаман Григорьев. Махно. Начальник оперативной части Чучко“.

* * *

А. КРИВОШЕЕВ. ПЕРЕГОВОРЫ КОМАНДОВАНИЯ ЮЖНОЙ ГРУППЫ С МАХНО

Белые быстро наступали. Крымская армия была послана на защиту Екатеринослава против банд Григорьева, но уже видно было и тогда, что от армии ничего сознательного почти не осталось. Вожжи были выпущены. Тут еще рядом стоял такой же пьяный фронт Махно. Наконец белые ударили и по этому пьяному фронту, и он побежал, а трезвые части держались до тех пор, пока не оказались обойденными. Армия стала рваться на клочки, потянулась отступать по разным направлениям. Екатеринослав был отдан. Не успевшие перейти Днепр потянулись к западу по Правобережью на соединение с частями Киевского района. Но белые пошли наперерез. Они разорвали армию на три клочка, из которых один отступил на Харьков-Екатеринослав, другой на Киев, а третий даже сюда не мог попасть, так как в помощь белым еще и Махно начал разоруживать своих же, и перерезал линию Вознесенск-Помоцна. К нему тогда целиком перешли две бригады, уже переминированные из Крымской армии, командование над которой принял тов. Федько, и которая была названа 58-й дивизией. Эти остатки потянулись сперва на Вознесенск, но когда две бригады пошли к Махно, то остатки третьей, сдавши Николаев, пошли через

Колосовку на Голту на соединение с такой же отрезанной геройской 45-й дивизией, дравшейся в районе Винница-Вапнярка...

Белые высадили десант в Одессе и захватили ее. Началось новое отступление. 47-я дивизия, где не успели сменить белогвардейский командный состав, почти целиком осталась на стороне белых... Таким образом, остатки вполне сознательных бойцов, как то: 521, 517, 518, 519, 522 полки 58-й дивизии и полки 45-й дивизии были окружены...

Прорваться было совершенно некуда. Махно, выбив нас с Помощной и Вознесенска, сдал их белым, Одессу мы сдали белым, Вапнярка была в руках Петлюры, Умань также.

Броневики были уже взорваны. В Николаеве были взорваны как восставшие и мечтавшие перейти к Махно „Спартак“, „Урицкий“, „Худяков“ с морскими орудиями, „Юдовский“ и „имени Свердлова“ – лучшие из бронепоездов. На Бирзуле были взорваны все остальные... К Махно перешло около 40 орудий, в Одессе при измене 47-й дивизии тоже осталось до 30 орудий.

...Малодушные, в том числе и я, совершенно опустили головы, но героически себя держали товарищи Якир, Гарькавый, Федько, Мокроусов, Немитц и Голубенко – политком 45-й дивизии. Было несколько совещаний, но никаких конкретно решений вынесено не было. Решили попытаться сговориться с Махно. Неужели он до того стал изменником, что и теперь, когда красные войска отрезаны и брошены на растерзание помещичьей своре, не согласится заодно действовать, хотя бы пока мы прорвемся к своим... По вопросу переговоров с Махно тов. Затонский заявил, что он в них не участвует и что за все последствия соединения нашего с Махно он на себя никакой ответственности не берет, но тем не менее он не отвергал необходимости испробовать все возможности. И вот тов. Голубенко отправился в Голту для переговоров с Махно. Вызвали его к проводу, разъяснили ему наше и вместе и его же положение. Он, выслушав все, заявил: „Вы обманули Украину, а главное расстреляли моих товарищей в Гуляй-Поле, ваши остатки все равно перейдут ко мне, и посему я с вами со всеми, в особенности с ответственными работниками, поступлю так же, как вы с моими товарищами в Гуляй-Поле, а затем будем разговаривать о совместных действиях“.

Ф. АНУЛОВ. СТАНЦИЯ ПОМОЩНАЯ (АВГУСТ 1919 г.)

Красный „мешок“ все больше и больше замыкался с северной стороны, и все ближе и ближе приставлялся к горлу частей Красной армии, оперировавших на юго-западе Украины.

Потрепанная под Екатеринославом 58 дивизия отходит и задерживается в районе гор. Николаева. Части дивизии группируются

в кулак, с целью нанесения удара по тылам продвигающихся к Киеву добровольческих войск. Удар этот намечался в общем направлении на ст. Знаменка – гор. Кременчуг. В строю 58 дивизии для этого удара – 15 000 штыков.

Что касается 45 дивизии, то она продолжает удерживать петлюровские войска с запада. В Одессе и на берегу Черного моря расположены, кроме того, части вновь формируемой 47 дивизии. Это составляло все, если не считать курсантов и нескольких отрядов, что запиралось белыми в „мешок“.

58 дивизией командовал Федько. 45 – Якир. 47 – Логофет.

В штабе Одесского округа предполагали, в случае потери связи с 12 армией, образовать из запертых в „мешок“ трех дивизий южную группу войск, во главе и под командованием начдива 45 тов. Якира.

Но тут случается беда. 13 августа 1919 года в частях 58 дивизии, сосредоточенной в районе Новый Буг, вспыхивает военный бунт, под махновскими лозунгами и черным анархистским знаменем.

Дело в том, что Махно со своими соратниками, прогнанный со ст. Помощная, двинулся к югу, тайно пробрался в части 58 дивизии и объявил советской власти на Украине войну. В своей агитации Махно и его агенты указывали на то, что „коммунисты изменили делу революции“, что они „бросают рідну Україну на произвол судьбы“, что они „предатели и трусы“.

Махновская агитация в частях 58 дивизии имела успех. Небольшая группа махновцев быстро овладела политическими настроениями красных бойцов. Собрав вокруг себя боевое ядро, махновцы неожиданно налетают на штаб 58 дивизии, арестовывают командиров и комиссаров и объявляют войну как Деникину, так и советской власти.

Восставшие части 58 дивизии, по указанию махновского штаба, снимаются с занимаемого ими боевого участка и двигаются по направлению ст. Помощная.

В отряде красных войск, занявшем ст. Помощная, до 1000 штыков. У Махно – почти вся 58 дивизия. Соотношение сил явно не в пользу красных.

Что делать? Продолжать ли отряду боевые операции под Елисаветградом, или стянуть отряд к станции Помощная для встречи Махно, или же совсем отходить к району расположения 45 дивизии?

Иду на телеграф. Говорю по телеграфу с образованным при 45 дивизии реввоенсоветом южной группы войск 12 армии. У телеграфа – Затонский.

– Во что бы то ни стало, – говорит Затонский, – остановите перешедших на сторону Махно красноармейцев 58 дивизии и верните их в ряды Красной армии.

– Легко сказать...

— Разъясните им гибельность затейной авантюры. — продолжает Затонский.

Неожиданно в провод включается с соседней станции мой непосредственный начальник тов. Княгницкий.

— Дайте пробный артиллерийский выстрел по приближающимся махновцам, — передает Княгницкий по телеграфу.

В это же время приходит красноармеец и докладывает мне, что в штаб отряда прибыла махновская делегация.

Иду в штабной вагон. В махновской делегации — три лица, как видно из состава командиров махновской армии.

Перво-наперво они показывают членские билеты коммунистической партии Украины.

— Мы тоже коммунисты, — говорят делегаты. — Только настоящие. Мы не бежим с Украины, как те... — и они показали пальцем на юг.

— Мы предлагаем вам совместную борьбу против белых — вот цель нашего прихода, — говорят махновские делегаты.

— Мы вас трогать не будем. Мы только вам покажем, как надо воевать против Деникина. Учитесь...

Делегация ушла. Комиссар отряда тов. Недашковский требует отхода в южном направлении. Затонский требует стоять на месте и повлиять на восставших бойцов 58 дивизии. Княгницкий приказывает дать пробный выстрел...

А к этому времени Махно и его агенты свое дело уже сделали. В частях красного отряда побывали махновские агитаторы и овладели настроениями бойцов. Махновцы обещали и Украину освободить от добровольческой армии, и советскую власть установить и „настоящих“ коммунистов посадить в правители. Словом, было обещано все, чего хотели в то время красноармейские головушки под влиянием кулацкой агитации.

В результате отряд перешел на сторону Махно. От штаба отряда это было скрыто. Финал приближался...

Недашковский продолжал настаивать на отходе. Решаю отправить штабной эшелон к Балте. Сам остаюсь с отрядом. Со мной добровольно остается комсомолец Яковлев.

Вместе с ним идем к группе комсостава отряда, стоящей на платформе станции Помощная. Настроение подавленное. Все чувствуют неминуемую катастрофу.

— Махно налетит, как шквал, — говорит один из командиров. Ему никто не отвечает. Все переживают тревогу молча. Все следят за отходом штабного состава.

Но что это? Штабной эшелон останавливается на пути.

На мотоцикле еду на бронепоезд. Взираюсь на вышку. Моим глазам открывается действительная картина действительного положения вещей.

С юга в обход отряду двигались конные массы 58 дивизии, перешедшие к Махно. Их несколько тысяч (примерно шесть). На

открытых позициях, наводкой на станцию стоит махновская артиллерия.

Считаю: одна, другая, третья батарея... Да их несколько... Всего насчитал 48 орудий. Пехота на тачанках. Походной кишке ее не видно конца.

На бронепоезд взбирается Недашковский. Он из штабного состава. Сейчас узнаю причину остановки эшелона.

Недашковский радостно сообщает мне о том, что встреченные им первые эскадроны махновской конницы заверили его, что они сторонники советской власти и что они не намерены наносить отряду вреда.

Вспоминаю задачу Затонского. Авось, действительно, удастся уговорить спровоцированных бойцов 58 дивизии. Попытка — не пытка.

Тут же Недашковский мне сообщает, что путь на Балту разобран. Схожу с бронепоезда и направляюсь к штабному составу.

В пути ко мне подъезжают три кавалериста. Лица незнакомые. Наверное, — думаю, — махновцы.

— Отдай наган! — повелительно говорит один из них, подъезжая вплотную ко мне.

— Я начальник отряда, — заявляю я им.

— Нам все равно, — отвечают они.

Ударом приклада винтовки в спину я сброшен на землю. Конники спешиваются. Снимают с меня наган. Боль в спине — невыносимая...

Пролежав немного в беспамятстве, я с трудом встал и поплелся к штабу отряда.

У штабного состава гляжу — толпа вооруженных бойцов. Подхожу к вагону политотдела. В это время ко мне подходит с ног до головы вооруженный махновец.

— Из комсостава, — думаю я, глядя на его уверенную поступь и офицерскую выправку.

— Кто такой? — повелительно спрашивает махновец, подходя ко мне.

— Командир отряда, — отвечаю я.

— А-а, тебя-то мне и надо. — Махновец вынимает из деревянного кобура маузер.

— Марш вперед! — приказывает он.

— Товарищ Калашников, давайте я его прикончу, — говорит кто-то, стоящий позади меня.

— погоди, — отвечает ему Калашников.

„Калашников“ — думаю я. — „Да это правая рука Махно. Значит — попался“...

По дороге встречаю Настю. Настя — мой друг, самое дорогое для меня существо.

— Прощай, Настя, — говорю я, протягивая ей руку.

— Ты это что ей передал? — яростно набрасывается на меня Калашников.

— Я только попрощался, — говорю я.
— Иди и ты, — грубо схватив за руку Настю, крикнул Калашников.

Мы пошли вместе с Настей. Сзади нас с обнаженным маузером шагал Калашников.

Подходим к вагону, вокруг которого столпилась толпа вооруженных махновцев. Какой-то низкорослый человек, одетый в гусарскую форму, сидел на ступеньке вагона и, к моему ужасу, перебирал бумаги из моей походной корзинки.

— Ведь там партийный билет, — подумал я.

— Вот, батя Махно, командира привел, — обращаясь к низкорослому гусару, сказал Калашников.

Махно поднял голову. Лицо его было крайне возбуждено. Глаза воспалены. Губы запеклись. Серые зрачки глаз бегали с одного предмета на другой. Движения — нервные и порывистые...

— Так это сам Махно, — с удивлением подумал я...

— Это ты написал приказ, что идут махновские бандиты? — задает мне враждебно вопрос Махно.

Я молчу. Серые глаза „батьки Махно“ расширились. Загораются. Встает. Протягивает руку. Все кругом моментально смолкает. Махно начинает речь, обращенную ко мне:

— Вы узурпаторы, душители воли народной... Вы бежите от Деникина. Я же его разобью в пух и в прах... Да, не будь я батя Махно, если не побью всю белогвардейскую сволочь...

Речь его была отрывиста, нервна и бессвязна. Однако говорил Махно с большим подъемом. Толпе его речь явно нравилась. Он обещал все, что жаждала, к чему стремилась украинская масса. Когда он кончил, толпа дико прокричала несколько раз „ура“...

* * *

В. АЛЬМЕНДИНГЕР. СИМФЕРОПОЛЬСКИЙ ОФИЦЕРСКИЙ ПОЛК В БОЯХ ПРОТИВ МАХНОВЦЕВ (АВГУСТ—СЕНТЯБРЬ 1919 г.)

3 и 4 августа 1-й батальон продолжал свое движение с целью занять Новую Одессу. В первый день батальон прибыл поздно ночью и остановился на ночлег в Якино, пройдя из Калужского через Березнеговатое. В этом районе действовал Махно. Из Явкино батальон двинулся по дороге от еврейской колонии Добрая в с. Рашковатое, куда прибыл около 24 часов. По дороге батальон встретил еврейские обозы, бежавшие от Махно... 7-8 августа Махно начал угрожать тылу полка из Баштанки (Полтавки), отбив у полка у колонии Добрая порционный скот. Части полка 13 пехотной дивизии, выдвинутые из Николаева, отбросили Махно на север...

21 августа у сел Михайловка-Жуково произошел бой. Махновцы были отброшены к Помощной. 22 августа в 8 часов утра полк

выступил по дороге Орлово поле—Николаевка. Пройдя Николаевку, авангард полка, обстрелянный артиллерийским огнем, развернулся в боевой порядок и полк перешел в наступление на ст. Помощную, занятую силами Махно с двумя бронепоездами. Первому батальону приказано было атаковать станцию, наступая вдоль железной дороги Вознесенск—Помощная, а второму батальону двигаться в резерве. Первый батальон при поддержке батареи, несмотря на сильный исключительно пулеметный огонь махновцев, энергично наступал на станцию. В это время махновцы значительными силами из района деревни Помощной перешли в наступление во фланг первому батальону. Второй батальон, выдвинувшись из резерва, атаковал махновцев и после упорного боя, понеся значительные потери, при содействии полка 13 пехотной дивизии, наступавшего справа, отбросил махновцев на Новоукраинку; к вечеру он занял деревню Помощную. Первый батальон, несмотря на угрозу справа, в сумерках занял станцию, захватив массу имущества.

На рассвете 23 августа был захвачен махновский ординарец, везший махновским войскам приказ взять обратно во что бы то ни стало станцию Помощная, причем для атаки было назначено 3 бригады. В перехваченном приказании Махно наступление назначалось на 12 часов, но, благодаря перехвату, оно началось лишь в 15-16 часов и по другому плану. В перехваченном приказе Махно говорилось о наступлении с востока, севера и запада, теперь же его пехота при поддержке бронепоездов наступала главным образом между железнодорожными линиями Адобаш—Помощная и Новоукраинка—Помощная. Сам Махно к коннице бросился в наш тыл и атаковал наши обозы в Николаевке. Махновская пехота упорно наступала, сбиваясь все больше и больше в кучу по мере приближения к станции, где оба железнодорожные пути образуют как бы вершину треугольника.

Нанеся противнику значительные потери огнем и подпустив его на 500-600 метров, первый батальон перешел в решительную контратаку, охватывая правый фланг махновцев. Махновцы не выдержали и бросились бежать на север. Второй батальон отразил в это время попытки махновской конницы атаковать станцию со стороны Песчаного Брода. Часть нашего обоза Махно все же захватил. Выяснилось, что махновцы испытывают большую нужду в патронах, чем и объясняется их нападение на обозы. С наступлением темноты бой прекратился. Генерал Слащев в приказе по корпусу благодарил полк и писал, что полк своими самоотверженными действиями 22 и 23 августа спас положение пятой пехотной дивизии, наступавшей из Елисаветградского района. Далее в приказе говорилось, что вся тяжесть боя легла исключительно на наш полк, тогда как другие части лишь впоследствии приняли в нем участие.

24 августа группе генерала Ангуладзе было приказано наступать на Новоукраинку, но последний оттягивал наступление до подвоза из Вознесенска снарядов и патронов. В 14 часов полку было приказано начать наступление. В то время, когда 2-я и 4-я роты, наступавшие вдоль железной дороги Помощная-Новоукраинка, вышли на линию курганов, что севернее станции, было приказано наступление остановить, так как махновцы внезапно атаковали деревню Помощная и выбили оттуда части полка 13 пехотной дивизии. Кроме того, высланные в направлении на Песчаный Брод 2 роты Литовского батальона были разбиты, остатки взяты в плен, и разведчики доносили о наступлении неприятельской пехоты со стороны Песчаного Брода. Одновременно были атакованы 2-я и 4-я роты, выдвинувшиеся значительно вперед. Создалось весьма тяжелое положение: неприятельская пехота наступала на станцию с трех сторон, полк 13-й пехотной дивизии отходил на Николаевку, махновская конница опять атаковала обозы, которые при помощи пулеметов отбивали атаки. 2-я и 4-я роты, отступая, на плечах вели противника на станцию. При помощи активных маневров и удачными действиями пулеметной команды атаку махновцев удалось остановить, а затем опрокинуть их и начать преследование.

Махновцы бежали в панике на Новоукраинку. Только благодаря мужеству Симферопольского полка положение было вновь спасено. Махновцы превосходили нас в несколько раз; силы их определялись в несколько тысяч человек со 150 пулеметами и тремя бронепоездами.

Генерал Слащев благодарил полк в письме на имя командира полка полковника Гвоздакова и выражал свое восхищение всем чинам полка. Письмо это было объявлено в приказе по полку от 9 сентября 1919 г. за № 230. Командир полка был представлен к производству в генерал-майоры, каковую награду и получил. Полк получил для солдат 109 георгиевских крестов и 7 медалей.

Всего станция Помощная стоила полку 34 убитых и 184 раненых офицеров и солдат. Махновцы потерпев неудачу отходили на Умань, 25 августа полк без боя занял Новоукраинку и Фурманово, а 27-го перешел в Добровеличковку. 30 августа отряду генерала Ангуладзе было приказано занять Новоархангельск. До Марьяновки отряд продвигался беспрепятственно. У Новоархангельска разыгрался бой, который махновцы проиграли. 31 августа Симферопольский полк совместно с Таманским полком выбили махновцев из деревни Нерубаевки.

9 сентября начались операции по ликвидации Махно. Генерал Слащев предполагал окружить Махно в районе Умани. Полку было приказано наступать на Крутенькое-Текуча. Правее наступал

отряд генерала Склярова из района Островец-Дубово на Умань. Левее из района Голованевска на Семидубы-Кленово-Сеньки наступали части полков 13-й и 34-й пехотных дивизий и 2-й Таманский казачий полк.

Утром Симферопольский полк сосредоточился в Перегоновке. Махновцы занимали высоты восточнее Крутенького и Рогова, причем Рогово они заняли только утром, воспользовавшись движением отряда генерала Склярова на Умань. Связь с отрядом генерала Склярова теперь окончательно была потеряна. День 9 сентября прошел во взаимных атаках и боях, симферопольцам не удалось взять Рогово, они сдали махновцам северную переправу через реку Ятрань, но южную сохранили в своих руках. Ночью ввиду превосходящих сил махновцев белые оставили Перегоновку и отошли на левый берег Ятрани к хуторам севернее деревни Покотилово.

10 сентября полку ввиду превосходящих сил махновцев было приказано занять Копеньковатое; имея охранение по р. Ятрань, и отражать все попытки противника пробиться на восток.

В течение следующих двух дней полк отражает все попытки махновцев пробиться на восток. Противник особенно упорно атаковал 11 сентября у деревни Островец, но к вечеру с большими потерями отошел на запад.

Отряд генерала Склярова занял город Умань и, таким образом, между ними и полком образовался прорыв около 40 верст от Рогово до Умани, никем не наблюдаемый. Этим воспользовались махновцы и произвели перегруппировку своих сил. Полк 13 пехотной дивизии и полк 34 пехотной дивизии наступали медленно, противник свободно сосредотачивал свои силы в районе Ольшанка-Островец-Рогово. Командир полка доносил, что махновцы двигаются из района Семидубы-Текуча на Ольшанку, что против полка, особенно на правом фланге, замечены большие силы противника, что полк изнемогает в неравной борьбе.

Генерал Слащев благодарил полк за героическую работу и за то, что тот своей упорной обороной дал ему возможность окружить Махно. Он просил полк продержаться еще сутки. Приказ этот был получен 13 сентября.

13 сентября около 13 часов вновь были замечены цепи махновцев, передвигавшихся по опушке леса (в районе деревни Крутенькое) в направлении на Ольшанку. По дорогам видны были обозы, двигавшиеся туда же. 4-й роте было дано приказание наступать на Рогово и далее на запад. Рота была встречена сильным оружейным и пулеметным огнем. Выяснилось, что Рогово занято значительными силами махновцев. С наступлением темноты махновцы атаковали 1-й батальон, занимавший высоты к северо-западу от

Копеньковатого. Атака махновцев была отбита. Бой зatih, но разведчики доносили о движении противника на Подвысокое.

Наш правый фланг оставался открытым — никаких частей там не было. На рассвете 14 сентября махновцы перешли в общее наступление. 1-я и 3-я роты, бывшие в охране на участке первого батальона, остановили огнем и контратакой выступавшие цепи махновцев... Казачий разъезд донес, что махновская конница уничтожила литовцев и двигается на Покатилово-Терновку. Пехота махновцев наступала на полк с севера и запада, стараясь прижать наши роты к реке Синюхе, а конница стремилась захватить переправу у Покотилова и Терновки. Командир полка не стал ее удерживать до прихода других рот и поспешно отошел на Тышковку, а к вечеру очутился в селе Лысая Гора без полка.

1-я, 2-я, 4-я, 5-я, 6-я, 7-я роты с пулеметами отходили под сильным давлением махновской пехоты справа и с фронта и под давлением непрерывных атак конницы на левый фланг. Войдя в лес, что восточнее Копеньковатого, ротам пришлось бросить пулеметы и патронные двуколки, ибо лес был окопан глубокой и широкой канавой, которую коням преодолеть невозможно. Выйдя из леса, роты взяли направление на Россоховатое, но вынуждены были пройти севернее этой деревни, так как она уже была занята противником с артиллерией... Роты шли обреченные на гибель. Знали, что пощады не будет. Двигались без дорог по крупной пахоти.

Солнце начало припекать. По пятам двигалась пехота махновцев, но цепи наши расстрелу не подвергала, так как у нее кончились патроны, что мы тотчас же почувствовали. Но кончался и у нас носимый с собою запас патронов. Конница противника все время набрасывалась на нас на обоих флангах, пытаясь бросанием ручных гранат вызвать среди нас панику, чтобы затем действовать холодным оружием. Нужно было непременно останавливаться и залповым огнем отбивать конные атаки. Падали раненые и, чтобы не попасть в руки врага, сами себя достреливали. Легко раненные продолжали отходить с ротами. Подходили к реке Синюхе, но не знали, где находится переправа...

Оставшиеся около 60 человек под командой командира второго батальона капитана Гаттенбергера повернули цепью на Чуровку и стремились добраться до леса, что восточнее этой деревни. Не суждено было им уйти. Конные атаки они отбили, но артиллерия махновцев, выезжая поорудийно, перекатами расстреливала цепь картечью. Патроны кончились. Оставшихся в живых конница перебила. Капитан Гаттенбергер застрелился.

Махно дал блестящую оценку работы полка и считал его погибшим. На этом закончились операции полка против Махно, длившиеся в общей сложности 26 дней — с 20 августа по 14 сентября и причинившие полку очень тяжелые потери. В течение этих боев было убито 87 офицеров и 121 солдат, ранено 178 офицеров и 238 солдат, пропало без вести 5 офицеров и 6 солдат, или всего 635 убитых и раненых.

А. ДЕНИКИН. О ВОССТАНИИ МАХНО В ТЫЛУ БЕЛЫХ

Махно решился на смелый шаг: 13 (ст. ст. — В. В.) сентября он неожиданно поднял свои банды и, разбив и отбросив два полка генерала Слащева, двинулся на восток, обратно к Днепру. Движение это совершалось на сменных подводах и лошадях с быстрой необыкновенной: 13-го — Умань, 22-го — Днепр, где сбив слабые наши части, наскоро брошенные для прикрытия переправ, Махно перешел через Кичкасский мост и 24-го он появился в Гуляй-Поле, пройдя в 11 дней около 600 верст.

В ближайшие две недели восстание распространилось на обширной территории между нижним Днепром и Азовским морем. Сколько сил было в распоряжении Махно, не знал никто, даже он сам. Их определяли и в 10, и в 40 тыс. Отдельные банды создавались и распылялись, вступали в организационную связь со штабом Махно и действовали самостоятельно. Но в результате в начале октября в руках повстанцев оказался Мелитополь, Бердянск, где они взорвали артиллерийские склады, и Мариуполь — в 100 верстах от ставки (Таганрога). Повстанцы подходили к Синельникову и угрожали Волновахе — нашей артиллерийской базе... Случайные части, местные гарнизоны, запасные батальоны, отряды государственной стражи, выставленные первоначально против Махно, легко разбивались крупными его бандами.

Положение становилось грозным и требовало мер исключительных. Для подавления восстания пришлось, невзирая на серьезное положение фронта, снимать с него части и использовать все резервы. В районе Волновахи сосредоточены были Терская и Чеченская дивизия и бригада Донцов. Общее командование над этими силами поручено было генералу Ревизинову, который 13 октября перешел в наступление на всем фронте. Наши войска в течение месяца наносили один удар за другим махновским бандам, которые несли огромные потери и вновь пополнялись, распылялись и вокресали, но все же катились неизменно к Днепру. Здесь у Никопольской и Кичкасской переправ, куда стекались волны повстанцев в надежде прорваться на правый берег, они тысячами находили смерть.

К 10 ноября весь левый берег нижнего Днепра был очищен от повстанцев. Но в то время, когда наши войска начинали, еще наступление, Махно с большой бандой, перейдя Днепр, бросился к Екатеринославу и взял его... С 14 по 25 октября злополучный город трижды переходил из рук в руки, оставшись в конце концов за Махно.

Между тем, успех на фронте войск Новороссии дал мне возможность выделить из их состава корпус генерала Слащева, ко-

торый к 6 октября начал наступление против Екатеринослава с юга и запада от Знаменки и Николаева. Совместными действиями право- и левобережных войск Екатеринослав был взят 25 ноября и контратаки Махно, врывавшегося еще трижды в город, неизменно отбивались. Переправы через нижний Днепр были закрыты, и тыл центральной группы наших армий, таким образом, до известной степени обеспечен. Но затяжные бои с Махно в Екатеринославской губернии продолжались еще до середины декабря, т. е. до начала общего отступления нашего за Дон и в Крым. Это восстание, принявшее такие широкие размеры, расстроило наш тыл и ослабило фронт в наиболее трудное для него время.

* * *

Р. КУРГАН. МАХНОВЦЫ В ЕКАТЕРИНОСЛАВЕ

...Но что это такое? Что это за стрельба? Что за внезапное бегство офицеров, чувствовавших себя еще несколько часов тому назад господами в городе?

Из отрывочных выкриков бегущих людей мы улавливаем только одно слово „махновцы“... Оказалось, что в этот день на верхний базар съехалось из окрестных сел множество крестьян. Часа в три, когда торговля уже шла к концу, с Соборной площади внезапно донеслась стрельба. Картофель, капуста, фрукты вдруг полетели с возов и оттуда выглянули... пулеметы. Съехавшиеся на базар крестьяне оказались махновцами. Этот хитрый маневр решил дело.

Среди махновцев тогда было довольно много коммунистов. Почти все они были в пулеметной команде, во главе которой стоял член екатеринославской организации, бывший комфербановец Павел Миркин... Махновцы пробыли в городе 8 дней. За эту неделю население Екатеринослава отдохнуло от постоянного страха и напряжения, в котором оно пребывало при добровольцах. Ни одного грабежа, ни одного убийства, кроме расстрелов захваченных офицеров, за это время в городе не было.

Екатеринославцы, что называется, диву давались. Ведь о махновцах они слышали всяческих ужасов, да многие еще помнили, как в конце 1918 г. махновцы, ворвавшись в Екатеринослав всего лишь на один день, разграбили почти весь город и сожгли привокзальную часть проспекта. Теперь же они как будто переродились. Прошла неделя мирного жития екатеринославских обывателей, которая лишь отчасти омрачалась беспрерывно рвавшимися на улицах снарядами, которыми буквально засыпали город засевшие в Нижнеднепровске добровольцы.

Под знаком мира протекала и политическая жизнь. Коммунисты, анархисты, эсеры и меньшевики — все вели работу совершенно легально. В городе выходило несколько газет. Большевистская „Звезда“, анархистские „Путь к свободе“ и „Набат“, левозэсеров-

ское „Знамя борьбы“ и какие-то листки правых эсеров и меньшевиков только то и делали, что полемизировали друг с другом.

...Ночью ворвались белые. Трудно описать, что за катавасия началась в городе. За три с половиной дня был разгромлен весь Екатеринослав. На 4-й день снова вернулись махновцы.

...На этот раз Екатеринослав был в руках махновцев свыше пяти недель. Несмотря на то, что добровольцы ни на один день не прекращали обстрела города, жизнь там мало-помалу вошла в нормальное русло. На улицах, несмотря на рвущиеся снаряды, всегда было полно народу. Первые дни в городе царило такое же спокойствие, как и в предыдущий период махновщины, но потом под видом сбора обмундирования для партизан начались грабежи. Правда, эти грабежи, по сравнению с разбоями добровольцев, жестокими не казались, но все же на обобранное уже и так екатеринославское население они ложились тяжелым бременем. У обывателей была отобрана буквально вся одежда. Зато партизаны обмундировались, действительно, на славу. Правда, немного пестро, но зато тепло. За махновцами даже установилась кличка „шубники“, так как они почти все в Екатеринославе облачились в шубы.

Вскоре в Екатеринослав прибыл и сам Махно. „Батьке“ устроили торжественную встречу. На большом параде он произнес декларативную речь, возвестившую городу, что отныне прекращаются всякие грабежи, и что со всякими жалобами жители могут приходить лично к нему.

...Одним из первых шагов Махно в области политики было то, что он предложил екатеринославскому населению „самоорганизоваться“.

— Мы военное командование, наше дело — бить кадетов, а гражданскую власть, раз уж без власти обойтись не можете, создайте себе сами.

Прошло две-три недели, население успело с махновцами свыкнуться и, несмотря на то, что добровольцы все еще были по ту сторону Днепра и продолжали ежедневно осыпать город снарядами, жизнь стала входить почти в нормальную колею. Казалось, что так может продолжаться долго.

* * *

М. ГУТМАН. ПОД ВЛАСТЬЮ АНАРХИСТОВ (ЕКАТЕРИНОСЛАВ В 1919 г.)

1919 год прошел в Екатеринославе особенно бурно. Свыше десяти раз переживало население города смену властей. Советская власть в июле сменилась „добрармией“ Деникина, которую в свою очередь выбил из города Махно. А затем город начал переходить из рук в руки — на короткое время; на неделю, иногда на день или даже на несколько часов...

Чаще всего деникинцы сменялись махновцами и наоборот. Происходило это после уличных боёв, большей частью ночных, а наутро население высыпало на улицы с целью узнать, какое сегодня „правительство“. На улицах валялись трупы бойцов побежденной стороны, которые оставались необранными иногда до той поры, пока побежденные снова превращались в победителей. Так, при деникинцах трупы махновцев пролежали на Базарной улице (в центре города) около недели, а при махновцах труп одного деникинского офицера валялся несколько дней возле самой Городской думы, на фешенебельном Екатерининском проспекте. И та, и другая сторона стаскивала с убитого „неприятеля“ прежде всего сапоги, чуть ли не во время самого боя, под огнем.

Всю вторую половину 1919 года население Екатеринослава провело в обстановке непрерывных боев. Город обстреливался артиллерийским огнем сначала наступающей стороной, а затем — отступившей на противоположный берег Днепра или в степь. Снаряды, нащупывая расставленные на улицах батареи, рвали не только в районе таких обреченных пунктов, как вокзал, но и по всей территории города, в особенности — на Соборной площади, где чаще всего прятались батареи.

Разумеется, были человеческие жертвы и на улицах, и в домах, пронизываемых снарядами. Но „обстрелянные“ обыватели в конце концов привыкли спокойно ходить по улицам под орудийным огнем, посматривая вверх на дымок рвущейся шрапнели. Продолжалась торговля на базарах, в магазинах. Только ураганный огонь заставлял прятаться в подвалы и в нижние этажи. Прятались также по домам, как только начиналась пулеметная и в особенности ружейная пальба, свидетельствующая о том, что „неприятель“ пытается взять город...

Одним из наиболее красочных эпизодов этой богатой событиями эпохи было самое продолжительное пребывание в городе „батяки“ Махно, длившееся шесть недель.

К тому времени (сентябрь—октябрь) разбойничьи шайки „доброй армии“ Деникина, грабившие Екатеринослав около трех месяцев, окончательно разложились. Главные силы Деникина, разбитые под Орлом, стремительно откатывались на юг. Махно, разрушавший тыл Деникина, вступил в Екатеринослав внезапно, после непродолжительного обстрела города и краткого уличного боя. Остатки добровольцев, взорвав за собой мост, перебрались на ту сторону Днепра — в поселок Амур — и принялись обстреливать город, что и делали в течение шести недель, изо дня в день.

Вступление в город главных сил Махно состоялось утром. Бесконечной вереницей громыхали по улицам тяжелые „тачанки“ — телеги, запряженные великолепными конями, отобранными немцами колонистов. Эти „тачанки“, вооруженные пулеметами, и составляли главное ядро махновской „армии на колесах“. На каждой тачанке сидело 10–12 вооруженных ружьями крестьян.

Среди них немало и женщин, пожелавших последовать за мужьями в поход и... пограбить город. Значительно меньше было кавалерии, тоже на великолепных лошадях. Прогарцевали по городу и несколько амазонок с черными, развевающимися до круп лошадей вуалями: это были несколько анархисток-интеллигенток, примкнувших к армии Махно.

Вся сорокатысячная армия Махно являлась довольно пестрой по составу. Тут были и студенты-анархисты, и социалисты-революционеры, было даже несколько большевиков, для которых махновщина была лишь средством уничтожить „добрармию“, а сам Махно — хороший постольку, поскольку он сражался с Деникиным. Был всякий сброд, примыкавший то к Махно, то к Деникину исключительно с целью пограбить. Немало было уголовных преступников, выпущенных из тюрем (обе тюрьмы Екатеринослава были сожжены махновцами в первый же день). Но главным ядром армии являлись крестьяне, среди которых Махно был необычайно популярен...

Под флагом анархизма вступил на этот раз Махно в Екатеринослав. Прежде всего он обратился к своей армии с воззванием „доказать, что они честные повстанцы“, и не грабить население. И действительно, „честные повстанцы“ батяки Махно оказались в этом отношении значительно милостивее, чем „шкуротцы“ (казаки генерала Шкуро) при Деникине. Такого повального грабежа, как при добровольцах, при Махно не было. Большое впечатление произвела на население собственноручная расправа Махно с несколькими грабителями, пойманными на базаре: он тут же расстрелял их из револьвера. Но, конечно, грабежей было немало под обычным предлогом: поиски спрятанного оружия. Один вид грабежа производился с ведома и разрешения самого Махно: он касался квартир деникинских офицеров. Не успевшие уйти из города и спрятавшиеся офицеры были все перебиты, а квартиры офицеров дочиста ограблены...

В общем население при Махно пострадало в материальном отношении не меньше, чем при добровольцах. Дело в том, что когда при вступлении добровольцев казацкого генерала Шкуро начали грабить город, обыватели потащили свои драгоценности и одежду в ломбард и сдали их на хранение, или под ничтожный залог. Ломбардов деникинцы не трогали. Но Махно объявил „конфискацию“ ломбардов — и все, что уцелело после казаков, попало в руки махновцев... И нередко на улицах Екатеринослава можно было видеть типичного бородатого махновца в украинской свитке, с ружьем через плечо и с огромной дамской золотой цепью на шее или с браслетами на руках. Через некоторое время, под давлением газетной агитации (главным образом — большевистской „Звезды“), Махно распорядился возвращать из ломбардов залоги тем лицам, которые докажут, что они заложили вещи из нужды. Но мало кому удалось воспользоваться этой „льготой“: ломбарды были уже „очищены“.

Кроме того, Махно наложил на зажиточную часть населения 25 миллионов контрибуции, сбором которой должна была заняться городская управа (два члена ее остались на местах и при Махно), и забрал из банков деньги, которые деникинцы не успели вывести. Тут были и советские деньги, аннулированные деникинцами, и донские деньги, аннулированные советской властью, и украинские карбованцы времен Петлюры и Скоропадского, остававшиеся нейтральными при всякой власти. Махно не аннулировал никаких денег, и брал контрибуцию как советскими, так и донскими. Впрочем, Военревсовет предпочитал, по-видимому, оставлять у себя донские, потому что населению раздавались исключительно советские деньги.

Эта раздача денег населению производилась в довольно широких размерах. Было предварительно объявлено, что беднейшее население может приходить в „штаб повстанческой армии имени батьки Махно“ за материальной помощью, — требовалось только принести с собой паспорт, чтобы можно было судить об общественном положении просителя. Безработица и нужда в городе была ужасная, несмотря на сравнительную дешевизну (даже тогда фунт белого хлеба стоил 5—6 руб., при добровольцах 3—4 руб.), и немедленно, что с раннего утра у штаба на Екатерининском проспекте толпились тысячи ждущих „выдачи“. Впускали по очереди, по одному, в отдел „социального обеспечения“. Здесь один из членов Военревсовета, анархист-интеллигент (по-видимому из сельских учителей) просматривал паспорт просителя, задавал вопросы, чтобы выяснить степень нужды, назначал размер пособия и записывал в книгу как фамилию просителя, так и цифру пособия, а сидевший за другим столом кассир доставал из лежащих на полу мешков деньги и отдавал просителю, не требуя никакой расписки. Размер пособия достигал иногда, если проситель или просительница (исключительно жены или вдовы рабочих) представляли веские доводы, довольно значительных по тому времени цифр — до тысячи рублей: на такие деньги целая семья могла просуществовать с избытком более месяца. Выдача пособия беднейшему населению производилась махновцами до последнего дня их пребывания. Таким же путем была оказана помощь городским детским приютам: было выдано деньгами около миллиона рублей и кроме того немало продуктами — мукой, салом и колбасой. Надо отдать справедливость махновцам, после добровольцев приютские дети в течение месяца „подкормились“ ...Но давая деньги для приютов, Военревсовет заявил, что повстанческая армия являлась не для того, чтобы заниматься благотворительностью, и больше денег не даст.

Мы — только войско, — сказал секретарь Военревсовета, анархист-интеллигент, представителю детских приютов, пришедшему за помощью для голодающих детей, — мы явились только для того, чтобы оградить вас от насилий какой бы то ни было власти, от

большевистской или деникинской. А остальное зависит от вас самих, от вашей самостоятельности. Устраивайтесь, как хотите!

Такую же точку зрения развил Военревсовет махновцев в отношении к населению с призывом создать конференцию для управления городом. По предложению Военревсовета конференцию должны были создать трудящиеся элементы горожан — рабочие и служащие, без участия эксплуататоров. Временно, до выработки конференцией конкретных форм самоуправления, власть должна была остаться за городской управой, а повстанческая армия имени батьки Махно, как говорилось в воззвании, оставляет за собой лишь функции охраны города от посягательств со стороны какой бы то ни было власти.

Вместе с тем Военревсовет провозгласил свободу печати, поскольку она не будет призывать к вооруженному восстанию. Начали выходить газеты: „Путь к свободе“ — официальный орган анархистского Военревсовета, в котором появилось несколько статей самого Махно и Волина; „Набат“ — орган анархистов-набатовцев, „Знамя восстания“ — орган левых эсеров, „Народовластие“ — правых эсеров и „Звезда“ — большевистская. „Звезда“ вела горячую полемику с анархистами и зло высмеивала „безвластную власть“, водворяющую безвластие силою оружия, одной рукой раздающую беднякам деньги, а другой рукой отнимающую последнюю одежку, заложенную в ломбарде. Характерно, что смелый и независимый тон большевистской „Звезды“ вызывал в анархистских газетах вялые и очень сдержанные, примирительные реплики. Анархисты больше оправдывались, чем нападали, доказывая, что их военная власть — только временное явление, вызванное исключительными обстоятельствами.

Но провозглашенная свобода печати и сдержанный тон анархистских газет нисколько не соответствовали террористическому режиму, установившемуся в городе благодаря махновской контрразведке. Не обходилось дня без расстрелов. Одними из первых были расстреляны пять большевиков, служивших в армии Махно, в том числе видный местный большевик Полонский*. Потрясающее впечатление на обывателей произвел расстрел начальницы гимназии Степановой, старухи, уличенной будто бы в сношениях с добровольцами, находившимися по ту сторону Днепра. Достоинство было доноса, что то или иное лицо укрывало у себя добровольцев — и это лицо уже не возвращалось из контрразведки, а труп его можно было найти на берегу Днепра; десятки трупов торчали из воды, прибитые волнами к берегу, или небрежно брошенные на неглубоком месте. Расстреливали на берегу и трупы бросали в воду. Расстрелу подвергались не только бывшие офи-

* Командир Крымского повстанческого полка большевик Полонский и еще три человека, обвиненные в попытке убийства Махно, были расстреляны махновской контрразведкой 5 декабря 1919 г. — В. В.

церы деникинской армии или их близкие родственники и люди, заподозренные в сношении с ними, но также и бывшие стражники и полицейские... Допросами в контрразведке и расстрелами по ночам руководил лично Махно и, как передавали уцелевшие, очень любил собственноручно расстреливать.

Маленький, худой, с женоподобным лицом (он прекрасно groomingировался женщиной), с черными локонами волос, падавшими на плечи, Махно производил жуткое впечатление благодаря пронзительным глазам с неподвижным взглядом маньяка и жестокой складке вокруг рта на истощенном бледном лице. Возраст его трудно было определить по виду: не то — 25, не то — 45. Взгляд его редко кто мог выдержать спокойно, а одна сестра милосердия, побывавшая у него на допросе около часа (арестована была за хранение офицерских погон, сувенира мировой войны), заболела таким нервным расстройством, что в течение нескольких недель можно было опасаться за ее рассудок. По ее словам, самое страшное было, когда он в конце допроса начал любезничать...

Так, в атмосфере непрерывных ночных казней и грабежей и грохота разрывающихся снарядов, усердно посылаемых деникинцами из-за Днепра в истерзанный город, пробыло население шесть недель. Затея с конференцией, долженствовавшей осуществить власть по рецепту анархистского Военревсовета, была к концу пребывания повстанческой армии так же далека от осуществления, как и в начале. Никто в городе не откликнулся на это предложение, прекрасно понимая, что махновщина — лишь краткий эпизод в числе других эпизодов, и боялись только, что махновцев сменят добровольцы: из двух зол первое все же было легче. Власть анархистов оказывалась более упорядоченной, чем власть добровольческой армии, явившейся водворять „порядок“.

Между тем „повстанческая армия имени батьки Махно“ таяла не по дням, а по часам. Крестьяне, набив свои „тачанки“ награбленным имуществом из ломбардов и офицерских квартир (попутно и из некоторых частных), вереницей потянулись из города по своим деревням, бросая „батьку“ Махно на произвол судьбы. К тому же они бежали от эпидемии тифа, охватившего город и завезенного самими же махновцами. В самой „повстанческой армии“ насчитывалось свыше 5000 тифозных. И когда отряды генерала Слащева, пробиравшиеся из Киева в Крым к Врангелю, подступили к Екатеринославу, им без труда удалось выбить остатки махновцев.

* * *

Я. СЛАЩЕВ. ЕКАТЕРИНОСЛАВСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Обстановка. После уманских боев Махно отдохнул в районах Бобринец и Гуляй-Поле, пополнил свои поредевшие ряды и боевое снаряжение и вновь выступил могучим противником белых на Украине. Фраза Суворова, что „недерубленный лес быстро вырастает“, рельефно и в полном объеме оправдалась на нем.

Махно блестяще сумел воспользоваться пренебрежением к нему белой ставки главкома и, проявив высокий организаторский талант, быстро сформировал новые отряды и стал даже угрожать Таганрогу и Ростову, заставив серьезно опасаться за целостность места расположения главнокомандующего белых. Не успев, — ввиду подвоза крупных сил белых к Ростову и Таганрогу, — овладеть месторасположением ставки, Махно снова вернулся в приднепровскую Украину и, в буквальном смысле слова разметав в разные стороны войска начальника обороны Екатеринослава, овладел этим городом с налета, заставив 1-й Кавказский стрелковый, сводный Чеченский и Славянский полки, отряды особого назначения, Донскую кавбригаду и отдельную сводную кавбригаду (всего около 5000 бойцов) перейти к обороне, а некоторых отойти в беспорядке в районах: Синельникова, Александровска, ст. Знаменки, Херсона, Николаева.

После этого екатеринославского боя начальник его района был сменен ставкой, и вышеуказанные части остались пассивно стоять против Екатеринослава. Махно не беспокоил стоявших за Днепром, а занялся овладением района Екатеринослав-Никополь-Вознесенск-Елисаветград-Знаменка-Верхнеднепровск.

В этом районе весь восток, до Пятихатки — Кривой Рог — Апостолово-Никополь-р. Днепр, прочно был занят частями Махно, а в остальных местах образовался ряд „республик“, подчинявшихся ему, как то: Баштанская, Висунская и др. Ядро махновских сил стало достигать 15 000 человек и, кроме того, весь район бурлил и в буквальном смысле слова стонал под властью белых.

Махно не успел еще закончить овладение узловой станцией Знаменка и городами Елисаветград, Вознесенск, Николаев, Херсон, где части белых пассивно отсиживались. Он заканчивал обучение и сколачивание своего ядра, которым мог бы перейти к операциям уже не партизанского, а регулярного характера.

Тут бросается в глаза умение Махно действовать не только партизанским, но и регулярным способом и быстро формировать и сколачивать свои части (по мерке гражданской войны вообще милиционного характера) в хорошие, упорно дерущиеся регулярные войска.

Во время этих событий и действий Махно заканчивалась Гайсинская операция. Около 10 ноября 1919 года начдив 4 получил приказ срочно закончить отправку капитулировавшей галицийской армии в район Вознесенска и перейти с дивизией в Екатеринославский район, с целью овладения городом и прилегающей к нему местностью. Следом за этим сводные бригады 13-й и 34-й дивизий были развернуты в дивизии тех же номеров и вместе с конвоем 4 сведены в 3-й армейский корпус. Начдив 4 превратился в комкора 3 и начальника Екатеринославского района; ему же были подчинены все части, находящиеся в районе перед тем. Таким образом, против Махно ставка сосредоточивала в общей

скорее пробиться через линию Висунск-Баштанка, не останавливаясь в восставшем районе: при гибели Махно все эти „республики“ ликвидировались бы сами собой.

Целью кавбригады было поставлено занятие Апостолово, где ожидать дальнейшего приказа. По занятии этой станции базирование кавбригады должно было быть перенесено на Долинскую железную дорогу. Весь 3-й армейский корпус должен был сосредоточиться через ст. Бобринскую на ст. Знаменка, откуда начать наступление по железной дороге на ст. Пятихатку и далее на Екатеринослав, выделив один полк для прикрытия своего фланга и занятия станций Долинская и Кривой Рог. Оперативный штаб группы расположился на ст. Знаменка и тоже должен был двигаться по железнодорожной дороге на Екатеринослав.

Только к концу ноября месяца закончилось сосредоточение корпуса и возможно было начать общее наступление, — до этого момента комкор 3, несмотря на настоятельные телеграммы ставки, отказывался от начала боевых действий, боясь подвергнуть свои части риску отдельных поражений со стороны такого энергичного противника, как Махно.

Частям правого берега Днепра, впредь до дополнительного распоряжения (Синельниковской группе), было приказано обороняться, чтобы не подвергнуть их слишком ранней атакой отдельному поражению; но Синельниковская группа все время должна была беспокоить Махно в Екатеринославе, делая налеты на мост железнодорожный, приковывая этим силы Махно к Екатеринославу.

Этот мост был взорван уже давно, и для железнодорожного движения не годился, — переправить же воинские части и обозы он позволял. Кичкасский мост был цел, и на нем Махно был только сожжен настил и сняты рельсы. Находясь между враждующими сторонами, оба моста пока бездействовали, но могли каждую минуту ожить при овладении одним из противников обоими берегами Днепра.

Только 1-го декабря возможно было начать движение от ст. Знаменка. Обстановка требовала быстрого, сокрушительного удара на Екатеринослав, но дороги совершенно не позволяли развить более или менее значительную быстроту. Махно железнодорожнику на этот раз портил слабо и временно. Поэтому комкор 3 решил двинуть войска по железнодорожной дороге в поездах, имея впереди два бронепоезда и при них минимальное количество цепей от 13 пех. дивизии. Получился боевой порядок, страшно узкий по фронту и эшелонированный в глубину, которым корпус и должен был пробить расположение Махно, фланги которого были обеспечены упором в р. Днепр. Поезда были пущены трамвайным порядком; для вагонов с лошадьми и платформ с пулеметами и орудиями были приготовлены в большом количестве пологие сходы.

Махно в это время расположил свои силы (главные) по линии Пятихатка-Кривой Рог-Архангельское, упирая оба фланга

в р. Днепр с общим резервом в Екатеринославе. Впереди этой линии были только слабые разведывательные части, мелкие отряды партизанской конницы и вышеупомянутые местные восстания. Махновцы из своего расположения не выдвигались, видимо, сковавшие демонстрациями Синельниковской группы белых и заканчивая овою формирования и сколачивания на регулярный манер.

Тут Махно допустил крупную ошибку: начав оборону, держался пассивно и, пожелав все прикрыть (все направления к Екатеринославу), почти равномерно растянулся по всему фронту, а активные действия вел только нападениями на белых силами местных „республик“ и ничтожными частями своей партизанской конницы.

3-й армейский корпус решительно двинулся на Пятихатку, выделив один полк 34 п. дивизии (133 Симферопольский), тоже в поездах, на Долинскую-Кривой Рог, чтобы обеспечить свое движение с южного фланга. Между железнодорожными линиями на Пятихатку и Долгинцево двигалась часть конвоя штака 3, тоже с целью прикрытия, разведки и демонстрации. Части кавбригады из Николаева повели наступление на фронт Висунск-Полтавка (Баштанка). Налеты Синельниковской группы на Екатеринославский мост усилились; остальные части стояли пассивно, ведя лишь очередные разведки.

В первых числах декабря фронт Махно в Пятихатки был прорван и он, под угрозой вклинения белых между его частями и Екатеринославом, принужден был отойти по всей линии к рекам Мокрая Сурава-Бурзулук, представлявшим в связи со стоявшей погодой, прекрасные оборонительные линии. От Пятихатки, для обеспечения движения корпуса на Верховцево-Верхнеднепровск, был выделен второй полк 34 п. дивизии (134 Феодосийский) на Сакагань и дальше в направлении на Николаевку. 133 пех. Симферопольский полк вел упорные бои с партизанскими бандами в районе станций Кривой Рог-Долгинцево, получив задачу пробиться к ст. Девладово. Часть (3 взвода — 70 шашек) конвоя штака 3 двигалась на фронт Верховцево-Николаевка.

Таким образом, корпус для обеспечения своего движения принужден был выделить бригаду 34 п. дивизии и 3 взвода конвоя. 13 п. дивизия продолжала движение в поездах на станции Верховцево-Верхнеднепровск, имея за собой корпусный резерв (вторую бригаду 34 п. дивизии). Кавбригада застряла в районе Висунск-Баштанка, и, ввиду плохой связи, о ней сведений не было. Остальные части стояли на своих местах.

4-го декабря 13 п. дивизия атаковала Верхнеднепровск и на плечах махновцев ворвалась в тыл их расположения по р. Мокрой Сураве: мелкие железнодорожные мосты этого района были только слабо испорчены махновцами, и к рассвету 5-го декабря они уже были исправлены. Части корпуса почти никогда не двигались ночью, во избежание схода с путей составов: даже при дневном движении много времени уходило на починку путей, а иногда случались мелкие крушения.

5-го декабря комкор 3 приказал 13 п. дивизии овладеть станцией Запорожье, а второй бригаде 34 п. дивизии — задержаться в Верхнеднепровске на случай активных действий Махно к западу от р. Мокрая Сурава.

Линия р. Мокрая Сурава, к северу от дороги Екатеринослав—Софиевка, за 5-е декабря была махновцами очищена, причем их части, бывшие севернее желдороги, частью захвачены в плен, частью рассеяны.

134 п. Феодосийский полк с дороги Саксагань—Николаевка был направлен на Верховцево—Верхнеднепровск с задачей прикрывать эти станции. 133 п. Симферопольский полк, пробившись к Довладово, получил приказ занять ст. Милорадовку; часть конвоя штакара 3 была направлена на дорогу Екатеринослав—Софиевка на реку Мокрая Сурава. О кавбригаде из района Баштанка сведений не было.

Дальнейшая операция стала очень рискованна; продолжая прорывы на Екатеринослав, 3-й амр. корпус, после ст. Верхнеднепровск, должен был начать совершать фланговое, по отношению противника, движение, имея с другого фланга непроходимую вброд реку, т. е. рисковал быть прижатым к ней при переходе противника в наступление с юга на север, вдоль р. Мокрая Сурава. Этот переход в наступление был тем более вероятен, что кавбригада к Апостолу все еще не подходила и двигалась настолько медленно, что позволяла Махно не обращать на нее внимания. Части же левого берега Днепра были так далеко и так стеснены этой рекой, что помочь корпусу не смогли бы.

Учитывая все это, комкор 3 все же решил продолжать свой план, рассчитывая на быстроту своего движения по желдороге, на которой не имелось солидных мостовых сооружений, порча которых задержала бы его движение надолго, и на медленность движения махновских сил с юга по плохим проселочным дорогам, потому что в этой местности дорог с юга на север было мало и все почти тропиночного типа. Кроме того, Махно неосторожно разбросал свои силы по всему фронту, и сбор их требовал времени, а корпус, быстро пробившись к Екатеринославу, всегда мог перекинуть свое базирование с угрожаемой дороги на Знаменку — на безопасный путь на Синельниково. Следовательно, требовалась наивысшая быстрота движения, чтобы опасный удар Махно, если бы он его предпринял, пришелся по пустому месту.

Для обеспечения своего движения комкор 3 оставил бригаду 34 п. дивизии, которая и раньше действовала в районе Верховцево—Кривой Рог. Ей было приказано сосредоточиться в районе Верховцево—Верхнеднепровск и действовать во фланг противнику при его движении с юга на север.

Конвой штакара 3 получил приказ продолжать движение на хутора Карнауховские. Весь же 3-й амр. корпус, в составе трех бригад, 6-го декабря двинулся в поездах, продолжавших идти

трамвайным порядком, вдоль Днепра, от станций Верхнеднепровск и Запорожье на станции Сухачевка—Горляново—Екатеринослав.

Завязались упорные бои у ст. Сухачевка. Махновцы от р. Бурзулук стали собираться к Натальевке и повели наступление к северу, совместно с частями общего резерва, от хут. Карнауховских. Фронт борющихся сторон совершенно изменился. Махно стал фронтом на север, имея Екатеринослав на своем крайнем правом фланге, а не в тылу, как это было раньше. 3-й амр. корпус энергично продолжал атаку, и, опрокинув части махновского резерва у ст. Сухачевка, достиг к вечеру 7-го декабря ст. Горляново. Бригаде 34 п. дивизии, шедшей в резерве, так же, как и шаткору 3, несколько раз приходилось вылезать из составов и принимать боевой порядок фронтом на юг, для отражения атак махновских частей. Завязались бои и с первой бригадой 34 п. дивизии в районе Верховцево. Но все эти перечисленные бои были боями с отдельными передовыми конными частями махновцев, — главные их силы безнадежно застряли в грязи к северу от Натальевки и у Карнауховских хуторов и к решительному моменту боя споздавали.

На рассвете 8-го декабря произошла общая атака Екатеринослава 1-м Кавказским полком с востока, через Днепровский мост, и тремя бригадами 3-го амр. корпуса, вдоль правого берега Днепра. Во главе всех частей в 10 час. утра в город ворвалась 13 п. дивизия со своим начдивом, и махновцы, потеряв два бронепоезда, три автоброневика, 4 орудия и около 3000 пленных, бежали из города, бросив больных и раненых и склады.

Таким образом, под Екатеринославом Махно потерпел тяжелое частное поражение, — частное потому, что большинство его сил в бою участия не принимало, — был разбит его один правый фланг с частью общего резерва. Остальные же силы Махно не могли поспеть к нужному моменту и, после падения Екатеринослава, оставили свое движение к северу. Вообще бои после падения Запорожья велись Махно, видимо, без разработанного плана, — карты его были спутаны, и он брал ближайшие части и пакетами бросал их в бой и на север.

Морально и материально поражение было жестоко: желдорога и город были потеряны, а с ними — престиж, много живой силы, удобство и быстрота движения и склады, но большая часть войск все же была цела и могла быть собрана для дальнейших действий и возвращения Екатеринослава со всеми его благами. На это Махно и направил всю свою энергию; как мы увидим ниже, он совсем не собирался помириться с мыслью о потере города, и на другой же день поставил белых в тяжелое положение своим быстрым маневром.

Заняв Екатеринослав, комкор 3 немедленно переправил на правый берег Днепра весь 1-й стр. Кавказский полк и стал подтяги-

вать Донскую кавбригаду и чеченцев, неоших службу по охране Днепра до Кичкасы. Части эти могли стянуться в Екатеринослав 10-го декабря. Вся станция желдороги была забита поездными составами, так что все эшелоны не могли на ней вместиться, — пришлось часть из них разместить на ст. Горяиново-Сухачевка.

Для охраны желдороги крейсировали бронепоезда с пехотными десантами и подтягивался в район Запорожья один полк 34 п. дивизии из состава Верхнеднепровской бригады. Базирование корпуса было перенесено на екатеринославские склады и на подвоз к Днепровскому железнодорожному мосту со ст. Синельниково, так что даже перерыв желдороги на Пятихатку был бы уже не опасен. Бронепоезда Махно были мало попорчены и очень быстро были поставлены в строй.

Высланная разведка обнаружила присутствие крупных махновских сил к востоку от хуторов Карнауховских и д. Михайловка. Поэтому преследование отошедших вдоль Днепра к югу махновцев пришлось остановить. Что делалось глубже в его тылу, — выяснить не удалось. От кавбригады из района Баштанки сведений не было никаких. Апостолово оставалось в руках Махно.

Приняв все меры для срочной переправы кавалерии с левого берега Днепра через испорченный железнодорожный мост, комкор 3 решил немедленно после сосредоточения конницы и частей 134 п. дивизии обрушиться 13 и 134 п. дивизиями, конвоем, 1-м Кавказским стр. полком, Донской кавбригадой и сводным Чеченским полком, т. е. 70 % своих сил, на Махно с севера и при помощи кавбригады, которая в конце концов должна же была выйти на Апостолово, прижать его к излучине Днепра, в районе Никополя. Начкавбригады был послан резкий приказ торопиться, тем более, что стали носиться слухи о начавшихся среди ее частей грабежах: это явление могло разложить бригаду и сыграть на руку Махно, уже не говоря об его возмутительности само по себе.

Операция должна была начаться 10-го декабря, но, как мы увидим ниже, Махно предупредил белых: собрав ближайшие силы и не дожидаясь подхода своих более удаленных частей, он 9-го декабря атаковал Екатеринослав.

Ф. ЛЕВЕНЗОН. ПРОТИВ МАХНО НА ДЕНИКИНСКОМ ФРОНТЕ

В два часа ночи 5 января части 397 полка подошли к Александровску, не вступая в город. На рассвете 5 января, восстановив разобранную колею, мы двинулись бронепоездом в Александровск. У нас не было сведений о том, что враг отступил, поэтому частям и дан был приказ вступать в город в боевом порядке.

Наш бронепоезд со всеми мерами предосторожности, готовый к бою, тихо подходил к станции... Железнодорожники высыпали все

навстречу. Совершенно не замечая нас, на станции давал распоряжения и бегал человек в гражданской одежде с красной повязкой на руке. На повязке пестрело: „комендант станции от войск батьки Махно“. На все наши вопросы к нему он отвечал: „Я комендант от армии батьки Махно“, „исполняю распоряжения только его“, „батько в городе, разговаривать можете с ним“... Я решил ехать к „батьке“.

Продвигаясь к Александровску, и даже под самим Александровском мы не могли получить более-менее определенных сведений о расположении махновцев и количестве их. Мы не могли и предположить, что уже под Александровском встретимся с ними...

Произведя необходимые распоряжения о расположении частей бригады, автор этих строк, комиссар бригады тов. Генин, командиры полков Липанов, Няга и еще кто-то из командного состава пошли к „батьке“. Батько и его штаб любили комфорт. Они расположились в одной из лучших гостиниц города.

Было под вечер, когда я назвал себя возле входа в гостиницу двум партизанам, и, не ожидая разрешения, вошел в большой хорошо освещенный зал.

Посредине — приготовленный на большое число людей стол. На кушетке сидело трое или четверо военных, а прислонившись к буфету, стоял „батько“. Я отрекомендовался и заявил, что желаю переговорить о гарнизонных делах. „Батько“ ответил, что все предварительные переговоры будет вести командир Черноморско-Азовского корпуса Каретников и начальник штаба Билаш, а итоги рассмотрит Реввоенсовет, который и примет определенные постановления.

Принял „батько“ сухо, но без каких-либо признаков высокомерия или чего-то подобного...

От Махно мы пошли на прием к упомянутым командирам махновской армии. Разговор продолжался два часа. Это был вечер вопросов и ответов, взаимного дознания. Билаш был спокойный и только время от времени принимал участие в разговоре. Главную роль в разговоре взял на себя Каретников. Иногда он становился резким, горячился. Но мы вели себя спокойно и сдержанно, пытались выдержать такой тон до конца.

Главное, что отделяло, по мнению Каретникова, нас от махновцев и крестьянства, аграрная политика соввласти и то, что во главе Красной Армии стояли руководители — те же самые офицеры, с которыми Махно, по его словам, ведет борьбу не на жизнь, а на смерть...

Дискуссия не имела результата. Мы не ставили себе цель переубедить командиров махновской армии, мы хотели узнать о том, кто они такие. Нужно признаться, что у нас жила надежда на то, что опыт борьбы с деникинщиной для махновцев не пройдет впустую, но мы ошиблись...

В делах дивизии сохранилось донесение штабу армии командира дивизии т. Якира, где говорится вот о чем:

„По только что полученным сведениям от комбрига-1 по телефону выясняется, что в два часа с 4-го на 5-е (января) батальон 7-го полка занял Александровск. Непосредственно за батальоном в Александровск вошел переправившийся ранее из Кичкаса корпус махновцев во главе с комкором Каретниковым и самим Махно. Ночью же комендант был назначен от корпуса. В состав корпуса входят 4-й и 5-й полки; в первом 800 штыков, 600 сабель, во втором приблизительно столько же. Точно не выяснено. Кроме того, в корпус будто бы входят еще 4 полка, находящиеся в непосредственной близости от Александровска. Комбриг-1 тов. Левензон, прибыв в Александровск, отправился к Махно. Его принял комкорпуса Каретников и после длительного разговора заявил: „На политические темы мы с вами беседовать не будем. Об этом сговорится наш Ревсовет с вашим РВ советом республики. Со стратегической стороны мы готовы занять определенный участок, ибо враг у нас один“; передано почти дословно. В городе расклеен приказ, гласящий, что за грабежи расстреливать на месте, ходят патрули, разъезжают крупные развозы по 80–100 сабель с черными знаменами. Части 1-й бригады за исключением 1-го батальона находятся в Александровске... Комбриг спрашивает определенных указаний, каковых спрашиваю и я, причем докладывая: на случай приказа открытия военных действий против корпуса, что 1-я бригада 2-х полкового состава; возможно потребуется переброска еще одной бригады, что займет 3–4 суток Якир“.

Уже после разговора с Каретниковым стало ясно, что от вертушки не приходится ждать ничего хорошего, и что разведку нужно вести в другом направлении: нужно узнать, чем дышит, как настроена масса махновцев, ее рядовой состав.

...Политработники частей бригады, командный состав и очень большая часть красноармейцев пошли в среду махновцев. Встретили их там с восхищением. Всех удивляли те изменения, которые произошли с Красной Армией. Ведь только несколько месяцев до этого наш красноармеец мало чем отличался от махновцев: то же разнообразие в одежде, плохое, рознящееся вооружение. А теперь такие изменения! Это производило впечатление...

Таким образом, мы начали широкую разъяснительную работу среди махновцев и населения. Нам не пришлось рассеивать враждебных настроений, но сомнений, неясностей было достаточно: была непонятна наша политика 1919 г. на селе, форсированное развитие коммун, реквизиции и др. ...

Но махновцы тоже не спали. Не знаю, обсуждал ли махновский штаб наше поведение, но, видно, он чудесно понимал и правильно предвидел последствия нашей работы. Поэтому и они работали, пустив в дело самых надежных людей и денежные средства.

В первый день, как только махновцы прибыли в Александровск, они взяли под свой контроль водочный завод. Их администрация выдавала спирт по запискам штаба и, когда нам нужно было для нужд врачебных учреждений, мы получали его с разрешения „батьковской“ власти, не желая наперед давать повод для инцидентов.

В каждом квартале мы видели махновца-агитатора с четвертью водки. „Выпьем, братишка, за наше освобождение“, – так простецки обращались к нашим красноармейцам махновские агитаторы. То есть, водку Махно считал за свой лучший способ разложить наши части.

После такого начала можно было рассчитывать на дальнейший успех. Как ни велик был соблазн, как ни хотелось попробовать крепкого напитка, красноармейцы чаще всего вежливо отказывались...

Как видим, боролись две силы.

Вместе с тем мы вели и другую работу. Нужно было подготовить организацию Соввласти, нужно было готовиться к стычке с Махно. Неизбежность такого конца была очевидна уже после разговоров с Каретниковым...

Комиссар бригады тов. Генин целиком отдался этой работе. Но местный ревком не считал своевременным выход из подполья. Он выжидал выяснения взаимоотношений с Махно.

Тов. Генину удалось наладить связи в кругах, приближенных к военному Совету Махно. Появились надежды найти союзников в составе самого Совета. К этому времени связь с дивизией установилась и появилась возможность информировать о своих действиях дивизию и получать указания. Но дивизия тоже не могла дать определенный ответ, как нам быть. Вопрос решался в самых высоких инстанциях.

Такая неопределенность смущала. Каждый из нас, кто был в Александровске, чувствовал, что стычка с Махно неизбежна, но нельзя в таком важном деле решать все самому.

Время шло. Оставалось его использовать целиком только для того, чтобы быть готовым к стычке... И мы делали все, что только можно было.

Припоминаю даже разговор с тов. Якиром, где мы предлагали выделить группу товарищей, которая должна была „покончить“ с верхушкой махновской армии...

Тов. Якир понимал наше положение и нетерпение, но... приказал ожидать приказ. Дисциплина вынуждала скрежетать зубами и ожидать.

О дальнейших событиях мы можем узнать с разговора тов. Якира с командующим XIV армией тов. Уборевичем.

„Здравствуйте, товарищ командарм! Выяснил относительно точно численность корпуса Каретникова, находящегося в Александровске и непосредственной близости 15–20-верстном районе:

1500–1600 сабель и около 6000 штыков. На правом берегу 3 корпуса от Никополя по Апостолово, где находится 1-й корпус, неизвестно. Вчера из тактических соображений приказал комбригу выступить в исполнение обязанностей начальника гарнизона и назначить своего коменданта, несмотря на присутствие маховских начгарнизона и коменданта... Сегодня приказал устроить парад бригаде тоже с агитационной целью, дабы показать стройность организации Красной Армии. Сегодня выпущена в Александровске пара листовых воззваний. Противник также пытается вести агитацию, но комбриг говорит, что она совершенно безуспешна".

С изданием приказа по гарнизону в городе наступило двоевластие. Хотя положение стало более напряженным, но зато наши позиции более четко определились...

Дальше, не припоминая какого числа, мы получили, наконец, указания.

„Добрый вечер, товарищ Якир! У аппарата Уборевич и члены Реввоенсовета. Товарищ Сталин только что передал распоряжение Южфронта предложить армии Махно выступить на защиту Советской Республики против поляков в районе Мозыря. Во исполнение этого распоряжения нами будет передан для Махно оперативный приказ. Мы полагаем, что соответствующее отношение Махно к этому приказу даст нам возможность иметь определенный материал для нашего дальнейшего поведения. Последнее постараемся использовать вы и, будьте добры, выскажите ваше мнение.

Говорит Якир. Извиняюсь, из Александровска к телефону меня вызвал комбриг. Только что говорил по телефону с Александровском. Я лично, зная Махно, полагаю, что он ни в коем случае не согласится. Кстати докладываю, что в случае отказа операций против Махно будет весьма трудно руководить, благодаря отвратительной связи, благодаря перевесу, который будет на его стороне в смысле численности, благодаря подвижности и ускользаемости его банд. Полагал бы необходимым, в случае наличия желания Южфронта использовать живую силу Махно, приезд какого-либо авторитетного лица республики... Итак, повторяю, вручение одного приказа, вручение без присутствия кого-либо из центра результат даст отрицательный...

Говорит командарм. Вы хорошо понимаете, что этот приказ является известным политическим маневром и только; мы меньше всего надеемся на положительные результаты в смысле его исполнения Махно. Реввоенсовет армии завтра после обеда выезжает на станцию Синельниково и дальше к Александровску. Приказ вы заранее используйте для агитации, что маховцы должны [не] свои хаты защищать, но, как и вся рабоче-крестьянская армия, бороться на других фронтах. Если этого не пожелают сделать, значит – они враги и изменники. Поведение ваших частей не весьма радует. Выезжайте в Екатеринослав, чтобы быть поближе

к своим частям. Сейчас вам будет передан приказ для передачи Махно. Пока до свидания. Официально имеем сведения о занятии Бердянска. Уборевич".

Этот разговор излагает достаточно детально и то, о чем упоминал раньше, и освещает нашу тактику в отношении Махно...

Приказ Махно вручил командир батальона Покровский. Махно почувствовал, что шутки плохи. Он понял, что бой он не выиграет, и решил избежать стычки с нами.

Наконец, мы начинаем операцию. По мнению командования, Александровск нужно обойти и окружить, закрыв Махно в городе. Вместе с нами в этом должны были принять участие и части 41-й дивизии, на которые возлагалась задача замкнуть выход из города.

„Всем частям, за исключением одного батальона 398-го полка, приказано выйти из города и направиться в район Кичкаса. Еще с утра по всему городу распространялись слухи, что части бригады переходят на правый берег Днепра для продолжения наступления на Деникина. На смену бригаде прибывают части 41-й дивизии, до прибытия которых в городе остается только один батальон.

Это было сделано для того, чтобы ввести в заблуждение маховский штаб. И этот номер удался... Спокойно наши части вышли из города – и маховцы успокоились. Утром на второй день ко мне на квартиру прибыл один из видных агентов маховской ставки, начальник контрразведки, палач, бывший уголовный преступник – Левка. Мы с комиссаром бригады имели с ним разговор, который не дал ему оснований подозревать, что мы что-то готовим против них. Мы даже договорились, что ответ на приказ нашего командования о выступлении маховской армии на польский фронт он должен передать командиру 41-й дивизии, которая придет нам на смену. Все это так делалось, чтобы не возникло самого малого подозрения.

Ночью мы прибыли на хутора в 6–7 верстах от Александровска... В городе, как известно, остался батальон 398-го полка во главе с командиром Иваном Федоровичем Липановым. Он был человеком надежным, мы на него полагались в любых обстоятельствах... Но задача батальона была очень тяжелой. Он должен был проводить бой в городе тогда, когда мы прижем другие маховские части к городу с севера, а 41-я дивизия с юга. На этот же батальон возлагалась обязанность парализовать „положить конец" маховскому штабу... Работу в городе продолжали и дальше. Уже наклеивали по городу приказ-воззвание к маховцам, где говорилось о предложении советского командования Махно отправиться на польский фронт и его отказе исполнить это предложение. Приказ заканчивался призывом к партизанам вступать в ряды Красной Армии, а Махно и те, кто его будет поддерживать, провозглашались предателями

4. Н. И. Махно

революции, против которых будут применены самые суровые методы...

Уже ночью на участке на север от Александровска наши двинулись в поход, разделившись на группы. Тихо и спокойно, ничего не подозревая, спали махновцы в Павложичкасе. Не спали только караульные, которые охраняли пулеметную команду и артиллерийскую батарею. Конники дивизиона тов. Няги сняли часовых и разоружили махновцев, которые расположились в ближайших селах. Уже рассвело, когда пехотные части пошли в наступление. Как только закончилось разоружение, мы с кавдивизионом двинулись на город...

В городе обстоятельства сложились хуже, чем мы надеялись. 41-я дивизия не проявила необходимой энергии, и махновцы выскочили на юг, в родные места. Правда, их убежало немного. Махно исчез еще раньше, но убежали его кадры, убежала его чернота сотня и еще сотня-полторы конных, немного пулеметов и бататеря. Все другие части или были разоружены, или, оказавшись за городом, пошли по домам или переходили к нам.

Из нескольких тысяч человек махновской армии, которая стояла в Александровске и его окрестностях, с Махно ушло не больше 300 человек.

Сформированная в это время конбригада Котовского, куда вошел и отряд Няги, довела дело до конца. Дивизион Няги, преследуя недобитые части Махно, взял пленных, всю материальную часть армии Махно, а остатки рассеял по кулацким углам Гуляй-Поля.

* * *

В. БИЛАШ. НА РАСПУТЬЕ

Начдив Красной Армии 3-го января 1920 года в Александровске вручил Военревсовету махновцев приказ председателя РВСР Троцкого. Махновцам предлагалось выступить на польский фронт, очистив занимаемый район. В приказе видно было стремление красного командования ликвидировать махновщину. В результате горячих споров в самом штаме махновской армии и Совете было выдвинуто контрпредложение — подписание военного договора и предоставление независимости Екатеринославской и Таврической губерниям.

Эти идеи анархо-культурники пропагандировали среди красных полков, стоящих в Александровске, критикуя при этом Советскую власть. Батальон китайцев перешел на сторону махновского штаба, который с двумя корпусами выступил на Гуляй-Поле, оставив за произвол судьбы все лазареты, снабжение и бронепоезда. 5 января штаб занял Гуляй-Поле и начал готовиться к обороне от нападения Красной Армии. Но усталость, апатия и тиф продолжали косить полки. 6-го января, когда Красная Армия занимала г. Мариуполь, в Гуляй-Поле состоялось общее заседание комсостава

штаба и Военревсовета. Было решено: предоставить повстанцам месячный отпуск, усилить формирование новых частей и стремиться с Совправительством заключить военный союз на предмет дальнейшей борьбы с белогвардейцами и Польшей, отстаивая независимость Таврии и Екатеринославщины. 1-й корпус расходился по домам в Гуляйпольском районе, а 2-й ушел в Бердянск и Мариупольский уезды...

Со стороны Екатеринослава в Никополь вошел один советский полк, он занял город и начал разоружать тифозных махновцев. Ему достались бронепоезд Лонцова и три состава снарядов без какого бы то ни было сопротивления. В самом же городе находилось 15 с лишним тысяч тифозных повстанцев. Наши командиры подвергались расстрелу, будь они больные или здоровые. Такое положение заставило меня бежать из города. Со мною была группа из 7-ми человек...

Наш путь лежал через села Знамянка, Днепровка, Попово, Копань, Вербовое, Петропавловка и Пологи. На наших глазах на Крым двигались красные части. Они занимались чисткой района от махновщины, обезоруживая группы тифозных повстанцев, расстреливая многих командиров. Было жутко смотреть на эту кровавую картину и хотелось крикнуть: „Остановитесь, безрассудные, махновцы с вами!“

Нас укрывали крестьяне, и мы 19 января добрались в Гуляй-Поле благополучно. Здесь стоял штаб. Махно болел тифом и уехал с охраной (15 человек) в Дибровки. Положение было аховское, ибо армия окончательно была парализована и разбелась по домам. Штаб остался в единственном числе. Военревсовет тоже разбегался по домам, а частью попал в плен к красным. Культпросвета уже не существовало. Вообще, махновщина почти прекратила свое существование.

Вечером 19 января со стороны Полог один красный батальон 42-й дивизии повел наступление и без боя занял Гуляй-Поле, захватив последние 8 орудий и тифозных махновцев. Среди пленных был двоюродный брат Махно — Григорий и А. Лепетченко, которые тут же были расстреляны. Штаб законспирировался, а я уехал в Новоспасску.

Гонения не помогут. Наивно думать, что репрессиями можно разрешить все расхождения между селом и городом, Красной Армией и махновцами, — говорил Куриленко, накануне приехавший с польского фронта. С июля 1919 года он отсутствовал в махновщине, отступив с Украины на север вместе с Красной Армией. Со своим полком он был влит в бригаду „червоных козаков“. Приехав в отпуск, Куриленко 15 февраля 1920 года разыскал нас на Николаевских хуторах. Он продолжал:

— Троцкий идет к победе над украинским повстанчеством. Везде, где я проезжал — Киевщину, Черниговщину, Полтавщину, Екатеринославщину — всюду проливается невинная кровь. Крас-

ная Армия вместо прямой задачи — преследования отступающего Деникина, сейчас занята повстанчеством. Я думаю, что она своими действиями заново организует его: это неизбежно. Создается положение, при котором террор и насилие над махновцами и населением только увеличат сопротивление. Историей доказано, что идеи, которые власти стремятся подавить грубой силой штыка, а не добрым словом, обыкновенно делаются более близкими народной массе, более популярными. Народ к ним тяготеет и готов на страдания. В настоящее время, когда окончательно не сломлена белогвардейщина, когда махновское повстанчество перед Советами покорно сложило оружие, борьба с последним во имя торжества партийных принципов есть контрреволюция. Поэтому мы должны во что бы то ни стало предотвратить кровопролитие в районе: надо писать воззвание.

— Воззвание мы уже писали, осуждая выступление гуляйпольцев, — возразил Куриленко член бердянской группы анархистов Миша. — Но на следующий же день был арестован Уралов.

Действительно, Уралов, матрос из рабочих, махновский командир, анархо-коммунист с бердянской группой анархистов выпустил воззвание, осуждал Махно за выступление против коммунистов. Однако Чека арестовала его и только месяц спустя по настоянию рабочих выпустила.

Бондарец упрекал Куриленко в советской службе. В защиту его выступил Миронов — начштаба 2-го Азовского корпуса, бывший коммунист, донской казак, брат Филиппа Миронова, командующего 2-й Конной армией красных. Он успокаивал:

— Товарищи, пожалейте измученных тифом повстанцев, не принимайте заирюхи. Большевики сами осознали, что террором социализма невозможно достигнуть, и мы видим, что в уезде репрессии начали ослабевать. Надо повстанцев сохранить для более подходящего времени: мы еще покажем себя! Упрекать в советской службе не следует, ибо это не порок. Чем больше наших товарищей будет на этой службе, тем легче нам удастся изнутри двинуть 3-ю анархическую революцию.

— Это мечта деревенского собственника, — вспыхнул Долженко. — Это крестьянское кустарничество и отживший метод борьбы. Взрывать Советскую власть значит продлить борьбу внутри пролетарских групп города и деревни. В конце 1919 года нам достаточно надоело фразерство синдикализма. Эта идея показала себя обратной стороной, и пролетарские массы нас бросили на съезде зарвавшихся красных командиров. Мало того. Штарм и Военревсовет показали абсолютное банкротство в деле организации индустриального пролетариата и социализации богатств в свободных городах. А величайший в мире помпадур, этот батько, со своими гуляйпольцами, что они делали? Тогда перед нами стал вопрос жизни и смерти. Что сделал штаб для того, чтобы предотвратить кровопролитие? Вместо концентрации армейских корпусов, представлявших военную силу, с которой красное командо-

вание должно было считаться и неизбежно бы подписало союзный договор, предоставив нам независимую территорию, штарм эту силу раздробил... Он не мог отстоять независимое существование армии и масса была разочарована. Теперь она скрывается и вряд ли гуляйпольцы смогут ее разбудить, конечно, если им не помогут своим террором большевики.

— Бряцать оружием или входить во властнические организации с целью взорвать их изнутри, было бы весьма позорно и недостойно. С ними надо примириться раз и навсегда, — продолжал убеждать Долженко. Священной обязанностью теперь надо считать вопрос организации свободных коммун в советских условиях. В этом мы имеем достаточно опыта и должны показать деревне, насколько эффективно можно устроить коллективную жизнь. Пусть даже эти коммуны будут нести обычное бремя государственных налогов, подчиняясь власти... Надо проповедовать коллективизм, которому большевики выдали вексель чуть ли неприкосновенности и массу привилегий. Мы должны оружие сдать в музей революции и организовать хоть сколько-нибудь свободных коммун, повторяю, в советских условиях. Стремиться к власти было бы не анархическим актом, а восставать против нее изнутри или извне, значит, надо стать махровым контрреволюционером.

— Да, ты, Иван, совсем без ума, — вспыхнул Вдовиченко. — У тебя, видно, повышенная температура, к врачу надо съездить?! Как можно организовать коммуну, когда носа не показывай, когда за тобой, как за зайцем, охотятся красные стрелки. Одно дело — говорить, другое — делать! Бряцать оружием сейчас нехорошо. Но что нам делать, когда нас лишают самого дорогого — жизни... нас убивают! По-моему, село надо подчинить политической и экономической самозащите, надо организовать сопротивление.

Сидящие в хате крестьяне поддерживали Вдовиченко и готовы были предоставить в его распоряжение и сыновей, и лошадей. Они поверили:

— Чого ви кинули гвинтівки, чого на їх дивитися?

Но верх был на стороне Долженко, было решено сидеть в подполье, ожидая пока выяснится положение на деникинском фронте, откуда слышалась орудийная канонада.

16 февраля прибыл разведчик от Павловского. Он рассказал, что 4-й Крымский корпус рассыпался по домам после того как красные части начали обезоруживать полки, а командиров расстреливать.

— Вечером 8 января мы заняли Мелитополь, — вспоминал разведчик. — Слащев во все лопатки драпал на Сальково. Павловский подходил к Перекопу и Николаеву. Вдруг, 12 января прибыли красные дивизии и набросились на наш 15-й полк. Мы с Володиным оторопели и с конной разведкой бежали к Павловскому. Кроме 15-го полка погибли еще два: 16-й пехотный Чайки и Крымский

конный. В Чаплинке мы встретились с Павловским и не знали, что делать. Из штарма не поступало никаких сведений и распоряжений, и места его пребывания никто не знал. Тут же мы решили ударить на Перекоп и уйти в Крым. 20-го января мы заняли Перекоп и Армянский базар, где противника почти не было. Продержались там до 23 января. Пришли красные под командою Саблина и начали нас обезоруживать, а из Крыма Слащев начал напирать. И мы — кто куда. Володин с сотней конницы пробился через Слащева и ушел с Прочаном (командир сотни) в Крымские горы, а мы с Павловским и двумя полками пробиться к Днепру. Вот, теперь они сидят в плавнях, а меня послали к вам. Что делать?

...Мы были на распутье... и так тянулись долгие, долгие месяцы.

* * *

Н. СУХОГОРСКАЯ. ГАЛИНА АНДРЕЕВНА („МАТЬ” ГАЛИНА)

В местных школах среди учеников тоже встречались махновцы. Они учились только тогда, когда Махно жил в селе. Это были дяди лет по 20 и больше. Учителям некоторые из них просто говорили: „Переводи, а то батька расправится”. Впрочем, эти угрозы особого действия на переводы учеников в следующий класс не имели. Преподаватели ставили колы махновцам так же, как и простым смертным, и Махно, надо отдать ему справедливость, в педагогические дела не вмешивался.

Вообще, Махно учителей не трогал. Убили махновцы только одного преподавателя, старика-немца, имевшего сына офицера. Как я раньше говорила, трупы убитых всегда валялись на улицах еще долгое время после убийства. Надо было идти просить разрешения у Махно хоронить тело. Так и труп убитого учителя лежал целый день на главной улице, а отряд верховых махновцев изошрлся в оскорблениях убитому. Один бандит все хотел, чтобы лошадь раздавила копытом череп покойника, но лошадь танцевала, перескакивала через труп и, как махновцы ее ни понукали, все-таки не сделала этой гадости. Тогда взбешенный махновец избил ее нагайкой в кровь и ускакал.

Махновцы интеллигенции не любили. Страшно было при них показываться на улице, особенно мужчинам. Одного моего знакомого хотели убить только за то, что тот надел шляпу. „Ишь, в шляпе... интеллигент, видно, прикончить бы”, — сказали махновцы тому прямо в лицо. Не знаю, как он ноги унес. Миротлюбивое сравнительно отношение к учителям объясняется тем, что 3-я жена Махно, Агафья Андреевна, потом называвшая себя для красоты и поэтичности Галиной Андреевной, была когда-то тоже гуляй-

польской учительницей и считала себя поэтому благотельницей и патронессой школы и интеллигенции. Преподавала она в школе еще до своего сближения с Махно. Обучала Агафья Андреевна украинскому языку. По убеждению она была щирой украинкой и стояла за самостоятельность. Не знаю, когда стал самостоятельным и Махно, но им он тоже был, как и анархистом когда-то. Батька очень часто менял свою окраску и был настоящим хамелеоном. На самом же деле ему хотелось отделения Украины исключительно для того, чтобы сделаться ее главой. Григорьева Махно убил как опасного конкурента. Батька любил власть и относящиеся к ней страх, знаки внимания и почет. Я видела Махно с женой, въезжавших в село на чудной тройке серых мышиной масти коней, в прекрасной, обитой голубым сукном, коляске. Народ стоял и кланялся, снимая шапки, а батька с супругой милостиво отвечал подданным, кивая головой. Настоящий гуляйпольский монарх.

В 1920 году власти в Гуляй-Поле сменялись не реже раза в месяц, бои же и перестрелки бывали чуть не ежедневно. По крайней мере, с января по август не было недели без боя и стрельбы. Нередко мы бежали со службы под пулеметом или даже шрапнелью. В худших случаях летали шестидюймовки и снаряды более мелкого калибра. Но вот стрельба из пушек становится тише, больше слышна пулеметная и ружейная, топот коней, прежде редкий, теперь раздается чаще и яснее. Какой-то новый победитель вступает в Гуляй-Поле.

Помню, захватили село белые, и показалось им, что какой-то мужчина спрятался у нас в подвале. Бой еще длился, солдаты ходили вооруженные, с дымящимися винтовками наперевес, возбужденные и разгоряченные боем. „Выходи все из подвала и становись к стенке. Если найдем спрятавшегося, то всех расстреляем”.

Все мы выползли на двор, стрельба продолжалась, пули летали, а нас всех пугала мысль: „Ну, как действительно кто-нибудь спрятался, что тогда?” Но обошлось все благополучно.

Приходили белые и красные, все смотрели на гуляйпольцев сплошь, как на ярых махновцев, арестовывали, допрашивали и т. д.

Постепенно мы попривыкли к угрозам и оставались в селе, прячась во время боя в погребах и подвалах. В свободное время от сражений мы гуляли и высматривали места понадежнее и покрепче, развлекались разговорами, куда в следующий раз бежать лучше и где спокойнее. В погреба тащили и все поценнее, так как воры грабили оставленные пустыми квартиры. Это были не махновцы, а просто воры, так как махновцы брали на глазах у хозяев. Все знали, что будут обворованы, но жизнь дороже и приходилось мириться с грабежами. Одна учительница в моменты опасности надевала на себя все, что имела: и зимнее пальто, и летнее,

и платья. Она даже как-то умудрилась носить 2 пары галош, представляя в общем очень объемистую фигуру. Иногда она, торопясь, застревала где-нибудь, пролезая, не рассчитав, через слишком узкое отверстие в плетне; тогда приходилось ее сзади подталкивать.

Население боялось всех, а больше всего Махно. Все приходило к нам временно и вскоре уходило, а Махно всегда возвращался злой и мстительный. В мести махновцы были страшны. У нас во дворе расстреляли молодую крестьянскую девушку, посмеявшуюся говорить с красными, когда те стояли в селе. О доносе и говорить нечего. Одно подозрение, даже ни на чем серьезном не основанное, грозило пытками и смертью. Махно говорил: „Один донесет — квартал вырежу”. И это были не только слова; он мог это сделать, вырезывал же он немецкие и еврейские колонии.

Мне пришлось быть свидетельницей пытки такого подозреваемого в доносе на махновцев. Вижу я, однажды вваливается во двор колоссального роста человек и перед собой, будто шутя, подталкивая, ведет молодого крестьянина. Тот, будучи среднего роста, казался перед великаном прямо ребенком. Подвел этот детина крестьянина к стене и хватил того головой об нее, а затем велел ему биться головой об стену, да посылней. Здесь было еще несколько махновцев, они стали петь, а пытаемого заставили танцевать. У того голова разбита, кровь течет по лицу, слезы льются из глаз, а палачи его по щекам бьют и приказывают повеселее плясать. Видно, у несчастного голова закружилась, упал он на землю; тогда его стали саблями под ребра колоть, а он ни слова и даже не стонал. К слову сказать, пытаемый был просто каким-то хуторянином, неосновательно заподозренным в доносе красным на махновцев.

Шпионаж у Махно был развит замечательно, причем он сам участвовал в „работе”. Я уже писала, как Махно гулял в Пологах и Гуляй-Поле среди австрийцев. Я сама видела, как он, переодетый бабой, ходил по селу, луща семечки, во время пребывания у нас белых. Мне указал его знакомый, Махно был то торговцем на базаре, то нищим и даже раз венчался в церкви, удачно избавляя собой невинную невесту. Батка знал все, что делается в Гуляй-Поле, а про его разведку и говорить нечего. Махно приказывал своим шпионам что-либо узнать, причем „для ободрения” обещал: „Не узнаешь — убью”. Коротко и ясно. И убивал, не стесняясь. Этот способ действовал прекрасно, и разведка у Махно была изумительная.

Махно уходил из села только тогда, когда с другой стороны вступали уже отряды противника. У него пехоты не было, все войско его передвигалось или верхом на конях, или на тачанках, четырехколесных повозках, запряженных парой лошадей и снабженных в большинстве пулеметами. Пехоте с махновцами не возможно было воевать. Как-то летом прислали к нам для борьбы с баткой ленинградских, тогда еще петроградских, красных кур-

сантов; молодежь — и вся славная. Мы им рассказывали, каков Махно по силе и хитрости, и что пеший конному не противник. Они только смеялись по неопытности. Но вот послали их на поиски батки. Было их человек 160. Махно нарочно подошел к ним поближе, затем заставил их погоняться за собой верст 40 и тогда только принял бой. Вернулось курсантов обратно в село человек 30, не больше, но зато они на практике узнали, что одной пехоте на Махно идти нельзя. В результате исключительно пехотных советских отрядов я в селе потом не видела: если пехота и приходила, то вместе с конницей.

Двигался Махно быстро, и никто не знал, где он и куда направляется. В случае опасности уходили махновцы в Дибровский лес, лежащий верстах в сорока от Гуляй-Поля. Это обширный лес, где у них были подземные ходы и много запрятано припасов и вещей.

Мне пришлось несколько раз встречаться с Агафьей Андреевной. Как-то она приехала в село и предложила устроить в пользу бедных учеников школы вечер, ввиду того, что у махновцев денег много (они вернулись из „похода”). „Все равно они добычу пропьют и в карты проиграют, а школу хоть закрывай, денег нет и учителя голодают”. Отказать „патронессе” было нельзя: обида, а потом и месть батки. Пришлось педагогам организовать вечер. Присутствовавшие на этом редком спектакле натерпелись страху на этот раз. Ждали набега красных, и все были настороже. Махновцы расставили вокруг „театра” пулеметы. Вот-вот, казалось, сейчас начнется стрельба и придется бежать куда-нибудь прятаться.

Учительниц и кое-кого из служащих заставили торговать в буфете. Помещение кинематографа, где всегда устраивались вечера, когда не ставили картин, было полно народу, в том числе махновцев. Давали какую-то украинскую пьесу, а затем дивертисмент из украинских же песен. Хор был очень хорош. Спектакля долго не начинали, хотя время, назначенное для начала, давно прошло. Не смели: ждали Махно. Наконец, оркестр грянул туш: это прибыл батко с женой и всеми атаманами. Как только они заняли места в ложах наверху, спектакль начался.

Буфет торговал на славу; махновцы щедро расплачивались за все. Вдруг к моему столику подходит какой-то матрос и начинает знаками показывать, что ему надо. Надо сказать, что у Махно был преданный ему немой, который по знаку своего господина убивал каждого, тому не понравившегося. Когда раз у немого не оказалось с собой никакого оружия и нечем было убить осужденного, то он просто перегрыз последнему горло. Ходил этот немой всегда в матросской форме. Я сразу решила, что стоящий у моего столика немой и есть то самое махновское чудовище. У меня душа в пятки, а когда матрос вздумал мне еще записки писать, то я и совсем потеряла голову. Что делать? С ним идти нельзя, а убежать тоже страшно, да и куда, все равно поймают. Тут кто-то меня

научил сказать, что я занята. Написала я немому соответствующую записку, он и отстал, да еще и заговорил вдобавок. Это он хотел пошутить и напугать меня. Настоящего же немого незадолго до этого вечера отравили где-то, не то нарочно, не то случайно.

Успокоилась я немного от „приятного знакомства” и продолжаю торговать. Смотрю, идет ко мне Агафья Андреевна знакомиться, как с приезжей, и приглашает к себе в ложу.

Очень красивая брюнетка, высокая, стройная, с прекрасными темными глазами и свежим, хотя и смуглым цветом лица, подруга Махно внешне не походила на „разбойницу”. По близорукости она носила пенсне, которое ей даже шло.

Несмотря на первое сравнительно благоприятное впечатление, идущее со страхом, и не напрасным: сажают меня между Махно и его женой, а сзади и в соседних ложах весь их штаб и все главари. Агафья Андреевна очень любезна, махновцы тоже, а меня страх разбирает: ведь я знаю, что ждут боя, да и кругом публика, не внушающая доверия. Меня же еще успокаивают: бомбы, мол, обязательно сегодня будут кидать, ведь мы, главари, все здесь, и красные это знают. Я не выдержала и спросила: „Когда же вы ждете набега”. Агафья Андреевна сжалась и обещала мне сказать, когда мне нужно будет уходить.

Махно был одет во все темное, походное. Агафья Андреевна была в синем мужском костюме, поддевке и шароварах, на голове ее красовалась высокая черная каракулевая шапка. Махно сидел трезвый и как-будто чем-то недовольный, хотя пьеса всем им очень понравилась. В антрактах пили махновцы пиво, самогон, ими самими притащенный, и еще какие-то напитки. Все посматривали на Махно со страхом: чем-то выразится его недовольство. Но здесь кто-то запел любимую Махно песню: „Наш Махно и царь и бог с Гуляй-Поля до Полог”. Оркестр подхватил, Махно стал улыбаться, развеселился и даже спустился вниз танцевать. Агафья Андреевна же осталась со своими и не отпускала меня. Все они говорили по-украински, пьеса была украинская, танцевали на сцене гопак и пели песни тоже украинские.

Часов в одиннадцать говорит мне жена Махно: „Ну, теперь вам уходить пора”. Я пришла домой, и едва успела добратся, как началась перестрелка. Разведка донесла правильно, и махновцы, предупрежденные и принявшие меры, ушли целы и невредимы. Пулеметы не дали возможности красным подойти близко к кинематографу.

Жена Махно производила впечатление не злой женщины. Как-то она зашла в тот дом, где я снимала комнату, в гости. В котиковом пальто, в светлых ботах, красивая, улыбающаяся она казалась элегантною дамой, а не женой разбойника, которая сама ходила в атаку, стреляла из пулемета и сражалась. Рассказывали про нее, что нескольких махновцев она сама убила, поймав их во время грабежа и насилия над женщинами. Ее махновцы тоже по-

баивались. Звали ее „мать”, так же как Махно „батько”. В кутежах и пьянстве Махно она не участвовала, в карты же играть любила, причем играла крупно, благо было много денег, заработанных не трудом, а грабежами.

Сидя в тот вечер у нас, Агафья Андреевна рассказывала о себе и о своих родных. Родители ее, старозаветные крестьяне, сначала огорчились сближением дочери с Махно, но потом несколько отошли, узнав, что они венчаны. Так им сказал Махно, но не знаю, было ли это на самом деле, так как Махно в церковь не ходил. Все же зятя своего тестя и тещу недолюбливали. Как-то в отсутствие Агафьи Андреевны белые напали на деревню, где жили ее отец с матерью (верстах в 100 от Гуляй-Поля), и убили обоих стариков. Этого жена Махно простить белым не могла и говорила о потере родителей с большим волнением и горем. После того из всей близкой родни у нее остался брат с женой. Этот брат, несколько не интересовавшийся ни политикой ни махновщиной, принужден был скитаться с семьей вслед за махновцами. Вообще, махновцы, уезжая, всегда брали с собой чад и домочадцев: им тоже грозила смерть. Мать Махно или тоже ездила с сыном или ее, по старости, прятали где-нибудь в надежном месте. Махновцы возили с собой между другими мальчика лет 9-ти, сына одного убитого приятеля и друга Махно. У мальчика была низенькая лошадка и он часто сопровождал отряд тоже верхом. В бою на семьи внимания не обращалось: общее дело было важнее личного, и семья должна была сама выпутываться из беды.

Агафья Андреевна рассказывала, что первые попытки Махно ухаживать за ней встретили с ее стороны отпор. Она Нестора Ивановича очень боялась и пряталась от него. Потом она постепенно привыкла к Махно, к тому же жизнь учительницы в селе не весела и не сладка, а сближение с Махно давало ей власть и существование, полное приключений, ничуть не похожее на серенькое прозябание в деревне. Агафья Андреевна была неглупа, и ее рассказы были интересны и содержательны.

* * *

В. БИЛАШ. ПО ТЫЛАМ ВРАНГЕЛЯ

С 27 сентября 1920 г. махновцы прекратили враждебные действия против Советской власти. Они становятся союзниками Красной Армии в борьбе против Врангеля и буржуазии.

29-го сентября как союзники, а не враги мы входили в Старобельск, партийные, советские и профсоюзные организации которого встречали нас криками „Ура”. Вечером было расширенное заседание Совета Революционных повстанцев Украины (махновцев) и командного состава. Многие анархисты и командиры нападали на меня за союз с Советской властью. Но после моего выступления охладели. Наш проект договора был собранием у-

вержден, выделенная из состава Совета дипломатическая комиссия в составе Буданова, Хохотвы и Клейна собранием была утверждена. Комиссия немедленно выехала в Харьков для подписания договора. Мы остались в Старобельске и приводили себя в „христианский“ вид, подлечивали раны, исправляли пулеметы и тачанки.

Вскоре из Харькова к нам прибыла советская правительственная миссия в составе: Иванова, Александрова и Васильева.

5 октября мы вышли из Старобельска на Изюм. 8-го октября мы прибыли в г. Изюм, где пробыли до 13-го октября. Из Харькова в наш адрес поступило 300 седел, 20 тыс. патронов и 300 снарядов. По распоряжению Совета наша дипломатическая комиссия была усилена новыми членами Куриленко и Поповым, которые уехали в Харьков с некоторыми опасно ранеными командирами. Приехавший из Харькова профессор-хирург здесь оперировал Махно ногу. Кроме того, из Харькова прибыла группа набатовцев и Гавриленко, сидевший с марта 1920 г. в допре. Я назначил его своим помощником. Набатовцы принялись за печать.

Из Изюма мы вышли на фронт, отведенный нашей армии командованием Южфронта. 16-го октября наша армия заняла участок фронта между 13-й и 4-й красными армиями. К этому времени она состояла из трех оперативных групп и одной резервной. Первая (командир Марченко, начштаба Тарановский) состояла из 1-го, 2-го и 3-го пехотных, 1-го и 3-го кавалерийских полков общей численностью 3000 штыков и 1000 сабель при 100 пулеметах. Вторая (командир Петренко, начштаба Щусь) — из 4-го, 5-го и 6-го пехотных и 2-го и 5-го кавалерийских полков общей численностью 3000 штыков и 1000 сабель при 100 пулеметах. Третья группа под командованием Забудько (начштаба Огарков) состояла из 7-го, 8-го и особого пехотных, 4-го и 6-го кавалерийских полков такой же численностью, как и две первые группы. Кроме того, в четвертой группе Каленика насчитывалось до 2000 штыков, а при пулеметном полку Кожина, состоящем из 600 пулеметов, поставленных на тачанки, находилось до 500 сабель. Вот те силы, с которыми мы подошли к фронту и заняли участок ст. Ульяновки, что между станциями Чаплино—Синельниково.

17-го-вечером было общее заседание нашего Совета, штарма и комсостава. Обсуждался вопрос рейда в тыл Врангеля*. Докладчиком выступил Долженко. Нашей армии командующим была поставлена примерно такая задача: на рассвете 18-го октября выйти в тыл Врангеля, нанести удар группе вражеских войск в северной

*Цель рейда состояла не только в разгроме сил Врангеля. Красное командование и штаб Махно рассчитывали во время рейда оторвать врангелевской армии часть повстанческих отрядов бывших махновских командиров Володина, Чалого, Яценко, Савченко, Сомко, Ищенко, Голика, которых Врангель склонил к службе у белых, отчасти обманными утверждениями о заключении союза с Махно — В. В.

Таврии, прорваться к перекопским укреплениям и захватить их. Задача немного была надуманна и не в силу выполнима. Об этом мы сообщили тов. Фрунзе, считая более целесообразным разбить главные силы противника на северной Таврии, на что получили согласие командюжа.

В четыре часа утра 18-го октября наша группа общей численностью 6000 штыков и 2500 сабель при 10 орудиях и двух батальонах пулеметного полка (300 пулеметов на тачанках) вышла из с. Васильевки на Ново-Николаевку. Здесь была присоединена к нам бригада Чалого, сформированная Врангелем. Во главе войск был я, Каретников (помкомандарма)* и мой помощник — Гавриленко. Перед нами стояла ближайшая задача: по частям уничтожить синельниковскую группу врага: Дроздовская, Марковская, 7-я пехотная дивизии и Донской конкорпус Морозова.

К вечеру мы набросились на Михайлово-Лукашево и разбили 3-й и 4-й пехотные полки Дроздовской дивизии, захватили 8 орудий, 50 пулеметов, обоз и до 3000 пленных, бывших красноармейцев. На рассвете 19-го октября на ст. Софиевка мы напали на 2-й полк дроздовцев, ночью прибывший из Синельниково. В 10 часов утра мы атаковали город Александровск. Завязался упорный бой с полком Марковской дивизии и кавдивизией корпуса Барбовича. В результате конной атаки сопротивление белых было сломлено. Теряя бойцов, кавдивизия побежала на Ново-Григорьевку, преследуемая нами. В плен было взято две роты марковцев, 500 кавалеристов, захвачено также 2 орудия и 15 пулеметов. Из Натальевки вечером мы вышли на Камышеватку, где, оборудовав местную власть и испортив полотно железной дороги, заночевали. Здесь нам попался Яценко, автор воззвания и бывший наш командир.** Он был расстрелян, а его отряд влит в группу Чалого.

В 10 часов утра 20 октября мы заняли г. Орехово, где изрубили несколько генералов и комендантское управление. Отсюда была выделена „особая группа“ в составе отряда Чалого (2500 штыков) и кавполка Москалевского (700 сабель) при 2-х орудиях, которая была направлена на Б. Токмак. Вечером мы двигались на М. Токмачку и Н. Карловку, не встречая никакого сопротивления. При соединив к себе формируемую Врангелем бригаду Ищенко, мы вышли на Гуляй-Поле. По дороге нам попался автомобиль с генералом и двумя полковниками. Машину забрали, пленных зарубили.

*После тяжелого ранения Махно в конце августа Каретников выполнял обязанности командующего повстанческой армии (махновцев). — В. В.

**Яценко один из бывших махновских командиров, перешедший на службу к Врангелю. В выпущенном им воззвании говорилось: „Деникине нет — есть русская армия, которой подадим руки и сомкнем стройные ряды. Станем любить друг друга и освободим свою истерзанную Русь — святую от комиссарского царства и создадим власть по воле народа.“ — В. В.

Они не верили, что мы махновцы. На захваченной машине я с Василевским выехал на Ново-Николаевку, где стоял основной штаб и находился Совет, а части во главе с Каретниковым и Гавриленко пошли на Гуляй-Поле.

Гавриленко, надеясь, что победа будет на нашей стороне, у самого Гуляй-Поля выделил отряд Ищенко (1000 штыков), направив его на ст. Пологи, и тем ослабил свои силы. На рассвете 21-го октября наши атаковали Донской конный корпус Морозова, в распоряжении которого была эскадрилья из 8 аэропланов и 2 танка. С утра до вечера шла отчаянная рубка, в результате которой махновцы были хорошо истрепаны. 4-й пехотный полк Савонова и 2-й пехотный полк Клерфмана были наголову разбиты. Более 1000 махновцев оказались убитыми, а 700 очутились в плену, по дороге на Пологи все они были изрублены донцами.

Проиграв бой, группа отступила на 8 верст севернее Гуляй-Поля. Ночью 22 октября она снова атаковала противника, выбила его из Гуляй-Поля, на этот раз навсегда.

21-го вечером отряд Ищенко занял ст. Пологи, захватив вражескую артбазу. 22-го октября „особая группа“, присоединив к себе отряд Савченко, который был расстрелян, атаковала Б. Токмак, сожгла эшелон со снарядами, 5 аэропланов и 3 бронепоезда, но к вечеру под давлением недобитой кавдивизии Барбовича отошла на Орехово.

Таким образом, наша группа за пять дней прошла с боями в тылу Врангеля 250 верст, разгромив белые войска на участке от Александровска до Полог.

На рассвете 24-го октября штаб армии, ее Совет и резервы были в Гуляй-Поле из Ново-Николаевки и соединились с боевой группой. К вечеру она была пополнена двумя конными полками, двумя батальонами пулеметного полка. Общая численность группы составила 5000 штыков и 5000 сабель при 16 орудиях, 800 пулеметах (пулеметный полк Кожина). Под командованием Каретникова и Гавриленко (начальник полевого штаба армии) она вышла в новый рейс. Вечером махновцы вновь заняли Орехово. В это время 4-я красная армия перешла Кичкасский мост и заняла Александровск...

26-го октября наша „Крымская группа“, так она была названа в Гуляй-Поле, вышла из Пришиба на Б. Токмак. Здесь она налетела на Донской корпус. В бою донцы потеряли до 1500 казаков убитыми. Махновцы прорвались на юго-восток к колонии Елизавет-бое сопротивление трех бронепоездов и недобитой в Александровске Марковской дивизии, заняла Мелитополь. Здесь были богатые военные трофеи: 100 вагонов огнеприпасов, три бронепоезда, четыре аэроплана, два танка, 18 исправных орудий, два миллиона пудов зерна и много обоза...

Имея бои с отступающими частями 1-й армии белых, а частично с донцами, группа разворачивает новые формирования, создает второй пулеметный полк, превращает пехотные части в кавалерийские.

Н. МАХНО. ПИСЬМО К ДРУГУ

Как только ты уехал, дорогой друг, через два дня я занял город Корочу (Курск. губ.), выпустил несколько тысяч экземпляров „Положений о Вольных Советах“ и сейчас же взял направление через Вапнянку и Донщину на Екатеринославщину и Таврию. Ежедневно принимал ожесточенные бои — с одной стороны с пехотными частями коммунистов-большевиков, которые шли по нашим следам, а с другой стороны — со второй конной армией, специально брошенной против меня большевистским командованием. Конечно, ты нашу конницу знаешь, — против нее большевистская, без пехоты и автоброневиков никогда не уставала. И я, правда, с большими потерями, но удачно расчищал перед собою путь, не меняя своего маршрута. Наша армия каждым днем доказывала, что она есть подлинно народная революционная армия, — по со- здавшимся внешним условиям она логически должна была бы таять, а она росла и людьми, и богатым военным снаряжением.

На пути этого направления в одном из серьезных боев наш особый полк (кавалерийский) потерял убитыми более 30-ти человек, наполовину из них командиры. В числе последних наш милый славный друг, юноша по возрасту, старик и герой в боях, командир этого полка Гаврюша Троян. Пуля сразила его наповал. С ним же рядом Аполлон и много других славных и верных товарищей умерло.

Не доходя до Гуляй-Поля мы встретились с большевиками нашими силами под командой Бровы и Пархоменко. Затем на нашу сторону перешла 1-я бригада 4-ой дивизии конной армии Буденного во главе с самим бригадным Маслаком. Борьба с властью и произволом большевиков разразилась еще ожесточеннее.

В первых числах марта Брова и Маслак были выделены мною из армии, которая находилась при мне, в самостоятельную Донскую группу и отправлены на Дон и Кубань. Выделена была группа Пархоменко и отправлена в район Воронежа (сейчас Пархоменко убит, во главе оставался анархист из чугуева). Выделена была группа сабель в 600 и полк пехоты Иванюка под Харьков.

В это же время наш лучший товарищ и революционер Вдовиченко в одном бою был ранен, вследствие чего его с некоторой частью пришлось отправить в район Новоспасовки для излечения. Там он был выслежен одним большевистским карательным отрядом и при отстреле он и Матросенко застрелились. При этом, Мат-

росенко совсем, а у Вдовиченко пуля осталась в голове ниже мозга. И когда коммунисты взяли его и узнали, что он есть Вдовиченко, дали ему скорую помощь и таким образом на время спасли от смерти. Вскорости после этого я имел от него сведения. Он лежал в Александровске в больнице и просил забрать его как-либо оттуда. Его страшно мучили, предлагая отречься от махновщины через подпись какой-то бумаги-отречения. Он с презрением все это отверг, несмотря на то, что в это время он еле-еле мог говорить, и поэтому был накануне расстрела, но расстреляли его или нет, — мне не удается выяснить.

Сам я за это время сделал рейс через Днепр под Николаев, а затем оттуда обратно через Днепр по-над Перекопом направился в свой район, где должен был встретиться кое с какими своими частями. У Мелитополя коммунистическое командование устроило мне ловушку. Назад на правый берег Днепра ходу уже не было. Пошел лед по Днепру. Поэтому мне самому пришлось сесть на лошадь и руководить маневром боя. От одной части я уклонился от боя, другую своими разведывательными частями заставил сутки стоять развернутым фронтом в ожидании боя и этим временем сделал переход в 60 верст, разбил на рассвете 8-го марта стрелку между большевиков, стоявшую у Молочного озера, и через простор в районе Молочным озером и Азовским морем вышел на Куриленко в район Бердянск-Мариуполь руководить в этом районе делом повстания. Сам отправился через Гуляй-Поле в район Черниговщины, откуда от нескольких уездов у меня была от крестьян делегация, чтобы заглянул в их район.

В пути моя группа, т. е. группа Петренко в 1500 сабель и из двух пехотных полков, находившихся при мне, была остановлена и схвачена со всех сторон сильными большевистскими частями. Здесь опять-таки пришлось мне самому руководить контратакой. Контратака была удачна. Мы разбили врага вдребезги, массу взяли в плен людей, оружия и коней. Но спустя два дня нас снова атаковали свежие и сильные части противника. Каждодневные бои настолько втянули людей в бесстрашие за жизнь, что отвага и героизму не было пределов. Люди с возгласом: „жить свободно или умереть в борьбе“ бросались на любую часть и повергали ее в бегство. В одной сверхбезумной по отваге контратаке я был в упор пронизан большевистской пулей в бедро через слепую кишку на вылет и свалился с седла. Это послужило причиной нашего отступления, так как чья-то неопытность крикнула по фронту — „Батько убит!..“

12 верст меня везли, не перевязывая, на пулеметной тачанке и я совершенно было сошел кровью. Не становясь на ногу, совершил Левый Зиньковский. Это было 14-го марта. В ночь против 15-го марта возле меня сидели все командиры группы, члены штаба

армии во главе с Билашом и просили подписать приказ разослать по сто, по 200 бойцов к Куриленко, к Кожину и другим, которые самостоятельно руководили восстаниями в определенных районах. Приказ этот имел целью отправить меня с особым полком в тихий район до времени, пока я вылечусь и сяду в седло. Приказ я подписал и разрешил Забудько выделить легковую боевую группу и в указанном районе действовать самостоятельно, не теряя со мною связи. А на рассвете 16-го марта части уже были разосланы, кроме особого полка, оставшегося при мне. И в это время на меня наскочила 9-я кавалерийская дивизия и в течение 13-ти часов преследовала нас 180 верст. В с. Слобода возле Азовского моря мы заметили лошадей и 5 часов покормили людей и лошадей...

17-го марта на рассвете мы направились в сторону Новоспасски и, пройдя верст 17, натолкнулись на другие свежие кавалерийские части большевиков, которые шли по следам Куриленко и, утерев след последнего, напали на нас. Прогнав нас, нуждающихся в отдыхе и неспособных на сей день к бою, верст 25, совсем начали наседать. Что делать? В седло я сесть не могу, я никак на тачанке не сижу, я лежу и вижу, как сзади в 40–50 саженях идет взаимная неопишемая рубка. Люди наши умирают только из-за меня, только из-за того, что не хотят оставить меня. Но в конце концов гибель очевидна и для них и для меня. Противник численно в 5–6 раз больше и бойцы его все свежие и свежие подкакивают. Смотрю, — ко мне на тачанку цепляются люисисты, что были и при тебе возле меня. Их было пять человек под командой Миши из села Черниговки Бердянского уезда. Поцепившись, они прощаются со мной и тут же говорят: „Батько, вы нужны делу нашей крестьянской организации. Это дело дорого нам. Мы сейчас умрем, но смертью своей спасем вас и всех, кто верен вам и вас бережет; не забудьте передать нашим родителям об этом“. Кто-то из них меня поцеловал, и больше я никого из них возле себя не видел. Меня в это время Лева Зиньковский на руках переносил из тачанки на крестьянские дроги, которые повстанцы достали (крестьянин куда-то ехал). Я слышал только пулеметный треск и взрывы бомб, то люисисты преграждали путь большевикам. За это время мы уехали версты 3–4 и перебрались через речонку. А люисисты там умерли.

После мы заезжали на это место и крестьяне села Стародубовки Мариупольского уезда показали нам в поле могилку, в которой они, крестьяне, похоронили наших люисистов. И по сию пору, вспоминая этих простых честных крестьян борцов, я не могу удержаться от слез. Я все же должен сказать тебе, дорогой мой друг, что это меня как бы вылечило. В тот же день к вечеру я сел в седло и вышел из этого района.

В апреле месяце я связался со всеми своими частями, и теми, которые были недалеко от меня, велел сгруппироваться на Полтавщине. К маю месяцу я сгруппировал на Полтавщине Фому

Кожина и Куриленко. Это составило более 2000 сабель одной конницы и несколько полков пехоты. Решено было пойти на Харьков и разогнать земных владык из партии коммунистов-большевиков. Но последние не спали. Они выюпали против меня больше 60-ти автоброневиков, несколько дивизий конницы, целую армию пехоты. Бой с этими частями длился несколько недель.

Спустя месяц после этих боев там же, на Полтавщине, в одном бою погиб Щусь. Последнее время он был начальником штаба в группе Забудько и очень хорошо и честно работал.

А еще спустя месяц погиб Куриленко. При переходе нашей армии через линию железной дороги он своей группой прикрывал армию, почему, размещая части, он оставался с дежурным взводом, сам лично наблюдал за разъездами. В одном хуторе его охватила кавалерия Буденного, и он там погиб.

18-го мая 1921 г. конная армия Буденного передвигалась из района Екатеринослава на Дон для подавления крестьянского восстания, руководимого нашими товарищами Бровой и Маслаком — командиром 1-й бригады дивизии армии Буденного, перешедшего со всей бригадой на нашу сторону.

Наша сводная группа под руководством Петренко-Платонова, при которой находился я и главный штаб, стояла в 20—15 верстах от маршрута, по которому двигалась армия Буденного. Это соблазнило Буденного, ибо он хорошо знал, что я нахожусь всегда при сводной группе. Поэтому он приказал начавтчасти № 21, двигавшейся в это время туда же на Дон для подавления восстания трудового крестьянства, сгрузить 16 автоброневиков и оцепить предместье с. Ново-Григорьевки (Стременное). Сам Буденный с частями 19-ой кавалерийской дивизии (бывшей дивизии „внус“) через поля и дороги пришел в с. Ново-Григорьевку ранее, чем это предполагал начальник автобронечастей, объезжавший речонки и овраги и расстановивавший у дорог сторожевые автоброневики. Бдительный глаз наших наблюдателей это вовремя заметил, что дало нам возможность приготовиться, и как раз в то время, когда Буденный подходил к нашему расположению, мы бросились ему навстречу.

В одно мгновение гордо несшийся впереди Буденный бросил своих соратников и, гнусный трус, обратился в бегство.

Кошмарная картина боя развернулась тогда перед нами. Красные части, пришедшие на нас, состояли из бывших войск внутренней охраны, с нами на крымском фронте не были, нас не знали и, следовательно, были обмануты, что они идут против „бандитов“, что воодушевляло их гордость — от бандитов не отступать.

Наши же друзья повстанцы чувствовали себя правыми и считали долгом во что бы то ни стало разбить их и разоружить.

* Дивизия „внус“ — дивизия частей внутренней службы. — В. В.

Бой был, какие редко до того и после бывали. Он завершился полным поражением Буденного, что послужило разложению в армии и бегству из нее красноармейцев.

После этого мною был выделен отряд из сибиряков под командой т-ща Глазунова, который был всем хорошо снабжен и отправлен в Сибирь.

В первых числах августа 21 года по большевистским газетам мы читали об этом отряде, что он появился в Самарской губернии. Больше о нем не слыхали.

Все лето 21-го года мы не выходили из боев.

Засуха и неурожай в Екатеринославской; Таврической, частью Херсонской и Полтавской губ., а также на Дону, заставили нас передвинуться частью на Кубань и под Царицын и Саратов, а частью на Киевщину и Черниговщину. На последней все время вели бои тов. Кожин. При встрече с нами, он передал мне целые кипы протоколов черниговских крестьян, которые гласят: полную поддержку нам в борьбе за вольный советский строй.

Я лично с группами Забудько и Петренко сделал рейс до Волги, обогнул весь Дон, встретился со многими нашими отрядами, связал их между собою и азовской группой (бывшая Вдовиченко).

В начале августа 21 года, ввиду серьезных ранений у меня, решено было временно выехать мне с некоторыми командирами за границу, на излечение.

В это время тяжело были ранены наши лучшие командиры — Кожин, Петренко и Забудько...

13-го августа 1921 г. я с сотней кавалеристов взял направление к берегам Днепра и 16-го августа того же года на рассвете при помощи 17-ти крестьянских рыболовческих лодок между Орликом и Кременчугом переплыл Днепр. В тот же день был шести раз ранен, но не тяжело.

По пути движения и на правом берегу Днепра мы встречали многие наши отряды, которым освещали цель нашего выезда за границу, и от всех слышали одно: „уезжайте, вылечите Батьку и возвращайтесь снова к нам на помощь...“ 19-го августа, в 12-ти верстах от Бобринца мы наткнулись на расположенную по реке Ингулец 7-ую красноармейскую кавалерийскую дивизию. Поворот назад грозил нам гибелью, т. к. один кавалерийский полк заметил нас справа и устремился отрезать нам путь назад. Вследствие чего я попросил Зиньковского посадить меня на лошадь. В мгновение ока, обнажив шашки и с криком — ура! — бросились мы в дело и вскочили в расположение пулеметной команды упомянутой кавдивизии. Захватив 13 пулеметов „Максима“ и три — „Льюиса“, мы двинулись дальше.

В то время, что мы брали пулеметы, вся кавалерийская дивизия выскочила из села Николаевки и ближайших хуторов в поле и, опомнившись, перешла в контратаку. Мы, таким образом, оказались в мешке. Однако не потеряли духа. Сбив с нашего пути

38-ой полк 7-ой кавдивизии, мы затем шли на протяжении 110 верст, отбиваясь от непрерывных атак этой дивизии и в конце концов ушли от нее, правда, потеряв 17 человек лучших наших товарищей.

22 августа со мной снова лишняя возня, — пуля попала мне ниже затылка с правой стороны и навывлет в правую щеку. Я снова лежу в тачанке. Но это же ускоряет наше движение. 26-го августа мы принимаем новый бой с красными, во время которого погибли наши лучшие товарищи и борцы — Петренко-Платонов и Иванюк. Я делаю изменение маршрута и 28 августа 1921 г. перехожу Днестр. Я — за границей...

П. СЕРГЕЕВ. ПОЛТАВСКАЯ ОПЕРАЦИЯ ПРОТИВ МАХНО

Махно, как противник, отличался большим своеобразием: с одной стороны, подобно большинству кулацко-повстанческих атаманов, он прочно базировался на территориально-ограниченный район, вполне подчиненный его идейному влиянию; с другой стороны, вооруженная банда Махно и по собственной воле, и под нашим преследованием совершала громадные переходы по всей территории Украины, весьма похожие на рейды конницы.

В своем районе, юго-восточной части Екатеринославщины, с центром в местечке Гуляй-Поле (прозванном красноармейцами „Махноград“), банда отличалась почти полной неуловимостью: здесь она пользовалась налаженной агентурной разведкой, имела склады оружия, могла изменять свой состав, то пополняясь за счет сочувствующего кулачества, то частично или полностью рассыпаясь среди населения.

В рейдах положение Махно оказывалось более затруднительным, но и тут он умел найти отдельные населенные пункты, даже небольшие районы, обеспечивавшие ему столь необходимую в партизанской войне разнообразную помощь населения.

Появление „батько“ Махно в том или другом районе несло с собой освобождение кулачества от всех налогов и повинностей, так как неизменно сопровождалось самым жестоким и поголовным истреблением всего низового советского аппарата. Под анархическим лозунгом безвластия Махно насаждал фактическую диктатуру кулачества.

При такой структуре и тактике махновщины, ее нельзя было разбить одним оружием. Нужно было сломить рядом политических мер украинское кулачество, служившее для Махно прочной материальной и идейной базой; однако, никакая политика не могла прочно удержаться в украинском селе, пока не был разбит вооруженный актив махновщины, ее своеобразный ударно-маневренный кулак, возглавляемый самим Махно.

В 1919–20 гг. и до половины 1921 года нам не удалось разбить вооруженную силу махновщины. Искусный, как партизан, Махно, уклоняясь от боя с крупными силами, совершая суточные переходы в 100 и более верст (благодаря замене коней у населения), распыляясь и применяя целый ряд партизанских уловок, умел ускользать из-под удара целых дивизий, проходил сквозь барьеры бронепоездов на железных дорогах; тотчас по выходе из боя с нашими частями, оказывался у них в тылу и громил штабы и обозы. Иногда нам удавалось наносить банде отдельные тяжкие поражения, изгонять ее из определенных районов, временно забивать ее в подполье, но активный кадр Махно, оставаясь неведимым, вновь возрождался в виде сильной конницы (до 2–3 тыс. сабель), с большим количеством пулеметов на тачанках, иногда с артиллерией.

Весною 1921 года банда Махно вынуждена была прибегнуть к обычному приему временной „демобилизации“, путем распыления. Время от времени в различных районах появлялись отдельные ее осколки — группы махновцев — и как бы с целью разведки пытались продолжать свою прежнюю работу. К концу июня сам Махно, объединив около 600 сабель при 20–25 пулеметах, вновь появился в юго-западной части Харьковской губернии и направился в свой очередной рейд на Полтавщину.

Обстановка 1921 года (окончание войны с белополяками, насыщенность территории Украины войсками, укрепление всего советского аппарата) не позволяла все же с уверенностью сказать, что почва для деятельности Махно совершенно утеряна: как раз в Полтавской губернии, куда стремился Махно, производились продовольственные заготовки, и невольно возникало предположение о намерении Махно сорвать их и тем создать для себя новую жизненную базу в лице новых сторонников.

Вполне понятно, что в таких условиях вопрос скорейшей ликвидации банды получил актуальное значение.

26 июня руководитель операции с полевым штабом прибывает по железной дороге в г. Полтаву, в штаб 7 стр. дивизии, и узнает, что Махно переправился через реку Ворсклу в 5 вер. от гор. Ахтырка.

Наличие войск, кои могли участвовать в операции, было следующее: расположенные на территории Полтавской губ. части 7 стр. дивизии, примерно по 1–2 батальона на уезд. части эти — в большом некомплекте, не имеют навыка в борьбе с Махно и распылены для выполнения различных заданий (сбор продналога, охрана заводов и складов, ликвидация мелкого местного бандитизма, гарнизонная служба и т. д.). Собрать из этих частей более или менее серьезный кулак в одном районе было невозможно. Лишь перед непосредственной угрозой приближения Махно, они стягивались к своим штабам в уездных городах и принимали на сильно-оборонительное положение. В гор. Константинограде 117

ходился погруженным в три эшелона истребительный отряд Киевского Военного Округа под командой тов. Григорьева, сформированный из частей 1 кав. корпуса в составе 500 сабель, одной стрелковой роты и взвода легких пушек. К 1-2 июля можно было рассчитывать на переброску по железной дороге из Харьковского Военного Округа 2 конного истребительного отряда, примерно равного по численности отряду Григорьева.

26/VI руководитель операции следующим образом оценивает обстановку: Махно обязательно пойдет через район г. Гадяча с целью проникнуть в район Недригайлов-Терны (сахарные заводы). Как случайность, можно допустить движение банды из района Гадяча на запад через Бобрин-Березовая Лука. Нанести решительный удар Махно можно только отрядом конницы Григорьева, а для этого нужно путем благоприятной переброски по жел. дороге поставить отряд Григорьева в удобное положение для встречного удара. Части 487, 488 полков и др. части 7 дивизии могут выполнить лишь вспомогательную роль (преследование, не вполне надежные заслоны). В приказе № 37/оп. (от 26/VI, 15 часов) зафиксировано решение:

„Отряд Григорьева направить по железной дороге в Гадяч, с расчетом выгрузить и подготовить его для удара к рассвету 27/VI. 488 полку преследовать банду. 487 полком прикрыть три точно указанных переправы на реке Псел (ранее служившие переправами для Махно)“.

В этом плане особенно интересно то обстоятельство, что предвидение движения Махно в район Недригайлов-Терны (район, отстоявший на 100 км от пункта, в коем находился Махно к моменту издания приказа) точно подтвердилось: через 2 1/2 суток, 28/VI, Махно оказался у села Недригайлов и был встречен там ударом наших частей.

Одновременно с оперативным приказом № 37/оп. была издана директива № 38/оп. о политическом обеспечении операции. Она была адресована председателям совещаний по борьбе с бандитизмом Гадячского, Зеньковского и Роменского уездов и заключала в себе следующие указания:

1. Пресечь неорганизованную эвакуацию сельских властей перед приближением Махно. Сельская власть должна оставаться на месте до формирования фактического похода банды, охранять телефонную связь и информировать военное командование о движении противника.

2. По мере продвижения банды Махно угонять из сел в окрестностях всех лошадей, дабы лишить банду возможности замены усталых коней за счет населения.

3. Указывалось два вероятных маршрута Махно.

Эта директива, как впоследствии выяснилось, сыграла большую роль в смысле обеспечения войск помощью населения. Советский актив села проявил стойкое и сознательное исполнение долга.

Члены местных советов и комитетов незаможных селян лично разведывали противника, информировали командование не только о движении Махно, но и о действиях наших частей, выполняли поручения по связи. Был случай, когда несколько местных сельских работников остались в селе после занятия его бандой и, спрятав в сарае телефонный аппарат, сохраняли связь с соседними населенными пунктами.

Вечером 26/VI полевой штаб выехал по железной дороге в Гадяч, причем произошла неожиданная и досадная заминка: из-за скверного качества угля поезд полевого штаба прибыл в Гадяч только к 14 1/2 часам 27/VI и был встречен донесением начальника Гадячского уездного участка о том, что банда Махно, после ночлега в селе Влески, только что переправилась через реку Псел у села Каменское, сбив 3-й батальон 487 полка.

Эшелоны Григорьева к этому времени и по той же причине (качество угля) растянулись по железнодорожной ветке Лохвица-Гадяч, почему использовать эту часть в районе Гадяча уже было невозможно.

Создавшееся положение все же не повлияло на выполнение задуманного плана операции. Будучи уверенным в движении Махно на Недригайлов, руководитель операции приказал тов. Григорьеву двинуть эшелоны в г. Ромны. Туда же было приказано перебросить по железной дороге 300 штыков 60 стр. полка со ст. Ромодан.

До вечера 27/VI полевой штаб оставался на ст. Гадяч, проверяя исполнение отданных распоряжений.

Интересно отметить, что, несмотря на полное отсутствие донесений о дальнейшем направлении движения Махно и появлявшиеся время от времени панические слухи о возвращении Махно на юг, руководство операцией протекало в полной уверенности в правильности сделанных расчетов на движение Махно именно к району Недригайлов.

В ночь на 28/VI полевой штаб выезжает по железной дороге в г. Ромны, где пересаживается на два легковых автомобиля, и к 11 часам открывает свою работу в здании местного уездного военкомата.

В 15 1/2 часов возвратился из разведки наш легковой автомобиль и сообщил, что в селе Камлычка он полчаса тому назад столкнулся с бандой Махно и ушел под огнем ее. Несколько минут спустя наблюдатели из Сакуново передали: „у сел Камлычка и Переточки в поле и по балкам много кавалерии“.

К 16 1/2 часам прекратилась телефонная связь с Сакуново и Красная, а в 17 часов, когда по расчету времени Махно должен был подходить к Сакуново, штабом было отдано по телефону приказание т. Григорьеву — двинуться навстречу банде, причем отряд 60 полка на подводах использовать для преграждения противнику пути отступления на восток.

Вскоре в Коровенцы долетели звуки орудийных выстрелов и полевой штаб выехал к месту боя через Недригайлов. На южной окраине этого села была встречена бронемашина. Ей не удалось пройти к месту боя из-за испорченной дождем дороги, но командир бронемшины видел, что отряд Махно был атакован, разбит, и мелкими группами бросился по целине поля, без дорог, в восточном направлении.

Как после выяснилось, бой разыгрался следующим порядком: Махно, не ожидая подготовленной ему встречи, прошел Сакуново и, увидев передовые части конницы Григорьева, атаковал их. Тогда главная масса нашей конницы, пользуясь подступами, ударила во фланг и тыл банде при поддержке артиллерийского огня. Махно потерял 56 человек убитыми, 3 пулемета и часть обоза. Пленный маховец передавал, что в этом бою погиб атаман Забудько. 487 полк, имевший задачу нанести удар Махно с юга, проявил большую вялость и не сумел использовать своего выгодного положения, оторвавшись от противника в самый решительный момент.

Руководитель операции, рассчитывая на то, что банда преследуется конницей Григорьева, решает использовать шоссе Коровенцы-Ольшана, бросить наперерез Махно бронемашину и вместе с ней вести свой полевой штаб.

Перед началом захода солнца наша колонна, состоявшая из бронемшины, двух легковых и одного грузового автомобилей, появилась у хут. Сердюков и с дистанции около 1 1/2 км подверглась пулеметному обстрелу. Оказалось, что банда, никем не преследуемая, расположилась в этом пункте. Видимо не расположенная к активным действиям, она под огнем наших трех пулеметов оставила Сердюков и скрылась в селе Козеленое.

Конница Григорьева лишь к 2 часам 29/VI достигла села Красная и расположилась в нем на ночлег. Создавшаяся к ночи 29/VI обстановка как бы указывала на уход Махно в пределы Харьковской губернии. Но руководство сохраняло сделанное в Полтаве предположение и ожидало возвращения Махно в район Недригайлов-Терны. К этим расчетам присоединилась уверенность в том, что дальнейшим намерением Махно будет попытка вернуться прежним маршрутом на юг (через район г. Гадяча).

В соответствии с этими расчетами и была произведена перегруппировка сил: отряд 488 полка 29/VI перебрасывается из с. Липовая Долина в Смелое на подводах. В городе Ромны формируется из частей гарнизона отряд в 60 штыков при 4 пулеметах, посаженный на грузовые автомобили. Прибывший в Полтаву по жел. дороге конный отряд ХВО под командой т. Федченко (около 400 сабель), перебрасывается в гор. Гадяч; туда же возвращается 487 полк.

В ночь на 30/VI Махно повернул вновь на запад и ночевал в селе Толстое. Группа Григорьева, все время преследовавшая банду,

расположилась: конницей — в Марковке, а 60 полком с артиллерией — в Штеповке, оторвавшись от Махно почти на 20 км.

С утра 30/VI т. Григорьев возобновил преследование и когда Махно, теснимый с запада 60 полком, подошел к селу Деркачевка, то из Смелое был брошен 488 полк на подводах для встречного удара на Хоружевку. Конница Григорьева оторвалась от 60 полка, задумав маловероятный обход противника со стороны Терны.

Около 15-16 часов банда Махно вошла в Хоружевку, имея на хвосте своем отряд 60 полка; тут же, с западной окраины села, банду встретил и 488 полк.

Руководитель операции, находясь в Коровенцах с отрядом на грузовиках, бросает последний в М. Бутки с задачей не допустить прорыва банды на южный берег р. Сула, а сам на автомобиле выезжает в район Хоружевки, где наблюдает бой и встречает несколько опоздавшую конницу. Банда Махно под ударом 60 и 488 полков разбивается на две группы, из коих большая бежит на север к Луценкову, а меньшая на юг в М. Бутки. Конницу Григорьева т. Эйдеман ориентирует в обстановке и направляет, следуя сам с ней, на Луценков — против большей части банды. В результате удачной атаки у Луценков махновцы потеряли 110 зарубленными, 6 пулеметов и весь обоз. Часть банды меньшей численности, бросившаяся в М. Бутки, сумела напугать мало стойкий отряд на грузовых автомобилях и, разогнав его, прорвалась через Коровенцы на Южный берег р. Сула. В этом бою была захвачена и сожжена махновцами одна из легковых машин полевого штаба, посланная для связи из Хоружевки в М. Бутки.

Как уже говорилось выше, руководитель операции ровно за сутки до описанного нами боя, а именно 29/VI, пришел к убеждению, что следующим намерением Махно будет выход из Полтавщины и притом прежним маршрутом.

Полевой штаб поставил себе целью выяснить фактический маршрут движения банды, но справиться с этой задачей было весьма трудно: с одной стороны, конница Григорьева в силу усталости лошадей не могла вести никакой работы, а других конных частей в нашем распоряжении на территории Роменского уезда не было; с другой стороны, отряд Махно расплылся на мельчайшие, в 10-20 человек группы, бродившие по всей территории Роменского уезда в разных направлениях. Только благодаря широкой информации, получаемой от сел, можно было заключить, что отдельные группы бандитов скатываются на юг, в район Гадяча.

К 31/VI общая обстановка рисовалась следующим образом. Остатки банды Махно, численностью не более 200 сабель, с десятком пулеметов, без патронов и обоза, стремятся выйти на свой прежний маршрут и могут объединиться к 2/VII в районе Гадяча. Отряд Григорьева в силу крайней усталости требует отдыха на несколько суток и, следовательно, механически выбивает из текущей операции. По пути уже наметившегося движения Махно

имеются пехотные воинские части местных гарнизонов Гадяча и Зенькова. Кроме того в Опошне и Диканьке стоят 2 эскадрона 7 кавалерийского полка и добровольческий конный отряд незаметных селян в 200–300 сабель. Обе последние части весьма слабой боеспособности (7 кавполк незадолго до описываемой операции был разбит бандой Махно, отряд незаметников недавно сформирован, с плохим конским составом и снаряжением и почти не обучен).

При таком положении руководитель операции вынужден был построить дальнейшие действия, главным образом, на преследовании банды отрядом т. Федченко, комбинируя это преследование с заблаговременным выдвижением встречных заслонов из перечисленных выше частей.

1/VII отдаются все необходимые распоряжения, причем предусматриваются заслоны: из частей Зеньковского гарнизона – в селе Камыши; от частей, стоящих в западной части Харьковской губернии – в селе Пархомовка и от 7 кавполка – местечко Куземин.

Руководитель операций, направив полевой штаб по железной дороге в Полтаву, сам выезжает на автомобиле в расположение отряда Федченко (село Веприк) с целью в дальнейшем находиться при этой части.

Как и предполагалось, отдельные группы махновцев к 12 часам 2/VII стеклись на дорогу Влезки–Камыши, но не успев еще объединиться, бежали отдельными эшелонами, растянувшись на 10–12 верст. Отряд Федченко настиг хвост банды у села Камыши, ожидая, что в этом месте банду задержит заслон из частей Зеньковского гарнизона. Но заслона не оказалось. Это обстоятельство вынуждает руководителя операции в дальнейшем прибегнуть к рискованному приему выезда в личную разведку на автомобиле с целью наблюдения за петлями быстро уходящего противника и соответствующего изменения движения преследующих частей.

В Пархомовке заслон пропустил банду, ограничившись обстрелом ее, в Куземине отряд 7 кавполка при приближении Махно отступил без серьезного сопротивления. Руководитель операции, лично наблюдая движение противника, имел возможность направлять отряд Федченко кратчайшими маршрутами. У села Бордаково наперерез банде с запада выбрасывается отряд незаметных селян, но он в силу малой боеспособности не может задержать Махно.

К вечеру 3/VII банда Махно, потеряв за два дня несколько десятков убитыми и ранеными и несколько пулеметов, оказалась прижатой к линии железной дороги в районе Филенков – ст. Кочубеевка, причем прямо против нее оказались два бронепоезда, а на хвосте преследующая конница Федченко. Махно, поняв серьезность положения, бросает небольшую группу всадников

с обывательскими подводами под удар нашей конницы, а с остальными силами ускользает, пользуясь пересеченной местностью, в северо-западном направлении. Крутой поворот банды на северо-запад и вновь последовавшее ее распыление сбило отряд Федченко на неверное решение – двинуться к северу. Махно же тем временем, ночью 4/VII накопился в полосе железной дороги у ст. Кочубеевка и постепенно, мелкими группами просочился через нее на юг.

Этим закончилась полтавская операция, послужившая началом ликвидации Махно. Отряд его, потеряв значительную часть личного состава, деморализованный, уходил на юго-восток, преследуемый нашими автоброневыми отрядами. Еще месяц скитаний в поисках новых баз и „повстанческая армия“, как в свое время не без оснований именовал свои отряды Махно, в составе 30–40 человек ищет приюта в боярской Румынии...

* * *

Л. НИКУЛИН. ВСТРЕЧА В ПАРИЖЕ

В 1927 г. Махно был в Париже, и автору этих строк довелось увидеть его.

Все на нем выглядело как на заброшенном в Париж белом эмигранте: серый выцветший костюм-тройка из универсального магазина, вишнево-красный галстучек, пальто-дождевик с пропущенным воротником и помятая фетровая шляпа. Он был подстрижен ежиком. Глубокий шрам пересекал его лицо справа ото рта до уха. Он слегка хромал, временами тревожно озирался вокруг. Говорил теноровым певучим голосом.

Как это ни странно, он мечтал о возвращении на родину...

* * *

Г. КУЗЬМЕНКО (МАХНО). ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

В 1917 году судьба свела меня с человеком, которого в своем воображении считала освободителем народа от царского гнета, Нестором Ивановичем Махно. Много мне с ним пришлось пережить всяких невзгод и сенсаций во время гражданской войны... Когда его армия была разбита и остатки ее разбежались, мы бежали в Польшу, там нас судили и выслали за пределы Польши. Мы очутились во Франции. В Париже белая эмиграция и петлюровцы встретили нас враждебно, ибо Махно не был в союзе с украинскими националистами и белогвардейцами. Пришлось нам в Париже очень трудно. С большим трудом Махно устроился простым рабочим в киностудию, а я определилась прачкой в богатый дом... Здесь мы прожили долго. Нестор, туберкулезный и израненный,

все время болел. Изредка и понемногу работал, сапожничал, работал по устройству декораций в киностудии, потом при одной французской газете. Писал Нестор свои воспоминания (мемуары).

* * *

И. МЕТТ. БАТЬКО В ПАРИЖЕ

Перед самой войной я записала воспоминания о Махно, с которыми познакомилась в свое время в Париже. Записки эти во время войны затерялись. Но теперь, когда я прочла, что написано о Махно, я решила снова вернуться к своим воспоминаниям, чтобы восстановить историческую правду.

Вероятно, для того, чтобы представить полный портрет Махно, его надо было бы изобразить во времена „величия“, там, на Украине. Но на самом деле, откуда мы можем знать, когда он был настоящим – в пору своей общеукраинской славы или в Париже – бедным эмигрантом в чужой стране. Я думаю, прежде всего необходима историческая правда, и постараюсь рассказать все, что помню об этом периоде его жизни.

В годы гражданской войны, когда по Украине ходили всевозможные легенды о „батьке Махно“ и „махновщине“, когда телеграфное агентство „РОСТА“ то сообщало о том, что он попал в плен к русским, то еще о чем-то, я, молодая студентка, мечтавшая о героических подвигах, о „сверхсвободе“, представляла себе Махно эдаким богатырем – сильным, смелым, бесстрашным, бескорыстным – борцом за народное дело. Я помню, на Украине говорили, будто Махно был когда-то учителем в начальной школе. И вот в 1925 году я приезжаю в Париж и узнаю, что Махно тоже находится в Париже. Я с нетерпением жду возможности его увидеть. Вскоре представился случай. И вот я – в гостинице, в маленькой комнате, где Махно жил с женой и ребенком. Он оказался совершенно другим: небольшого роста, щедедушный, совсем не из тех, на кого обратишь внимание в толпе. Потом у меня была возможность встречаться с ним часто, и когда я узнала Махно ближе, мне стали понятны и он сам, и его роль в гражданской войне.

Я думаю, самым существенным в нем было то, что он всегда оставался украинским крестьянином. Его никак нельзя было бы назвать беспечным человеком, в глубине души он и был эдаким бережливым крестьянином, превосходно знавшим жизнь деревни и заботы ее обитателей.

Став в ранней молодости революционером, террористом, он всем своим образом жизни необычайно ярко выразил дух времени. Махно вырос в большой, бедной семье сельскохозяйственного рабочего. В детстве вместе с приятелями мастерил бомбы и однажды положил свое „изделие“ в таз, в котором мать обычно

месила тесто. Можно себе представить изумление до смерти перепуганной матери, когда она услышала взрыв и увидела, как таз вылетел из печи. Вскоре после этого трагикомического эпизода юный Махно совершил покушение на местного полицейского и его приговорили к смерти. Ему было всего семнадцать лет и заступничество матери его спасло: смертный приговор заменили пожизненным заключением. Махно оставался в тюрьме до революции 1917 года...

Февральская революция 1917 года открыла двери и Махно, он оказался на свободе в возрасте двадцати пяти лет*. Вооруженный определенным интеллектуальным багажом, приобретенным в революционном „университете“ Бутырок, он ненадолго задержался в Москве, поспешил в родную деревню Гуляй-Поле, где жила вся его семья, и тут же бросился в пучину революции.

Махно пользовался большим авторитетом среди земляков и первые анархистские группы создавал из местных крестьян. Когда он впоследствии пытался написать историю „махновщины“, именно этим группам он и отводил роль зачинателей партизанского движения и отрицал влияние анархистов извне. Он называл их „гастролерами“ и обвинял в том, что они на самом деле ничего не дали движению. По твердому убеждению Махно, то, что это движение стало анархическим, было полностью его заслугой.

Был ли Махно честным человеком, желавшим добра своему народу, или он случайно оказался во всеобщей схватке? Я думаю, он был искренен в своих социальных пристрастиях. Это был политический деятель с природным талантом, хотя порой он и пускался в рискованные военные авантюры, которые, казалось бы, стояли значительно выше и его политических познаний, и личных возможностей. Тем не менее, я считаю, что в роли народного мстителя он был абсолютно на своем месте. Впрочем, слабость махновщины была присуща и всему крестьянскому движению России: отсутствие четких целей и конкретных задач. Крестьяне прежде всего хотели земли и свободы, но как использовать и то и другое не знали. Эта их слабость отчасти объясняет то, что русское крестьянство и в дальнейшем не смогло противостоять новому крепоществу, введенному Сталиным.

Я вспоминаю, как однажды Нестор Махно рассказывал мне о своей мечте. Было это осенью 1927 года. Мы гуляли в Венсенском лесу. Быть может, красота природы настроила его на поэтический лад, и он сочинил этот свой „рассказ-мечту“. Молодой Михненко (настоящая фамилия Махно) возвращается в родную деревню Гуляй-Поле, начинает работать, ведет спокойную, правильную жизнь, женится на молодой крестьянке. У него добрая лошадь и хорошая упряжь. Вечером вместе с женой он возвращается в деревню после удачного дня, проведенного на базаре, где они

*Весной 1917 г. Махно было неполных 28 лет. – В. В.

предавали плоды урожая. В городе они купили подарков... Махно так увлекся рассказом, что совершенно забыл, что сейчас он в Париже, что у него нет ни земли, ни дома, ни молодой жены. В то время они с женой жили порознь, множество раз сходились и расходились снова, пытались начать совместную жизнь. Бог знает, по какой это причине все происходило. Жена, вероятно, уже не любила Махно и, кто знает, любила ли она его вообще когда-нибудь. Жена Махно была украинской учительницей, по своим воззрениям принадлежала скорее к петлюровцам и никогда не имела ничего общего с революционным движением.

Я где-то читала, что Махно якобы стал революционером под влиянием учительницы, на которой впоследствии женился. Это абсолютная выдумка. Он познакомился с Галиной Кузьменко уже будучи „батькой Махно“, простую учительницу несомненно привлекала роль жены могущественного атамана Украины. Впрочем, она не была единственной женщиной, добивавшейся благосклонности батьки Махно. Он рассказывал мне в Париже, что в пору его славы люди раболепствовали перед ним, и он мог бы выбрать себе любую женщину, но в действительности у него не было свободного времени для личной жизни. Махно рассказывал мне об этом, чтобы опровергнуть миф об оргиях, в которых якобы участвовал. На самом деле Махно был человеком чистым, даже целомудренным. Мне кажется, в его отношении к женщине соединилась своего рода крестьянская простота с уважением к слабому полу, присущим русским революционным кругам начала века. Иногда он с искренним сожалением вспоминал о первой жене, крестьянке из его родной деревни, на которой женился вскоре после освобождения из тюрьмы, в 1917 году. От этого брака родился ребенок, но, когда во время немецкой оккупации Махно вынужден был скрываться, кто-то сказал жене, что он убит, и она снова вышла замуж. Ребенок умер. Махно больше никогда не видел первую жену.

На правой щеке у Махно сохранился огромный шрам, спускавшийся до нижней губы, след от удара, нанесенного ему женой Галиной, пытавшейся убить его спящего. Случилось это в Польше, кажется, тогда она была влюблена в петлюровского офицера. В достоверности я не знаю, что явилось непосредственной причиной этого дикого поступка. Часто на людях жена всячески пыталась скомпрометировать Махно, морально его унижить. Однажды, в моем присутствии, она сказала о ком-то: „Это настоящий генерал, не то, что Нестор...“, явно желая подчеркнуть, что не считает мужа полководцем. Впрочем, Галина прекрасно знала, что во время пребывания Махно в Румынии, румынское правительство оказывало ему почести, соответствующие высокому званию крупного военачальника.

В Париже Галина Кузьменко работала то домработницей, то кухаркой и считала, что судьба, предназначавшая ее для лучшей

доли, очень к ней несправедлива. В 1926–1927 годах она обратилась к советскому правительству с просьбой о возвращении в Россию. Насколько мне известно, Москва отклонила ее просьбу. Я не думаю, что Махно был в состоянии простить ей это письмо. Скорее их продолжающийся союз объяснялся взаимной слабостью и невозможностью разорвать отношения. После смерти мужа Галина Кузьменко стала женой Волина и вместе они совершили прямую подлость: выкрали из-под подушки покойного его личный дневник. Эта уникальная рукопись так никогда и не увидела свет.

Махно вел дневник на протяжении всего своего пребывания в эмиграции, записывая впечатления о товарищах, их деятельности и многое другое. Я знаю об этом достоверно, в 1932 году он сказал мне, что хотел бы знать мое мнение по поводу одного эпизода, свидетелем которого я была, желал бы удостовериться, что в своем дневнике точно отразил происшедшее.

Если я не ошибаюсь, во время немецкой оккупации Франции Галина Кузьменко сблизилась с немецким офицером и оказалась в Берлине вместе с дочерью, где и погибла под бомбежкой. Может быть это не так, и она доживает где-нибудь. Не исключено, что и в России.

Махно страстно любил дочь. Я не знаю, какими стали их отношения в конце его жизни, но когда девочка была маленькой, Махно бесконечно возился с ней, баловал, хотя в раздражении, бывало случалось, колотил ее, после чего чувствовал себя совершенно больным только от одной мысли, что смог поднять на нее руку. Нестор мечтал, чтобы дочь получила образование. После его смерти я видела ее только однажды, ей было семнадцать лет, она была очень похожа на Махно, но, кажется, мало что о нем знала и, думаю, не интересовалась его судьбой.

Что же касается отношений Махно с Волиным, я уверена, что он не только не любил, но и не уважал будущего мужа своей жены, считал его человеком недостойным и бесхарактерным. Махно много раз говорил мне, что на Украине Волин раболепствовал перед ним и никогда не осмеливался высказать свое личное мнение в присутствии „батьки“. Однажды в штабе махновцев был расстрелян красный парламентар, некто Полонский*. Многие из членов генерального штаба были недовольны. Внезапно появляется Волин и, узнав о случившемся, спросил: „А батька что думает? Если он согласен, считает правильным, я не стану даже обсуждать этот вопрос“. Махно сидел в соседней комнате и спросил: „Выходит, тебе плевать, что человека расстреляли, ты даже не спрашиваешь, по какой причине это произошло? Пусть батька

*М. Л. Полонский, большевик, командир одного из полков махновской армии, был арестован махновской контрразведкой по подозрению в подготовке убийства Махно и расстрелян 5 декабря 1919 г. — В. В.

одобряет, но ведь и он может ошибаться, тем более, он пьян? Что ты на это скажешь?" Волин не решился ответить, промолчал.

Когда Махно жил в Париже в нищете и одиночестве, положение изменилось, теперь многие находили в себе смелость высказывать резкое осуждение его деятельности на Украине. Махно был достаточно умен, чтобы понимать, что происходит, и люто ненавидел таких критиков. Но когда кто-то говорил ему правду, и он видел, что человек искренен, он (Махно), хотя и бывал порой оскорблен, в глубине души несомненно уважал людей, способных на такую объективность.

Тем не менее, я могу привести несколько иной пример из собственного опыта. Однажды мне довелось перепечатывать на машинке его воспоминания. Занимаясь этой работой, я обратила внимание, что факты, представляющие исторический интерес, перемежаются с отрывками речей, произнесенных на митингах в первые месяцы революции. Эти тексты не отличались большой оригинальностью и не заслуживали того, чтобы цитировать их, спустя годы. Да и вообще, кто и как умудрился записать эти речи в 1917 году? В то время такие речи произносились на каждом углу. Я не преминула сказать Махно, что, хотя его воспоминания очень интересны, в такой манере писать книгу нельзя, нужно отбирать факты и документы, располагать их так, чтобы получилась единая цельная книга, а он к тому времени, написав уже две книги, все еще не подошел к „махновщине“, написанное было только прелюдией... Нестор внимательно выслушал меня и не подумал последовать моему совету. Конечно, я не отличалась большим дипломатическим талантом, я сказала ему: „Вы – великий солдат, но не писатель. Попросите кого-нибудь из ваших друзей, хотя бы Марию Гольдшмит, помочь вам написать воспоминания...“ Махно никогда не простил мне этих слов. Быть может, в конце жизни он все-таки вспомнил о моем совете, так как, к несчастью, случилось именно то, что я предполагала: книга о махновщине не была закончена. Один из друзей Махно, француз, предложил ему материальную помощь, чтобы он смог завершить свои воспоминания, но увидев, что работа никогда не кончится, перестал давать Нестору деньги. Махно оказался вынужденным зарабатывать на жизнь, и его мемуары так и не были написаны. Последние годы он провел в ужасающей нищете, которая никак не располагала к писательству.

Был ли Махно антисемитом? Уверена, что нет. Он считал евреев способным и умным народом, быть может, слегка даже завидовал им, но в его отношениях с евреями никогда не было заметно никакой враждебности. Обвинения в антисемитизме его несомненно огорчали, а поскольку в прошлом он был тесно связан с идеологией интернационализма, то живо чувствовал серьезность подобного обвинения. Махно гордился расстрелом атамана Григорьева, и утверждал, что слухи о погромах, якобы совершенных махновцами, гнусная ложь.

Когда я сама задаю себе вопрос, как случилось, что такой человек сумел достичь в свое время невероятной власти над людьми, я объясняю это тем, что в глубине души он всегда оставался истинным украинским крестьянином, но кроме того, был великим артистом, неузнаваемо перевоплощавшимся в присутствии толпы. В небольшой компании он с трудом мог объясняться, его привычка к громким речам в интимной обстановке казалась смешной и неуместной. Но стоило ему предстать перед большой аудиторией, как вы видели блестящего, красноречивого, уверенного в себе оратора. Однажды я присутствовала на публичном заседании в Париже, где обсуждался вопрос об антисемитизме и махновщине. Меня глубоко поразила тогда удивительная сила перевоплощения, на которую оказался способным этот украинский крестьянин.

Была еще одна черта в характере Махно, которая, несомненно, являлась причиной его успеха среди народных масс – его невероятная смелость и отвага. Аршинов, несмотря на явное враждебное отношение к Махно, рассказывал, что тот прогуливался под пулями, как под дождем. Аршинов считал такого рода смелость психической аномалией.

В годы эмиграции Махно, впрочем как и многие известные люди, страдал от невозможности приспособиться к обыкновенной, обыденной жизни. Казалось, он искренне огорчается, если никто не говорит о нем, а потому постоянно давал интервью журналистам, прекрасно понимая враждебность многочисленных партий и людей, его окружавших. Однажды один украинский журналист через меня попросил Махно встретиться с ним. Я не советовала Нестору давать это интервью, предвидя, что журналист исказит его слова, а у него не будет никакой возможности опровергнуть напечатанное и защитить свои права. Махно не послушался, журналист опубликовал то, что считал нужным, извратил смысл сказанного. Махно был в ярости, но не думаю, что и этот случай послужил для него уроком.

Смог ли бы он когда-нибудь снова стать „маленьким“, никому неизвестным человеком? Вероятно, он мечтал об этом, о простой жизни крестьянина, но осуществить эту мечту было уже, конечно, невозможно.

Я вспоминаю день, когда мы говорили о судьбах советских генералов Буденного и Ворошилова. Махно относился к ним с профессиональным уважением, мне даже показалось, что в его сознании произвольно возникли мысли о том, что и он мог бы быть генералом Красной Армии. Тем не менее, сам он никогда об этом не говорил. Наоборот, сказал мне, что если бы и смог вернуться в Россию, то ему бы пришлось серьезно изучать военное искусство. Это признание можно расценивать и как высказанную вслух мечту. Я уверена, если бы он вернулся в Россию, не прошло бы и двух дней, как он бы поругался с вышестоящим начальством,

так как всегда был честным человеком и не мог бы смириться с социальной несправедливостью.

Действительно ли он верил в анархизм, сторонником которого считал себя? Думаю, что нет. Скорее всего, он сохранил определенную верность юношеским пристрастиям, а в то время анархизм являлся неким вероисповеданием, способным, казалось бы, все на земле изменить и сделать бедных счастливыми. Махно неодобрительно относился к анархистам, которых знал в России во время революции, считал, что они ни на что не способны, и, примкнув к махновщине в качестве „теоретиков“, оказались на деле гораздо слабее и трусливее простого украинского крестьянина, преподавшего им уроки мужества. Он беспощадно критиковал Кропоткина за патриотизм, проявленный в 1914 году. В заключение следует сказать, что Махно прекрасно чувствовал несоответствие анархических идей с их воплощением в реальной жизни общества.

Был ли Махно пьяницей, каким его изобразил Волин? Я очень часто встречалась с ним на протяжении трех лет в Париже и никогда не видела его пьяным. Несколько раз в качестве переводчика я сопровождала Махно на обеды, организованные в его честь западными анархистами. Нестор пьянел от первого стакана вина, глаза его начинали блестеть, он становился более красноречивым, но, повторяю, по-настоящему пьяным я не видела его никогда. Мне говорили, что последние годы он голодал, опустился, может быть, тогда и начал пить. Для его больного, слабого организма было достаточно нескольких капель алкоголя. Будучи атаманом, он, вероятно, пил наравне с любым крестьянином.

Отрицательной чертой его характера я считаю патологическую недоверчивость и подозрительность, хотя и это вполне понятно: слишком живым был в его памяти опыт гражданской войны. Как бы то ни было, но он был способен подозревать даже близких друзей.

Умел ли он отличать друзей от врагов? Думаю, иногда это ему удавалось, выручало какое-то внутреннее здоровое чутье, но в силу скверного характера, он зачастую ссорился с людьми, искренне желавшими ему добра. Личный дневник после его смерти оказался в руках двух его врагов: жены и Волина. Несмотря на всю свою подозрительность, он не смог этого предотвратить.

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ

Г. НОВОПОЛИН. МАХНО И ГУЛЯЙ-ПОЛЬСКАЯ ГРУППА АНАРХИСТОВ

(по официальным данным)

I.

О дореволюционном прошлом Махно, о первых его выступлениях, о его связи с гуляй-польской группой анархистов почти ничего или очень мало известно. Как в периодической печати, одно время усиленно занимавшейся Махно и махновщиной, так и в отдельных брошюрах о нем дореволюционное его прошлое совсем не затрагивается. То, что в эти труды попало, очень скудно или мало соответствует действительности...

Имеющийся в нашем распоряжении материал – обвинительный акт по делу гуляй-польской группы анархистов, составленный 14 декабря 1909 г. в Одессе военным прокурором Одесского военно-окружного суда. Как всякий официальный материал, он ненадежен и односторонен. Само собой разумеется, что самое интересное – идеологическая сторона гуляй-польской группы, теоретические основы ее деятельности, ее тактика, принадлежность ее к той или иной характерной группе, связь ее с другими группами, – все это отсутствует в нашем документе. Только из другого обвинительного акта по делу екатеринославской группы анархистов-коммунистов, составленного прокуратурой того же Одесского военного суда, мы узнаем официальную версию о гуляй-польской группе – что она называлась „крестьянской группой анархистов-коммунистов“, что через пропагандиста Вольдемара Антони (члена группы) она имела связь с екатеринославской группой.

Это бросает интересный свет на происхождение гуляй-польской группы и на характер ее деятельности. „Крестьянский“ характер группы это – ее специфическая черта. Террор, направленный почти исключительно против внегородской буржуазии, против сельской полиции, это – действительно особенность гуляй-польской группы. Обвинительный акт, из которого мы черпаем сведения о первых шагах Махно и о деятельности анархистов-коммунистов Гуляй-Поля, в этом отношении представляет известную ценность. При всей своей односторонности и однобокости, при всем старании представить группу, как состоявшую просто из темных личностей, обвинительный акт все же содержит много фактического материала, относящегося к деятельности „крестьянской“ организации анархистов-коммунистов и Махно.

II.

Обвинительный акт охватывает группу в 14 человек: Нестора Махно, Егора Бондаренко, Клима Кириченко, Ефима Орлова, Филиппа Чернявского, Ивана Шевченко, Филиппа Онищенко, Антона

Бондаренко, Сергея Заблоского, Петра Онищенко, Марию Мартынову (все крестьяне), Наума Альтгаузена, Лейбу Горелика и Казимира Лисовского (мещане). Но это — лишь захваченные и уличенные; как увидим ниже, группа насчитывала гораздо больше лиц, причастных к ней, но оставшихся по тем или другим обстоятельствам незадержанными или непреданными суду. Из них некоторые, как Наум Альтгаузен, хотя формально не состояли, но примыкали к екатеринославской группе анархистов-коммунистов.

Обвинительный акт охватывает деятельность группы за период с осени 1906 г. (первое нападение группы — 5 сентября) до июля 1908 г. (9 июля) и приписывает ей ряд экспроприаций и убийств должностных лиц.

Первый шаг группы относится к 5 сентября 1906 г. (ст. ст.). Вечером в дом гуляй-польского торговца Плещинера явилось трое лиц, вымазанных сажей. Угрожая револьверами и бомбой, они потребовали денег. Плещинер дал им 163 рубля и золотые кольца. Они этим не удовлетворились и потребовали золотые часы, которые Плещинер и отдал.

10 октября последовало ограбление торговца Брука в том же селе Гуляй-Поле. Участвовало в ограблении 4 лица. Погрозив револьверами, экспроприаторы потребовали на „голодающих“ 500 рублей. Забрав здесь 151 рубль, они ушли. Пострадавшие заметили, что, кроме револьверов, у нападающих были кинжалы. Лица были закрыты бумажными масками.

Третье нападение было произведено на гуляй-польского крестьянина — промышленника и купца Марка Кернера. Участников с вымазанными грязью лицами было трое. Здесь дело оказалось сложнее. Экспроприаторы застали рабочего-электротехника, которого втолкнули в кабинет и заперли. После обыска они забрали 425 руб. и слиток серебра.

Жена Кернера обнаружила много находчивости и успела выслать горничную в галерею с тем, чтобы она подняла тревогу. Но там оказался на страже четвертый участник. Он задержал горничную, отвел ее на кухню, где оказался пятый участник. Вообще, по словам Кернера, всего участвовало в ограблении его 7 человек; экспроприаторы будто бы волновались, и руки у них дрожали. 15 ноября, спустя два дня после ограбления, Кернер получил местное письмо, в котором экспроприаторы, называя себя „боевой дружиной“, выражали сожаление, что забрали у Кернера мало денег. „Дружине“ было известно, что последний уведомил полицию об его ограблении, и она предостерегала Кернера от продолжения поисков, ибо в противном случае дом его будет взорван.

Четвертое нападение имело место в поселке Гайчур, у станции того же названия, недалеко от Гуляй-Поля. Четверо вооруженных ворвались ночью к купцу Гуревичу. Скомандовав „руки вверх“, экспроприаторы от имени „анархистов-коммунистов“ потребовали денег. Все они были люди молодые, хорошо одетые, с черными

очками на глазах. Тут поживиться не удалось. Племянник Гуревича поднял тревогу, и участники нападения бросились бежать, стреляя на ходу. Захватив стоявшую недалеко от станции почтовую карету, они ускакали. В погнавшегося за ними ямщика они дали залп из трех револьверов. Лошадь и телега вскоре были найдены в камыше. Это было уже в августе 1907 г.

19 октября того же года между станцией Гуляй-Поле и селом была ограблена почта. При этом были убиты почтальон и горюховой, везший деньги, и почтовал лошадь. Ямщик остался жив и рассказал, что, когда почтовая телега выбиралась из оврага на гору по направлению к селу Гуляй-Поле, из оврага посыпались выстрелы. Он погнал лошадей. Выстрелы продолжались. Вскоре одна лошадь пала. Ямщик отпряг живую лошадь и поскакал на ней в село. По осмотре почта оказалась целой.

III.

До этого участники группы были совершенно неизвестны полиции. После же нападения на почту на сцену выступает предатель, и некоторые из участников группы обнаруживаются.

19 октября сидевший в Екатеринославской тюрьме Яков Брин во время допроса заявил, что он знает участников нападения на почту со слов сидевшего с ним в Александровской уездной тюрьме крестьянина Зуйченко. Последний сознался Брину, что он вместе с Константином Пухило, Иваном Левадным и другими принимал участие в нападении на почту. План нападения был разработан при участии Владимира Антони, работавшего на заводе Кернера и потом бежавшего в Бельгию; он же доставил участникам оружие...

Некоторый свет на деятельность группы пролили также показания крестьян Гуляй-Поля — Ткаченко и Прокопенко. Первый рассказывал со слов своего подвыпившего знакомого, фамилии которого якобы не знал, что в нападении на почту принимали участие Махно, Антон Бондаренко и Прокопий Семенюта. Этот же Ткаченко, со слов крестьянина Чернявского, рассказывал, что последний принимал вместе с целым рядом лиц (в том числе — Альтгаузен) участие в нападении на Брука, Плещинера и Кернера. Прокопенко дал сведения о том же Чернявском и, с его слов, о целой группе анархистов, назвав при этом Махно и Ткаченко.

Во время этих розысков и допросов произошло несколько новых ограблений. 10 апреля 1908 г. в колонии Богодаровске, Александровского уезда был ограблен на квартире торговец Левин. В ограблении участвовало пять человек, вооруженных револьверами и кинжалами. Лица их были вымазаны сажей. Забрали 600 руб. и золотые вещи. Уходя, они сделали несколько выстрелов в воздух. Полиция уже следила за некоторыми из Гуляй-польцев и узнала, что утром 10 апреля из Гуляй-Поля по

направлению в Богодаровск (в 40 верстах) выехали, по одной версии – Иван Левадный, Наум Альтгаузен, Антон Ольхов и Хшива, по другой – Левадный, Альтгаузен, Демьян Дедюченко, Петр Онищенко и Кириченко.

13 мая в Гуляй-Поле было произведено нападение на дом купца Шиндлера. Дом при этом подвергся обстрелу, и дочь Шиндлера была ранена. Благодаря поднятой тревоге экспроприация не удалась.

9 июля в селе Новоселовке, вблизи Гуляй-Поля, было произведено нападение на казенную винную лавку. При сопротивлении, оказанном женой сидельца, один из нападавших выстрелил в сидельца Дьяченко и убил его. Жена подняла страшный крик, и нападавшие бросились бежать по направлению к Гуляй-Полю.

28 июля некоторые из экспроприаторов были выслежены. Полиция устроила облаву в Гуляй-Поле и начала с ними перестрелку, во время которой был убит Прокопий Семенюта. Когда его одежда и обувь были предъявлены жене убитого Дьяченко, она заявила, что видела в этой одежде одного из участников нападения на винную лавку.

IV.

Роль Шерлока Холмса в раскрытии гуляй-польской группы выпала на долю проживающего в Гуляй-Поле пристава Караченцева. Для обнаружения ее участников сельский сыщик пустил в ход обычное российское сродие – провокацию. В группу были „влиты” агенты Караченцева, принимавшие участие в нападениях; они сообщили ему о работе группы. Одним из них был Кушнир, которого впоследствии группа казнила.

Через своих агентов-провокаторов Караченцев еще в 1907 г. узнал, что группа состоит из гуляй-польских жителей – дезертира Александра Семенюты, брата его Прокопия, Нестора Махно, Вольдемара Антони, Ивана Левадного, Назария Зуйченко, Клима Кириченко, Петра Онищенко, Антона и Егора Бондаренко, Филиппа Чернявского, Ивана Шевченко, Сергея Заблодского и временно проживавших в селе Сергея Иванова, Ефима Орлова, Наума Альтгаузена и Ольхова. Руководство группой принадлежало анархисту Антони; он же снабжал группу оружием. Агенты Караченцева были участниками группы, и доставлять ему точные сведения им было невыгодно. Караченцев не имел на первых порах доказательств. Посоветовавшись со следователем, он арестовал Антони, Зуйченко, Кириченко, Заблодского, Петра Онищенко и братьев Бондаренко. Все они были высланы в административном порядке. Антони отсидел в тюрьме один месяц. Во время его отсутствия в группе заменял его Александр Семенюта.

Группа оставалась неуловимой, агент Караченцева Кушнир был убит. Караченцев пустился сам на выслеживание. Пере-

одевшись „под” члена группы и узнав, что Семенюта скрывается под именем Коробки в Екатеринославе, Караченцев направился туда. После ряда приключений он на Амуре (пригород Екатеринослава) случайно наткнулся на подозреваемого в убийстве Кушнира гуляй-польского парня Хшиву. После долгого заперательства Хшива назвал себя приставу. При этом у Хшивы оказался браунинг убитого группой (28 июля) урядника Лепетченко. Одновременно на квартире Лисовского (на Амуре же) Караченцев наткнулся на Левадного, Зуйченко и Альтгаузена. После некоторого заперательства Левадный начал давать „откровенные” показания, повлекшие за собой такие же показания со стороны остальных арестованных; вся группа была предана военному суду.

Левадный раскрыл целый ряд нападений и убийств: экспроприации у Брука, Кернера и Плещинера, нападение на почту, убийство урядника Лепетченко. Альтгаузен признался в ограблении Кернера и Шиндлера... Наиболее полные показания дал Караченцеву Зуйченко.

V.

Откровенные показания арестованных дали в руки Караченцеву много улик. По его телеграфному предложению в Гуляй-Поле в августе 1908 г. были арестованы Махно, Онищенко, Чернявский, Горелик, Ольхов. По доставке арестованных на Амуре в Гуляй-Поле начались дополнительные показания, очные ставки и т. п. Давшие „откровенные” показания кое в чем изменили их, но ничего существенного в дело не внесли...

1 сентября урядник Рыжко перехватил записку, посланную Махно Левадному, в которой было написано: „Берите на себя дело”. Ей придали особое значение, но Махно позже пояснил, что он давал этим Левадному совет не „копать” и не перекладывать свою вину на других... В следственном материале, переданном следователю Караченцевым, было несколько писем из Парижа от бежавшего Александра Семенюты и Вольдемара Антони к родным. Одно письмо из Бельгии от Семенюты, адресованное Караченцеву, гласило: „Село Гуляй-Поле, Екатеринославской губернии, волостное правление, получить Караченцеву, черту рябому. Господин пристав, я слышал, что вы меня очень разыскиваете и желаете видеть. Если это верно, то прошу пожаловать в Бельгию, здесь свобода слова и можно свободно поговорить. Александр Семенюта, анархист Гуляй-Поля”.

В следственном материале фигурировала еще одна записка Махно, отобранная в Александровской тюрьме: „Тов(арищи), напишите, на чем остановились: буд(ем) ли что-ниб(удь) предпринимать? Сила вся у вас, у нас только четыре человека. Да или нет –

и назначим день. До свидания, привет всем". Готовился, очевидно, побег.

Многие из арестованных и допрошенных взяли обратно свои показания, данные при полицейском дознании. Зуйченко объяснил, что данные им показания были вынуждены побоями в полиции и страхом перед побоями. Хшива заявил, что под влиянием побоев он показывал все, что ни диктовал ему пристав Караченцев, Альтгаузен повторил объяснения Хшивы. Остальные, и раньше не сознававшиеся, повторили то же, что показали в полиции. В частности, Нестор Махно заявил, что ни к какому сообществу он не принадлежал...

Левадный повторил свои „откровенные показания“, но заявил, что лично он ни в чем не виноват, Караченцеву он на себя показал из боязни побоев. Зуйченко после дачи первоначального показания пожелал дать новое показание, причем признался в принадлежности к сообществу и вновь выдал всю группу. На основании этих данных дело было предано военному суду.

Всем, кроме Семенюты, Антони и Ольхова, бежавших за границу, Хшивы, повешенного 17 июня 1909 г. по приговору военного суда, и Левадного, умершего от тифа в тюремном бараке, вменялось в вину, что они „осенью 1906 года в селе Гуляй-Поле, Александровского уезда, Екатеринославской губернии, в местности, объявленной на положении усиленной охраны, вступили в организованное и руководимое скрывшимися от преследования лицами преступное сообщество, поставившее заведомо для них целью своей деятельности открытое, путем угроз, насилия и посягательства на жизнь и личную безопасность, похищение имущества правительственных учреждений и частных состоятельных лиц, для осуществления каковой цели сообщество имело в своем распоряжении снаряды со взрывчатым веществом, револьверы „Нагана“, „Маузера“ и других новейших систем, устраивало в избах некоторых из членов сообщества совещания, где разрабатывался план приводимого впоследствии в исполнение того или иного разбойничьего нападения, распределялись роли участников такого нападения, а также осматривалось и приводилось в надлежащий вид принадлежавшее сообществу оружие“, что предусмотрено 924 ст. уголовного наказания.

Кроме того, Махно обвинялся еще в экспроприациях у Брука, Кернера, Гуревича, что было предусмотрено статьями 9, 13, 1629, 1633 уголовного наказания и 279 ст. XXII кн. С. В. П., каравшей смертной казнью. Все остальные, кроме Лисовского и Мартыновой, также подлежали этой статье.

Командующий войсками Одесского военного округа предал всю группу военно-окружному суду. Дело слушалось во временном военном суде в Екатеринославе в 1910 году.

ПРИКАЗ № 2 ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОГО ГУБЕРНСКОГО ВОЕННОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА 30 ДЕКАБРЯ 1918 г.

В целях восстановления нормальной жизни в городе губернский Военно-революционный комитет впредь до утверждения Советом рабочих и крестьянских депутатов временно назначает: Главнокомандующим Советской Революционной Рабоче-Крестьянской армией Екатеринославского района тов. Нестора Махно. Военным комиссаром назначается тов. Григорий Мартыненко. Комендантом г. Екатеринослава тов. Николая Хавского. Комиссаром Екатеринославской жел. дор. тов. Николая Стамо. Комендантом ст. Екатеринослав тов. Федора Орделяна. Комиссаром почт и телеграфа тов. Виктора Перенского (Пульман).

Комиссаром финансов тов. Исаака Крейсберга (Георгия). Комиссаром продовольствия тов. Феодосия Бондарчука. Комиссаром труда тов. Владимира Ключко (Кошко). Комиссаром тюрем тов. Леонида Степанова. Комиссаром типографий тов. Михаила Колтуна. Комиссаром центрального телеграфа ст. Екатеринослав тов. Полтарацкого.

Назначая опытных честных революционеров на ответственные посты, губернский Военно-революционный комитет уверен, что означенные товарищи будут твердо защищать дело революции и приказывает всем лицам и учреждениям безусловно выполнять все их приказания по соответствующим отраслям.

Екатеринославский губернский Военно-революционный комитет.

КОНТРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ЛИТ

„Тов.“ Дыбенко объявил созванный в с. Гуляй-Поле на 10 апр. с. г. съезд контрреволюционным, а организаторов такового — вне закона, к которым должны быть применены, по его словам, самые суровые репрессивные меры. Приводим дословно его телеграмму: „Из Новоалексеевки № 283. 10 числа 22 ч. 45 мин. По нахождению, т-щу Батько Махно, штаб дивизии Александровск. Копия Волноваха, Мариуполь, по нахождению т-щу Махно. Копия Гуляй-Польскому Совету: „

Всякие съезды, созванные от имени распущенного, согласно моего приказа, военно-революционного штаба, считаются явно контрреволюционными и организаторы таковых будут подвергнуты самым репрессивным мерам вплоть до объявления вне закона. Приказываю немедленно принять меры к недопущению подобных явлений. Начдив Дыбенко“.

Но прежде чем объявить съезд контрреволюционным, „тов.“ Дыбенко не потрудился узнать: от чьего имени и для чего созывался

ся таковой, и благодаря этому он объявляет, что съезд созывался от имени распушенного Гуляй-Польского Военно-революционного штаба, а на самом деле таковой созван Исполнительным Комитетом Военно-революционного Совета. Поэтому последний, как виновник созыва съезда, не знает, считает ли его „тов.“ Дыбенко вне закона.

Если да, то позвольте „Вашу Высокопоставленную“ личность познакомиться с тем, кто и для чего созывал этот (по-вашему явно контрреволюционный) съезд, и тогда, может быть, вам не будет он таким страшным, как вы его рисуете.

Съезд, как сказано выше, созывался Исполкомом Военно-революционного Совета Гуляй-Польского района на 10 апреля в с. Гуляй-Поле (как центральное село). Назывался третьим районным Гуляй-Польским съездом. Созывался для указания дальнейшего направления деятельности Военно-революционного Совета. (Видите, „тов.“ Дыбенко, уже три таких „контрреволюционных“ съезды было). Но вопрос: — откуда взялся и для чего создан районный Военно-революционный Совет? Если вы, „тов.“ Дыбенко, не знаете, то мы вас познакомим. Районный Военно-революционный Совет образован согласно резолюции второго съезда, бывшего в с. Гуляй-Поле 12 февраля с.г. (видите, как давно, когда вас здесь еще не было), для того, чтобы организовать фронтовиков и провести добровольную мобилизацию, так как вокруг были кадеты, а повстанческих отрядов, составленных из первых добровольцев, недостаточно было для того, чтобы занять широкий фронт. Советских войск в нашем районе никаких не было, да от них население района и не ждало большой помощи, а считало своим долгом самозащиту. Вот для этого-то и был образован Военно-революционный Совет Гуляй-Польского района, куда, согласно резолюции второго съезда, вошло по одному представителю от волости, а всего — 32 человека от волостей Екатеринославской и Таврической губ.

О созданном Военно-революционном Совете разъяснение будет ниже, а теперь у нас создался вопрос: откуда взялся, кто создал второй районный съезд; от кого было разрешение, и объявлен ли тот, кто создал его, вне закона, а если нет, то почему? Второй районный съезд в с. Гуляй-Поле созван инициативной группой из пяти человек, избранных на первом съезде. Вторым съездом состоялся 12-го февраля с.г., и, к великому удивлению, создавшие его не были объявлены вне закона, так как в то время не было такого героя, который бы дерзнул на права народа, добытые собственной кровью. Теперь опять перед нами вопрос: откуда взялся и кто создал первый районный съезд, не объявлен ли тот вне закона, а если нет, то почему? Вы, „тов.“ Дыбенко, как видно, молоды в революционном движении на Украине и вас нам приходится знакомить с самым началом революционного движения на Украине. Ну, что же, мы познакомим, а вы, познакомившись, быть может, исправитесь немного.

Первый районный съезд был 23 января с.г. в первом повстанческом лагере в с. Б. Михайловке из представителей от волостей, близко находившихся к фронту. В то время советские войска были где-то далеко-далеко. В то время район был отрезан от всего мира: с одной стороны кадетами, а с другой — петлюровцами, и в это время лишь одни повстанческие отряды, во главе с батько Махно и Щусем, наносили удар за ударом кадетам и петлюровцам. В селах и деревнях организации и общественные учреждения были не однообразны по названию. В одном селе был Совет, в другом — Народная Управа, в третьем — Военно-революционный Штаб, в четвертом — Земская Управа и пр. и пр., но дух был у всех революционный, и для укрепления фронта, для установления чего-либо однообразного в районе и был созван съезд.

Его никто не созывал, он сам по себе съехался с согласия населения. На съезде возник вопрос о том, чтобы вырвать из армии Петлюры своих братьев, насильно мобилизованных, и для этого была избрана делегация из пяти человек, которым был дан наказ проехать через штаб батько Махно и др., где будет нужно, в армию украинской директории (имени Петлюры), дабы заявить своим братьям мобилизованным, что их обманули и что им следует оттуда уйти. Этой же делегации было поручено, по возвращении ее обратно, собрать более обширный съезд для организации всего очищенного от контрреволюционных банд района, для создания более могучего фронта. Делегаты, возвратившись, созвали второй районный съезд вне всяких партий, власти и закона, ибо вы, „тов.“ Дыбенко, и подобные вам законники, в то время находились далеко-далеко, а герои, вожди повстанческого движения, к власти над народом, который собственными руками разорвал цепи рабства, не стремились, а потому и съезд не был объявлен контрреволюционным, а создавшие его вне закона.

Вернемся к районному Совету. С появлением Военно-революционного Совета Гуляй-Польского района в свет, в район прорывается советская власть. Но ведь с появлением советской власти, Районный Совет не имел права оставить дела невыполненными, согласно вынесенной резолюции на втором съезде. Он должен был выполнить данный ему съездом наказ, ничуть не уклоняясь в сторону, ибо Военно-революционный Совет не есть приказывающий, а только исполнительный орган. И он продолжал работать по мере своих сил, и работа была только в революционном направлении. Постепенно советская власть стала оказывать препятствия в работе Военно-революционного Совета, а комиссары и проч. ставленники советской власти на Военно-революционный Совет стали смотреть, как на контрреволюционную организацию. И вот члены Совета решили созвать третий районный съезд на 10 апреля в с. Гуляй-Поле, для указания дальнейшего направления деятельности Совета, или, может быть, съезд найдет нужным ликвидировать его. И съезд собрался. На съезд съехали не контрреволю-

ционеры, а те, кто первые подняли знамя восстания на Украине, знамя социальной революции, для согласованности общей борьбы со всеми угнетателями. На съезд явились представители от 72 волостей разных уездов и губерний и от нескольких воинских частей и нашли, что Военно-революционный Совет Гуляй-Польского района необходим, и пополнили его Исполком, поручив ему провести в районе добровольную уравнительную мобилизацию. Съезд немало удивлялся телеграмме „тов.“ Дыбенко, объявлявшего съезд „контрреволюционным“, в то время, когда этот район первый поднял знамя восстания, и на телеграмму вынес горячий протест.

Вот перед вами картина, „тов.“ Дыбенко, которая должна вам открыть глаза. Опомнитесь! Подумайте! Имеете ли вы, один человек, право объявлять с лишком миллион народа контрреволюционерами, который своими мозолистыми руками сбросил цепи рабства и теперь сам, по своему усмотрению строит свою жизнь?

Нет! Если вы истинный революционер, вы должны помогать ему в борьбе с угнетателями, в строительстве новой свободной жизни.

Могут ли существовать законы нескольких человек, заявляющих себя революционерами, дающие право объявлять более революционный народ вне закона? (Исполком Совета олицетворяет собою всю массу народа).

Допустимо ли и слоговразумно ли вводить законы насилия в стране того народа, который только что сбросил всех законников и всякие законы?

Существует ли такой закон, по которому революционер имел бы право применять самые суровые меры наказания к той революционной массе, за которую он борется, и за то, что народная масса без разрешения взяла то хорошее, — свободу и равенство, — что революционер обещал?

Может ли народная революционная масса молчать тогда, когда революционер отбирает у нее добытую ею свободу?

Следует ли по закону революции расстреливать делегата за то, что он стоит за проведение в жизнь данного ему наказа избравшей его революционной массы?

Чьи интересы должен революционер защищать: партии или того народа, который своею кровью двигает революцию?

Военно-революционный Совет Гуляй-Польского района стоит вне зависимости и влияния всяких партий, а только народа, избравшего его. А потому его обязанность прсводить в жизнь то, что поручил ему избравший его народ и не препятствовать всем левым социалистическим партиям проповедовать свои идеи. А потому, если большевистская идея будет иметь успех, то Военно-революционный Совет, с точки зрения большевиков, организация явно контрреволюционная, заменится другой, „более“ револю-

ционной большевистской организацией. А покамест не мешайте нам, не насилуйте нас.

Если вы, „тов.“ Дыбенко и подобные вам, будете вести в дальнейшем такую политику, как раньше, и если думаете, что она хороша и добросовестна, то тогда уж продолжайте свои грязные делишки. Объявляйте вне закона всех инициаторов районных съездов и тех съездов, которые созывались тогда, когда вы и ваша партия сидели в Курске. Объявляйте контрреволюционерами всех, кто первые подняли знамя восстания, знамя ссциальной революции на Украине и везде пошли без вашего позволения, в точности не по вашей программе, а взяли левее. Объявите вне закона и всех тех, которые послали своих представителей на районные съезды, признанные вами контрреволюционными. Объявите вне закона и всех павших борцов, которые без вашего позволения приняли участие в повстанческом движении за освобождение всего трудового народа. Объявляйте все революционные съезды, собравшиеся без вашего разрешения, контрреволюционными и незаконными, но знайте, что правда силу побеждает и Совет не откажется, несмотря на угрозы, от выполнения возложенных на него обязанностей, ибо он на это не имеет никакого права и не имеет права узурпировать права народа.

Военно-революционный Совет Гуляй-Польского района:
Председатель: Чернокнижный, тов. пред-ля Коган, секретарь Карабет.
Члены: Коваль, Петренко, Доценко и др.

ПРИКАЗ № 50

1919 г., мая 6-го дня, представителями штаба 3-й бригады имени Батько Махно и представителями Ревкома г. Бердянска вынесено следующее постановление:

Вся власть в городе и уезде по внутреннему распорядку принадлежит Уездному революционному комитету до созыва уездного совдепа, а затем Совдепу.

Все требования для нужд бригады передаются штабом бригады в ревком или соответствующий отдел ревкома, которые и удовлетворяются по мере возможности...

Всякие самочинные реквизиции, обыски и т. п. действия без полномочного представителя штаба и ревкома воспрещаются, и лица, преступившие это постановление, в каком бы чине не были, несут ответственность как за грабеж.

Начальнику гарнизона приказываем строго следить за соблюдением этого постановления.

Председатель собрания Батько Махно
Секретарь С. Дыбец
Представители бригады: Озеров, Куриленко, Каретников
Представитель ревкома: Куликов

* * *

**РАПОРТ РЕВВОЕНСОВЕТА 2-Й УКРАИНСКОЙ АРМИИ
КОМАНДУЮЩЕМУ ЮЖНЫМ ФРОНТОМ ОБ ИНЦИДЕНТЕ,
ВОЗНИКШЕМ В СВЯЗИ С ПЕРЕФОРМИРОВАНИЕМ
БРИГАДЫ МАХНО В ДИВИЗИЮ,
И НЕИЗБЕЖНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ ЕГО ОБОСТРЕНИЯ**

22 мая в 15 часов Председатель РВСР Троцкий говорил из штаба 13 армии по прямому проводу с Реввоенсоветом 2-й армии и приказал: „Командарм 2 и Реввоенсовет должны в короткий срок произвести радикальный перелом в строении и поведении войск Махно, потребовав для этого из Козлова необходимое число политработников и командного состава.

В случае, если в 2-х недельный срок окажется невозможным произвести этот перелом, то Реввоенсовет 2 должен войти с рапортом об открытом сопротивлении Махно. Решающего доклада о достигнутых результатах жду не позднее 6 июня”.

Вместе с тем тов. Троцкий выразил свое удивление по поводу того, что бригада Махно находится в процессе переформирования в дивизию, и сказал, что „развертывать непокорную, недисциплинированную бригаду в дивизию под тем же командованием есть либо предательство, либо сумасшествие, во всяком случае подготовка новой григорьевщины”.

В связи с этим разговором доношу Реввоенсовету Южфронта, что вопрос о переформировании бригады Махно в дивизию был возбужден еще до перехода 2-й армии в Южфронт, причем командование Укрфронта отнеслось к этому положительно. Затем при посещении бригады Махно наркомвоенном Украины Межлауком* и чрезвычайным полномоченным совобороны Каменевым этот вопрос снова был поднят, и наркомвоен Украины Межлаук телеграфировал 9 мая в штаб 2-й армии: „против переформирования бригады Махно в дивизию препятствий не имею”.

Отвлеченный григорьевскими событиями штаб 2-й армии не предпринял никаких мер в этом направлении до 18 мая, когда получен был приказ № 40 по 3-й бригаде 1-й Заднепровской Украинской советской дивизии от 16 мая по строевой части. Приказ этот гласил:

„Согласно постановления военного совета бригады от 4 и 9 мая 1919 г. 3-я бригада 1-й Заднепровской дивизии с 1-го мая 1919 г. развертывается в дивизию, которая именуется „Первая Украинская повстанческая дивизия” и подчиняется 2-й Украинской армии.

На командные и административные должности дивизии избраны следующие лица: Начдивизии Махно, начальником штаба Яков Озеров, помощниками начальника штаба Веретельников и Горев”.

* Наркомом по военным делам Украины в 1919 г. был Н. Подвойский, а В. Межлаук его заместителем. — В. В.

В дальнейшем в приказе следовало изложение организации дивизии, построенной согласно приказу № 220. Таким образом, штаб 2-й армии оказался перед фактом переформирования бригады в дивизию, хотя и одобренного Наркомвоенном Украины, но проданного приказом не сверху, а снизу, причем издав этот приказ, начштаба дивизии Махно телеграфно просил штаб армии об его утверждении.

Об этом факте было донесено 21 числа Южфронту и ввиду получения ответа и ввиду полученного 22 мая приказа тов. Троцкого о взятии курса твердой определенной политики по отношению к бригаде Махно, Реввоенсовет 2-й армии считает необходимым сообщить об этом Реввоенсовету Южфронта по прямому проводу и просит немедленного ответа как поступить: признать ли совершившийся факт... или же не признавать и издать приказ, которым это переформирование отменяется, и бригада Махно продолжает считаться только 3-й бригадой 7-й дивизии (между прочим единственной бригадой 7-й дивизии, ибо других бригад 7-й дивизии не существует).

Реввоенсовет 2-й армии, несмотря на категорическое требование тов. Троцкого недопустимости такого переформирования, стоит на точке зрения необходимости его признания по следующим причинам:

Реввоенсовет 2-й армии отлично знает, что бригада Махно представляет из себя крестьянскую массу, пропитанную мелкобуржуазными левозеро-коммунистическими тенденциями, совершенно противоположными государственному коммунизму, в таком же противоположном направлении ведут махновщины войска их вожди, и потому столкновение между махновщиной и коммунизмом рано или поздно неизбежно. Это учитывалось командованием 2-й армии уже давно, и еще при образовании бригады Махно командарм 2 были даны ей итальянские винтовки с тем расчетом, чтобы в случае надобности имелась возможность оставить их без патронов. Но Реввоенсовет 2-й армии убежден, что до тех пор пока общий враг хотя и мелкобуржуазного, но, безусловно, революционного крестьянства и коммунизма — монархическая реакция не будет окончательно побеждена, пока добровольческо-казацкие войска не будут оттеснены за Кубань, вожди махновщины не пойдут и не будут иметь возможности идти против Советской власти с оружием в руках, а потому до тех пор мы можем использовать войска Махно в борьбе с добровольцами, в то же время внутренней работой в них постепенно обращая их в более регулярные и более пропитанные духом коммунизма.

В этом отношении переформирование бригады Махно в дивизию может быть благоприятным для внутренней работы в ней, ибо дает повод прислать большое количество своих политических работников и лиц командного состава и сделать вновь образующиеся штабы бригады органами своего влияния. Без образования дивизии про-

никновение наших работников более затруднено, ибо должности в существующем штабе бригады уже заняты местными людьми.

В смысле увеличения сил переформирование бригады в дивизию ничего Махно не дает. При бригаде или при дивизии все равно Махно принадлежит весь Гуляйпольский район со всем его населением. Это население выделяет из себя около 20 тыс. вооруженных людей, которые составляют бригаду Махно, и которые будут составлять и дивизию Махно.

...Конечно, такая политика является соглашательской, но при настоящем положении на Украине, при весьма слабо укоренившихся в деревнях советских учреждениях и при общем настроении всех украинских войск очень близком настроению махновских, иная политика является почти что невозможной, и соглашательскую политику по отношению к Махно вели до сих пор все украинские центры, Наркомвоен и командование Украинского фронта. Резкая перемена политики сейчас, которая первым делом выразится в отмене одобренного наркомвоенном Межлауком переформирования бригады Махно в дивизию, заставит Махно настояться и возможно сократить действия на белом фронте, экономя свои войска и огнестрельные запасы для отпора возможного нападения с нашей стороны.

Сокращение Махно боевых действий на белом фронте, конечно, поведет к увеличению нажима со стороны белых на другие части Южфронта и ухудшит общее положение. Южфронт начнет требовать более энергичных действий со стороны Махно, Махно начнет не исполнять боевые приказы, и дело очень быстро придет к открытому разрыву между нами и Махно.

Если Южфронт и РВС Республики считают, что сейчас наступил момент решительной политики по отношению к Махно, то приказ об отмене самочинного переформирования бригады Махно в дивизию будет первым шагом такой политики, но, раз начавшись, такая политика приведет к вооруженному столкновению с Махно.

Предвидя же вооруженное столкновение, следует помнить, что вся 2-я Украинская армия только и состоит сейчас из бригады Махно, что украинские части из других армий, все спрощь вышедшие из повстанческих отрядов, не пойдут против Махно, и что для ликвидации Махно необходимо иметь не менее двух хорошо вооруженных и полных численных русских дивизий.

Если такие реальные силы имеются в запасе Южфронта, то тогда можно начинать решительную политику с Махно, и как первый шаг ее отклонить переформирование бригады в дивизию.

Если же нет, то предьявлять ультиматумы, не поддержанные реальной силой в случае неподчинения, только окончательно терять свою власть и влияние, и тогда остается утвердить переформирование бригады в дивизию и продолжать вести ту же соглашательскую по отношению к Махно политику, которую вело до сих пор Украинское правительство и командование Украинского фронта.

Представляя все вышеизложенное на усмотрение командования Южного фронта, просим экстренного ответа, который бы определил раз навсегда линию политики по отношению к Махно и положил бы конец колебаниям.

23 мая 1919 г.

Реввоенсовет 2-й Украинской армии
Скачко, Дуцко

ДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ОПЕРАТИВНО-ПОЛЕВОГО ШТАБА
1-й ЗАДНЕПРОВСКОЙ ДИВИЗИИ РОДИОНОВА
КОМАНДУЮЩЕМУ 2-й УКРАИНСКОЙ АРМИЕЙ А. СКАЧКО
О СОСТАВЕ ДИВИЗИИ 27 МАЯ 1919 г.

Доносу, что 1-я повстанческая Заднепровская дивизия состоит из следующих частей:

Начальник дивизии батько Махно, начальник штаба — Озеров, начальник оперативно-полевого штаба Родионов.

Первая бригада: Комбриг Куриленко, начштаба Бочаров. 1-я бригада имеет три полка: 1-й повстанческий, 2-й Мариупольский и 8-й Заднепровский советский Украинский. Количество штыков 7300, 300 — кавалерии, 250 чел. пулеметной команды.

Вторая бригада: Комбриг Билаш, начальник штаба Давыдов. Бригада имеет три полка пехоты, два — кавалерии: 5-й Игнатьевский повстанческий, 4-й Керменчикский, 6-й Донской, 1-й кавалерийский советский и 1-й кавалерийский повстанческий. Всего 10 000 штыков и кавалерии — 2000.

Третья бригада: Комбриг Антощенко, начштаба Шевлюк. Бригада состоит из трех полков и одного батальона: 1-й Больше-Михайловский, 3-й Григорьевский Криворожский, 7-й Заднепровский пехотный полк и 1-й Берестовский ударный батальон. Штыков 3000.

Артиллерийский дивизион при 7 орудиях.
Примечание: Дивизия имеет такое же количество резерва, но не имеет оружия. Кавалерия — третья часть только имеет шашки. Одна половина вышеуказанных штыков имеет разных систем винтовки, как то: „маньякер“, „маузер“, итальянские. Из всего количества одна четвертая часть винтовок старого образца системы Гра.

Начальник оперативно-полевого штаба
1-й Заднепровской повстанческой дивизии Родионов.

Л. ТРОЦКИЙ. МАХНОВЩИНА

Есть советская Великороссия, есть сов-кая Украина. А рядом с ними существует одно малоизвестное государство: это — Гуляй-Полё. Там правит штаб некоего Махно. Сперва у него был партизанский отряд, потом бригада, затем, кажется, дивизия, а теперь все это перекашивается чуть ли не в особую повстанческую

„армию”. Против кого же восстают махновские повстанцы? Вот на этот вопрос надо дать и ясный ответ: ответ словом и ответ делом.

Махно и его ближайшие единомышленники почитают себя анархистами и на этом основании „отрицают” государственную власть. Стало быть, они являются врагами Советской власти? Очевидно, ибо Советская власть есть государственная власть рабочих и трудовых крестьян.

Но махновцы не решаются открыто сказать, что они против Советской власти. Они хитрят и виляют: Советскую власть на местах они, мол, признают, но центральную власть отрицают. Однако же все местные советы Украины признают центральную власть, которую они сами выбрали.

Стало быть, махновцы на деле отрицают не только центральную украинскую власть, но и власть всех местных украинских советов. Что же они признают? Они признают власть Гуляй-польских махновских советов, т. е. власть анархического кружка на том месте, где ему удалось временно укрепиться. Вот и вся разгадка политической премудрости махновщины.

Однако же махновской „армии” нужны патроны, винтовки, пулеметы, орудия, вагоны, паровозы и... деньги. Все это сосредоточено в руках Советской власти, вырабатывается и распределяется под ее руководством. Стало быть, махновцам приходится обращаться к той самой власти, которой они не признают, с просьбой то о деньгах, то о патронах. Но так как махновцы вполне основательно опасаются, что Советская власть может их лишить всего того, без чего они жить не могут, то они решили обеспечить свою независимость, захватив в свои руки большие богатства страны, чтобы затем вступить в „договорные” отношения с остальной Украиной.

В Мариупольском уезде много угля и хлеба. А так как махновцы висят на мариупольской железной ветке, то они отказываются отпускать уголь и хлеб иначе, как в обмен на разные припасы. Выходит так, что отрицая „государственную власть”, созданную рабочими и крестьянами всей страны, махновские верхи организовали свою собственную мелкую, полу-разбойничью власть, которая осмеливается стать поперек дороги Советской власти Украины и всей России. Вместо целесообразно организованного хозяйства страны по общему плану и замыслу и вместо артельного социалистического, равномерного распределения всех необходимых продуктов махновцы пытаются установить хозяйничанье шайек и банд: кто что захватил, тот им и владеет, а потом выменяет на то, чего ему не хватает. Это не продуктообмен, а товарограбж.

Махновцы кричат: „долгой партийность, долгой коммунистов, да здравствуют беспартийные советы!” Но ведь это же жалкая ложь! Махно и его соратники вовсе не беспартийные. Они все принадлежат к анархическому толку и рассылают циркуляры и письма, скликаая анархистов в Г.-П. для организации там своей анархической власти.

Если они выкидывают флаг беспартийности, то только для того, чтобы пустить пыль в глаза самым темным и отсталым крестьянам, которые в партиях не разобрались. На деле же б/партийность служит лучшим прикрытием для кулацких элементов. Открыто признать свою принадлежность к партии черносотенцев кулаки не смеют, ибо боятся расправы. Поэтому они охотнее всего выставляют напоказ свою беспартийность.

Беспартийностью же ныне прикрываются эсеры, худшая часть меньшевиков, кадеты и все вообще контрреволюционеры, которым в натуральном виде слишком опасно показываться на улице.

Коммунисты не прячут своего лица и не свертывают своего знамени. Они открыто выступают перед трудовым народом, как партия.

Контрреволюционеры всех мастей ненавидят коммунистическую партию. Такое же чувство питают к коммунистам и махновцы. Отсюда глубочайшие симпатии всех погромщиков и черносотенных прохвостов к „беспартийному” знамени махновцев. Гуляй-польские кулаки, мариупольские спекулянты с восторгом подпевают махновцам: „мы не признаем государственной власти, которая требует угля и хлеба. Что мы захватили, тем и владеем...” В этом отношении, как и во всех остальных, махновцы ничем не отличаются от григорьевцев. Григорьев тоже восстал против центральной власти во имя местных беспартийных советов, т. е. против организованной воли всего раб. класса, во имя отдельных кулацких групп и банд. Недаром же, поднимая знамя дикого погромного мятежа и принимаясь истреблять коммунистов, Григорьев призывал „батьку” Махно заключить с ним пограничный союз. Правда, Махно воздержался. Но никак не по принципиальным причинам. На Гуляй-польском съезде анархистов. Махно открыто призывал к восстанию против Советской власти. Если он не восстал вместе с Григорьевым, то только потому, что побоялся, понимая, очевидно, всю безнадежность открытого мятежа.

„Армия” Махно — это худший вид партизанщины, хотя в ней немало есть хороших рядовых бойцов. Никакого намека на порядок и дисциплину в этой „армии” не найти. Никакой организации снабжения. Продовольствие, обмундирование, как попало. Сражаются, где попало, расходуются, как попало. Эта „армия” тоже по вдохновению. Никаких приказов она не выполняет. Отдельные группы наступают, когда могут, т. е. когда нет серьезного сопротивления, а при первом малочисленному врагу стантеля бросаются врассыпную, сдавая малочисленному врагу станицы, города и военное имущество. Вина за это целиком падает на бестолковых и беспутных анархических командиров.

В этой „армии” командиры выборные. Махновцы с хрипом кричат: „долгой назначенцев!” Этим они только вводят в обман темную часть собственных солдат. О назначенцах можно было говорить при буржуазном строе, когда царские чиновники или буржуазные

министры назначали по своему усмотрению командиров, державших солдатскую массу в подчинении буржуазным классам. Теперь у нас нет другой власти, кроме власти выборных от всего рабочего класса и трудового крестьянства. Следовательно, командиры, назначенные центральной Советской властью, поставлены волей трудовых миллионов. Махновские же командиры отражают интересы ничтожной анархической кучки, опирающейся на кулаков и темноту.

Противонародный характер махновщины ярче всего сказывается на том, что Гуляй-польская „армия“ так и называется: „армия Махно“. Здесь вооруженные люди объединяются не вокруг программы, не вокруг идейного знамени, а вокруг лица. Совершенно то же было и у Григорьева. В советской Украине и советской России полки и дивизии являются орудием в руках всего рабочего класса. В Гуляй-польском государстве вооруженные отряды являются орудием в руках гражданина Махно. К чему это приводит — мы видали. Личная „армия“ атамана Григорьева сперва шла с петлюровцами, потом присоединилась к Советской власти, затем во главе с Григорьевым восстала во имя самого Григорьева. Темные, обманутые беспартийностью, вооруженные массы становятся слепым орудием в руках авантюристов.

Таково Гуляй-польское государство и гуляй-польская „армия“. Поскобли махновца — найдешь григорьевца. А чаще всего и скоблить-то не нужно: оголтелый, лающий на коммунистов кулак или мелкий спекулянт откровенно торчит наружу.

Советская власть — это диктатура рабочего класса, который государственную власть превратил в орудие социалистического переустройства. В то же время Советской власти приходится ограждать социалистическую страну от бешеного натиска буржуазии. Мыслимо ли при этом допускать на территории советской республики существование вооруженных банд, которые объединяются вокруг атаманов и батек, не признают воли рабочего класса, захватывают, что хотят и воют, с кем хотят? — Нет, с этим анархо-кулацким развратом пора кончить, кончить твердо, раз навсегда, так, чтобы никому больше повадно не было!

2 июня 1919 г.
Купянск-Харьков
Газ. „В пути“ № 51.

**ПРИКАЗ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕВВОЕНСОВЕТА РЕСПУБЛИКИ
И НАРКОМВОЕНМОРА № 106 6 ИЮНЯ 1919 г.
ст. БАЛАКЛЕЯ**

Пользуясь временным отступлением наших частей, негодяи, провокаторы, агенты Деникина подняли голову и действуют вовсю. Они пускают темные слухи, сеют панику, ведут агитацию

против Советской власти и поставленного ею командного состава, подбивают солдат на неисполнение боевых приказов и на покидание боевых постов.

Обстановка на фронте требует полного напряжения сил, порядка, дисциплины и строгого выполнения долга.

Интересы рабочей и крестьянской советской Украины и всей советской федеративной республики требуют беспощадных мер расправы с изменниками и предателями, подрывающими силу Красной Армии.

Объявляю, что для этой цели создан чрезвычайный Военно-революционный Трибунал под председательством члена Украинского Совета Народных Комиссаров товарища Пятакова.

Трибуналу даны чрезвычайные полномочия для расправы над всеми врагами советской страны и советской армии — независимо от занимаемого ими положения и выполняемой ими работы...

Командиры и комиссары полков, начальники эшелонов должны тщательно следить за теми негодями, которые проникают в среду красноармейцев и пускают подлые слухи об измене командиров для того, чтобы таким путем поддержать шкурников и подбить трусов к отступлению.

Честные товарищи красноармейцы должны оказывать в этом советским властям необходимое содействие.

Кулацкие сынки, горланы, григорьевцы, махновцы, проникающие в среду Красной Армии должны быть беспощадно раздавлены.

Предупреждаю, что врагам народа и их попустителям и потатчикам пощады не будет. Каленым железом рабочая и крестьянская власть выжжет язву провокации, григорьевщины и махновщины.

Смерть шкурникам негодяям!

Да здравствуют честные борцы рабочей и крестьянской Красной Армии!

Председатель РВСР Л. Троцкий.

**ПРИКАЗ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕВВОЕНСОВЕТА РЕСПУБЛИКИ
И НАРКОМВОЕНМОРА № 107 6 ИЮНЯ 1919 г.
ст. БАЛАКЛЕЯ**

Группа лиц, объединенных вокруг партизана Махно, встала на путь изменника и предателя Григорьева и приступила к организации заговора против Советской власти. Эта банда из Гуляй-Поля осмелилась назначить на 15 июня съезд анархо-кулацких делегатов для борьбы с Красной Армией и Советской властью.

Этот съезд запрещен. Объявляю, что всякий участник съезда будет рассматриваться, как изменник, который в ближайшем тылу

наших красных войск организует заговор и открывает ворота врагу.

Махновцы призывают к себе из других частей и армий перебежчиков.

Объявляю:

Всем военным властям и заградительным отрядам, высланным по моему распоряжению, отдан приказ ловить всех тех предателей, которые самовольно покидают свои части и перебегают к Махно, и предавать их Революционному трибуналу, как дезертиров, для суда по законам военного времени.

Им кара может быть одна — расстрел.

Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом мне приказано навести порядок на фронте в Донецком бассейне и в ближайшем тылу. Объявляю, что этот порядок будет наведен железной рукой. Враги рабочей и крестьянской Красной Армии, шкурники, кулаки, погромщики, махновцы, григорьевцы будут беспощадно раздавлены регулярными стойкими, надежными частями.

Да здравствует революционный порядок, дисциплина и борьба с врагами народа!

Да здравствует советская Украина и советская Россия!

Председатель РВСР П. Троцкий.

**ПРИКАЗ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕВВОЕНСОВЕТА РЕСПУБЛИКИ
И НАРКОМВОЕНМОРА № 108 8 ИЮНЯ 1919 г.**

**Прочсть во всех полках, ротах,
эскадронах, командах**

Конец махновщине!

Кто является виновником наших последних неудач на Южном фронте, в особенности в Донецком бассейне?

Махновцы и махновщина.

На словах эта братва сражается со всем миром и побеждает всех врагов, но когда дело доходит до боя, махновские командиры бесстыдно покидали вверенные им позиции и бессмысленно откатывались назад на многие десятки вост...
Махновцы предательски обнажили правый фланг Донецкого фронта и тем самым нанесли тяжелый удар ближайшей армии.

Мало того, махновцы принялись разлагать соседние части: из штаба Махно рассылались агитаторы по соседним полкам с призывом не подчиняться установленному Советской властью командованию, а переходить на махновское положение, т. е. в ряды бесшабашной, разнузданной, небоеспособной махновской партизанщины.

Гуляй-польские заправилы пошли еще дальше. Они назначили на 15-е июня съезд воинских частей и крестьян пяти уездов для открытой борьбы против Советской власти и того порядка, какой установлен в Красной Армии.

Терпеть дальше подобное издевательство со стороны зарвавшейся банды стало невозможным. Если бы дать махновцам осуществить их план, мы имели бы новое Григорьевское восстание из Гуляй-польского гнезда.

Ввиду этого центральная военная власть категорически воспретила съезд и направила надежные честные воинские части для наведения порядка в районе махновщины.

Правда, немало еще осталось шкурников и громил, которые в разных частях называют себя махновцами и стремятся проникнуть поближе к Гуляй-Полю: там нет дисциплины, там нет обязанности честно сражаться с врагами рабочего народа, стало быть для труса и бездельника — рай земной.

Но после устранения Махно от военного дела махновщине будет положен конец суровой рукой...

Рабочему классу и крестьянству нужна полная, решительная и скорая победа над белогвардейской армией помещиков и капиталистов. Эту победу нам дадут стройные регулярные красные полки, спаянные железной внутренней дисциплиной и готовые беззаветно бороться и умирать за счастье трудового народа.

При поддержке всех сознательных рабочих и честных трудовых крестьян мы такую армию создадим.

Долой шкурников и мародеров!

Долой трусов и громил!

Долой григорьевцев и махновцев!

Да здравствует честная рабочая и крестьянская Красная Армия!

Председатель РВСР Л. Троцкий.

* * *

ТЕЛЕГРАММА Н. МАХНО

**КОМАНДУЮЩЕМУ 2-й УКРАИНСКОЙ
КРАСНОЙ АРМИЕЙ А. СКАЧКО**

КОПИЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЮ РВСР ТРОЦКОМУ 6 ИЮНЯ 1919 г.

Пока я чувствую себя революционером, считаю долгом своим, не считаясь ни с какой несправедливостью, обличающей меня в нечестности к нашему общему делу революции, предложить немедленно же прислать ко мне хорошего военного руководителя, который бы, ознакомившись при мне на месте с делами, мог принять от меня командование дивизией. Считаю, что должен это сделать как революционер, ответственный за всякий нечестный шаг.

по отношению к революции и народу, когда его обличают в со-
вах съездов, в подготовке какого-то выступления против совет-
ской республики.

Начдив Батько Махно.

**ПРИКАЗ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕВВОЕНСОВЕТА РЕСПУБЛИКИ
И НАРКОМВОЕНМОРА № 112 18 ИЮНЯ 1919 г. г. ХАРЬКОВ***

**Суровая кара над дезертирами, махновцами,
дезорганизаторами и предателями рабочей
и крестьянской Красной Армии**

Деникинские помещичье-буржуазные банды угрожают сейчас
екатеринославским, харьковским, полтавским, курским и воро-
нежским рабочим и крестьянам. Южный фронт наш пошатнулся.
Кто виноват? Кто открыл ворота контрреволюционным бандам, со-
бирающимся отнять землю у крестьян и надеть ярмо на рабочих?
Ворота открыты изменниками, дезертирами, григорьевцами, анар-
хо-бандитами, махновцами, не желающими признавать никакого
порядка, никакой дисциплины в рядах армии.

Чрезвычайный Военный Революционный Трибунал под предсе-
дательством Украинского Народного Комиссара товарища Пята-
кова рассмотрел дело о предателях-махновцах, сперва пытавших-
ся подорвать рабочую и крестьянскую власть на Украине, а потом
открывших ворота заклятым врагам трудового народа.

Трибунал сурово наказал изменников и предателей. Такая же
кара постигнет всех, кто подрывает сплоченность, дисциплину,
боеспособность армии. Махновский штаб уничтожен, но яд мах-
новщины еще не истреблен. Еще отдельные агенты предательства
подбивают красноармейцев на бессмысленные отступления. Еще
там и сям на южном фронте целые полки самовольно покидают
позиции и бесчинствуют в пути.

Чрезвычайный Военный Революционный Трибунал своим при-
говором свидетельствует, что Советская власть справится с раз-
ложением и развратом и сотрет виновников с лица земли.

Объявляя приговор по делу предателей-махновцев, приказываю
огласить и разъяснить его во всех ротах, эскадронах, батареях,
командах армий, действующих на Донецком фронте.

Председатель РВСР Л. Троцкий.

*Мотивом для издания приказа стал смертный приговор по делу
членов штаба Махно: Михалева-Павленко, Бурбыги, Олейника, Коробко,
Костина, Полунина и Добролюбова, вынесенный Чрезвычайным Трибу-
налом 17.VI 1919 г. - В. В.

**СООБЩЕНИЕ КРАСНОЙ КОНТРРАЗВЕДКИ
ОБ УБИЙСТВЕ МАХНОВЦАМИ АТАМАНА ГРИГОРЬЕВА**

Начальнику гарнизона ст. Знамянка
тов. Пухину
контрразведки гарнизона

Донесение

1919 года, 26 июля, мы были посланы в разведку в штаб Гри-
горьева, который находился в селе Сентово Елисаветградского
уезда Херсонской губернии. Мы прибыли туда 27-го июля, где
и поместились. Находясь почти что вдалеке от штаба Григорьева,
мы заметили, что между солдатами Махно и Григорьева ходило
какое-то расстройство по отношению к Григорьеву.

27 сего июля в 4 часа вечера раздался в штабе Григорьева
выстрел один, затем второй. Мы подошли ближе, оказалось, что
командир полка из штаба Махно Каретников застрелил самого
атамана Григорьева, но он еще не был убит, а ранен в грудь
двумя пулями и еще, выскочив на улицу, пробежал сажень
восемь и отстреливался из двух револьверов. Сзади подъехали
кавалерист из штаба Махно и ударил его шашкой в полость рта,
и он упал и тут же скончался. После этого кавалеристы атамана
Махно еще на наших глазах расстреляли командира полка Бон-
даря из штаба атамана Григорьева и его адъютанта. После этого
самого Григорьева труп взяли на фурманку и вывезли в обрыв,
где бабы деревенские брали глину для мази домов. Кавалерия
атамана Махно после этого обезоружила остальную часть солдат
атамана Григорьева и они разбежались. Солдаты Махно собрали
митинг и начали осквернять Григорьева как бандита и авантюри-
ста, и все единогласно заявили, что власть должна быть советская
и фронт единый с Красной Армией.

Отряд Махно совместно со своей кавалерией и пулеметами на-
правился на село Федварь Елисаветградского уезда Херсонской
губернии.

Главная задача Махно и его отряда проникнуть в глубь Украи-
ны. 28 июля с. г. мы оттуда отправились.

(подписи)

**ПЕРЕХВАТ ТЕЛЕГРАММЫ МАХНО,
СООБЩАЮЩЕЙ ОБ УБИЙСТВЕ АТАМАНА ГРИГОРЬЕВА**

Из ст. Бобринской Киев.

Из Виски перехвачена телеграмма следующего содержания:
Вне очереди. Адрес III.

Выписка из резолюции № 4 общего собрания общего совета
партизанов Херсонщины, Таврии и Екатеринославщины с команд-
ным составом 28 июля 1919 г.

Считать убийство атамана Григорьева 27 июля 1919 г. в с. Сентово Александровского уезда Херсонской губернии идейными представителями повстанцев батько Махно необходимым и нужным фактом истории, ибо политика его (Григорьева), действия и намерения его были контрреволюционны, что доказывают еврейские погромы и вооружение кулаков. Считаем соединение армии его и батько Махно необходимым для того, чтобы забрать у него всех честных партизанов, борющихся за революционную идею, но по темноте своей идущих слепо за ним.

Имеем надежду, что после этого не будет кому санкционировать еврейские погромы... исторические последствия за этот расстрел Махно считает своим революционным долгом взять на себя.

Долой еврейские погромы, да здравствует солидарность на родностей!

Да здравствует народное повстанчество Украины!

Да здравствует Социалистическая Советская республика!

Да здравствует социализм!

Председатель собрания Батько Махно.
Секретарь Шевченко.

ПРИКАЗ № 1

КОМАНДУЮЩЕГО РЕВОЛЮЦИОННОЙ
ПОВСТАНЧЕСКОЙ АРМИЕЙ УКРАИНЫ БАТЬКО МАХНО

Всем командирам. По пехоте: корпусов, бригад, полков, батальонов, рот, взводов, отделений. По кавалерии: бригад, полков, эскадронов и взводов. По артиллерии: дивизионов, батарей и полубатарей. Всем начальникам штабов, гарнизонов, всем комендантам. Всем без исключения повстанцам-революционерам.

1. Задачей нашей революционной армии и каждого повстанца, в нее вступившего, является честная борьба за полное освобождение трудящихся Украины от всякого порабощения. Поэтому каждый повстанец обязан помнить и следить за тем, что среди нас не может быть места лицам, стремящимся за спиной революционного повстанчества к личной наживе, к разбою или к ограблению мирного еврейского населения.

2. Каждый революционный повстанец должен помнить, что как его личными, так и всенародными врагами являются лица богатого буржуазного класса, независимо от того, русские ли они, евреи, украинцы и т. д. Врагами трудового народа являются также те, кто охраняет буржуазный несправедливый порядок, т. е. советские комиссары, члены карательных отрядов, чрезвычайных комиссий, разъезжающие по городам и селам и истязующие трудовой народ, не желающий подчиниться их произвольной диктатуре. Представителей таких карательных отрядов, чрезвычайных комиссий и других органов Народного порабощения и угнетения каждый повстанец обязан задерживать и препровождать в штаб армии,

а при сопротивлении – расстреливать на месте. За насилия же над мирными тружениками, к какой бы национальности они ни принадлежали, виновных постигнет позорная смерть, недостойная революционного повстанца.

3. Всякие самочинные реквизиции и конфискации, а также замена у крестьян лошадей и бричек, без бумаг от начальника снабжения, воспрещаются под страхом суровой ответственности. Каждому повстанцу надлежит помнить, что самовольные реквизиции привлекают в ряды повстанческой армии самых отъявленных хулиганов, стремящихся лишь к наживе, дают им возможность, под именем революционных повстанцев, творить подлые дела, позорящие наше революционное освободительное движение.

Призываю всех повстанцев-партизан самим следить за порядком и честью истинно революционной повстанческой армии, борясь со всякой несправедливостью, как в своей среде, так и в среде защищаемого нами трудового народа. Не может быть несправедливости в нашей среде. Не может быть обиды от нас ни одному сыну и дочери трудового народа, за который боремся. И всякий, кто это допустит, покрывает себя позором и навлекает на себя кару народной революционной армии.

4. В интересах революции и правильной борьбы за наши идеалы необходима во всех частях самая серьезная товарищеская дисциплина. Необходимы полное уважение и послушание в военном деле вами избранным себе командирам. Этого требует вся серьезность выпавшего на нас великого дела, которое мы с честью доведем до конца и которое, при отсутствии между нами дисциплины, мы погубим. А потому вменяю в обязанность всем командирам частей ввести совместно с повстанцами строжайшую в своей среде и в своем деле дисциплину.

5. Пьянство считается преступлением. Еще большим преступлением считается показываться повстанцу революционной армии в нетрезвом виде на улице.

6. При переездах из одного села в другое каждый повстанец должен быть в полной боевой готовности. Отношение к мирному населению в селах и пути должно быть, прежде всего, вежливое, товарищеское. Помните, товарищи командиры и повстанцы, что мы – дети великого трудового народа, каждый труженик и труженица являются нашим братом и сестрою. Дело, за которое мы боремся – великое дело, требующее от нас неутомимости, великодушия, братской любви и революционной чести. Поэтому призываю всех повстанцев-революционеров быть истинными друзьями народа и верными сынами революции. В этом наша сила и залог победы.

Командующий революц. повстанческой армией Украины
Батько Махно

Местечко Добровеличковка, Херсонской губ.
5-го августа 1919 г.

* * *

**ПРОЕКТ ДЕКЛАРАЦИИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ
ПОВСТАНЧЕСКОЙ АРМИИ УКРАИНЫ (МАХНОВЦЕВ)
(Принят Военно-Революционным Советом армии
на заседании 20-го октября 1919 года)**

Трудящиеся классы Украины стоят ныне перед лицом событий громадной важности и величайшего исторического смысла. Несомненно, значение этих событий выходит далеко за пределы самой по себе революционной повстанческой армии. Но повстанческая армия, будучи передовым отрядом в развертывающейся борьбе, считает своим долгом раскрыть перед трудящимися Украины, всей России и всего мира как те цели, за которые она борется, так и смысл событий, естественным средоточием которых она в настоящее время является.

В феврале-марте 1917 г. Украина, вместе с Великороссией, пережила первую революцию, сущность которой заключалась в падении романовского самодержавия и в переходе политической государственной власти сперва к группе лиц из класса крупной земельно-промышленной буржуазии, а затем — к группе деятелей из мелкобуржуазного и соглашательского лагеря.

В силу целого ряда условий, ни та, ни другая власть не могли оказаться и не оказались прочными. Всего восемь месяцев понадобилось для того, чтобы оттолкнуть революционные массы от того и от другого правительств, не имевших ничего общего с интересами и стремлениями трудящихся.

Уже с июля 1917 г. определенно назревает вторая революция. Она разражается в конце октября. Она вручает государственную власть в руки крайней левой политической партии социал-демократов большевиков (коммунистов), считавших себя партией революционного пролетариата и беднейшего крестьянства, партией социальной революции.

С самого начала событий, эта партия вела длительную борьбу за политическую власть со всеми другими партиями. Ее общие лозунги совпадали с инстинктивными стремлениями трудящихся масс, которые и поддерживали ее в решительный момент.

Таким образом, восьмимесячный опыт смены буржуазно-соглашательских правительств и восьмимесячная борьба между различными политическими партиями за государственную власть заканчиваются победой партии коммунистов, которая и становится у власти в конце октября 1917 г.

Но уже очень скоро начинает делаться ясным, что и эта партия, что и эта власть, — подобно всякой партии и всякой власти, — будучи сама по себе абсолютно бессильной в деле осуществления великих задач социальной революции, в то же время парализует свободную творческую деятельность самих трудовых масс, единственно способных разрешить эту задачу. Делается ясным, что, прибирая к своим рукам (формально — к рукам государства) всю

хозяйственную и общественную жизнь, неизбежно создавая новые политические и экономические привилегии, эта партия и эта власть убивают в корне социальную революцию.

Бессилие коммунистической партии у власти вывести трудящихся на истинный путь борьбы за социализм вызывает естественное разочарование, недовольство и озлобление широких трудовых масс против этой партии и этой власти. Полный развал хозяйственной жизни и, в связи с этим, нелепая крестьянская политика власти создают серьезное и повсеместное брожение в деревне.

В Великороссии власть успевает, однако, быстро организовать крепкий государственный аппарат и покорную вооруженную силу, при помощи которых она, как и всегда, временно оказывается в силах железной рукой подавить всякие проявления народного недовольства.

Иначе складываются обстоятельства на Украине.

Прежде, чем украинские трудовые массы успевают разочароваться в деятельности коммунистической власти, — Украина захватывается австро-германцами и попадает под пяту сперва гетманской, а затем петлюровской власти. Насилие этих властей приводит здесь к взрыву народного негодования, к новому возмущению против самой идеи власти и к широкому партизанскому (повстанческому) движению, проникнутому истинным революционным духом — беспартийным и безвластным... По уходе австро-германцев, революционные повстанцы рядом сильных ударов очищают всю Украину от гетманины и петлюровщины, снова открывая дорогу коммунистической власти, которая и водворяется здесь весной 1919 г.

Разочарование наступает с необыкновенной быстротой. Уже через месяц недовольство и озлобление трудовых масс, — как рабочих, так и, в особенности, крестьянских — сказываются в полной силе. Целые районы (Екатеринославщина, Таврия) начинают все более и более определенно стремиться к свободной общественно-хозяйственной организации, на основе беспартийной деятельности. Эти районы не допускают в своих пределах никакой деятельности политических властей. К концу лета — вся Украина кипит крестьянскими восстаниями и широким повстанческим движением против не оправдавшей доверия масс коммунистической партии. Надвигается третья революция, которая в настоящее время уже началась, в которую Украина ныне уже вступила... Третья революция уже началась, в которую Украина ныне уже вступила...

В то же время, снова поднимается волна реакции. Третья революция сталкивается с попыткой восстановления монархии. Надеясь еще раз овладеть положением и суметь сломить все враждебные силы (и революционно-повстанческую, и реакционную), коммунистическая власть подготавливает и осуществляет, при посредстве денкинского наступления, предательский разгром главного ядра революционного повстанчества — армии Махно. Но

государственный и военный аппарат коммунистической власти, не успев, в свое время, утвердиться и окрепнуть на территории Украины, оказывается не в силах ни заменить собою предупредившее его и успевшее пустить здесь глубокие корни вольное повстанческое движение, ни совершенно раздавить это движение, ни вовремя ликвидировать деникинское наступление. Повстанческая армия выходит из тяжелого испытания хотя и поколебленной, но не разбитой. Будучи выбита из родных мест, она стремится, во что бы то ни стало, сохранить себя, переправляется на время в другие районы и продолжает жестокую борьбу с деникинскими силами, обманувшими расчеты Троцкого и нанесшими революции тягчайший удар. Коммунистический аппарат оказывается вынужденным очистить поле борьбы и предоставить (по крайней мере, на время) защиту революции на Украине живому партизанскому движению революционных повстанцев.

В настоящее время Украина пылает пожаром крестьянских восстаний и революционно-повстанческой борьбы против реакции. Наряду с этим, в борьбу между начинающейся, таким образом, третьей революцией и монархической реакцией снова вмешивается еще одна сила, уже знакомая украинскому трудовому народу: буржуазно-республиканское правительство Петлюры. Нетрудно видеть (и трудящиеся классы уже более или менее понимают это), что и эта сила, неся с собою новую политическую власть, несет, следовательно, новый политический и экономический гнет, новое насилие над стремящимися к свободному строительству крестьянскими и рабочими массами. Решительное столкновение между идеей вольной, безвластной организации (идеей, воспринятой уже значительными массами Украины) и идеей политической власти (монархической ли, коммунистической, или же буржуазно-республиканской) становится, таким образом, неизбежным. Будущее покажет, кто выйдет победителем в борьбе.

Таков в сжатых чертах тяжелый революционный опыт, пережитый нами, повстанцами-махновцами, за два с половиной года революции. Нам остается прибавить, что, как в нашем районе, так и в других местах, мы бывали свидетелями и участниками успешных попыток безвластной общественно-хозяйственной организации, без вмешательства какого бы то ни было правительства. Все такие попытки ликвидировались при посредстве прямого вооруженного насилия со стороны того или иного правительства.

В результате этого тяжелого, но поучительного опыта, а также в силу некоторых соображений теоретического характера, мы, прежде всего, заявляем определенно и открыто следующее:

Опыт революции непоколебимо убедил нас в том, что никакая политическая партия и никакая политическая государственная власть не в силах разрешить великие задачи нашего времени, не в силах привести к восстановлению и организации разрушенного народного хозяйства, не в силах осуществить стремления и удовлетворить нужды трудовых масс.

Мы убеждены, что, вследствие того же пережитого и переживаемого опыта, значительные массы украинских крестьян и рабочих подошли уже ныне к тому же выводу и не потерпят, на сколько-нибудь продолжительное время, никакого политического гнета над собою.

Мы находим, что, в недалеком будущем, все трудящиеся классы придут к тому же выводу; что они должны будут и сумеют сами взяться за строительство своей трудовой, хозяйственной, общественной и культурной жизни на свободных началах, без опеки, без давления и диктаторства какой бы то ни было личности, партии или власти.

Мы заявляем поэтому, что разворачивающееся ныне народное повстанческое движение на Украине является началом великой третьей революции, стремящейся к окончательному раскрепощению трудящихся масс от всякого гнета власти и капитала — как частного, так и государственного.

Мы заявляем, что наша повстанческая махновская армия является лишь боевым ядром этого революционного народного движения на Украине, — ядром, призванным организовать вокруг себя все революционные повстанческие силы и помочь восставшему народу в его борьбе против всяких покушений со стороны власти и капитала.

Мы заявляем, что смысл и значение событий на Украине должны сосредоточиваться не на нашей армии, как на таковой, а на том широком народном движении, которое разворачивается на Украине и оборонительно-боевой силой которого является наша армия.

Украина стоит на пороге подлинной крестьянской и рабочей революции. Таков основной смысл происходящих событий. Мы, повстанцы-махновцы, — лишь дети этой революции, ея слуги и защитники.

И когда революция эта, разгоревшись полным пламенем, охватит собою всю трудовую Украину и освободит ее от всех насильников и властителей, — тогда мы, ея верные бойцы, растворимся в миллионных рядах восставшего народа и приступим, рука об руку с ним, к свободному строительству истинно-новой жизни.

Что касается, далее, основных воззрений наших на важнейшие вопросы безвластного экономического и общественного строительства, то мы считаем необходимым предварительно заявить следующее.

Мы глубоко убеждены, что предоставление народу полной возможности свободно выковывать формы своей хозяйственной и общественной жизни естественно и неизбежно приведет к установлению подавляющим трудовым большинством народа социалистических форм общежития. Мы находим, что эти формы могут быть на деле найдены и выкованы лишь самими трудящимися массами, при условии их совершенно свободного и самостоятельного

ного общественно-хозяйственного творчества. Мы считаем, поэтому, не целесообразным и даже губительным навязывать трудящимся массам наши убеждения силой политической или какой бы то ни было иной диктатуры, считаем губительным вести массы с собой при помощи управления ими сверху. Мы ограничиваем нашу роль простой идейной и организационной помощью трудовому народу, в виде изложения наших мнений и взглядов, в виде простого предложения, совета, разъяснения или указания. Мы полагаем, что народ должен иметь полную возможность выслушивать все мнения и советы, но применять их к жизни и строить жизнь должен сам, самостоятельно и свободно, без партий, диктаторов и властей.

Поскольку, таким образом, речь может идти лишь о простом изложении наших взглядов, — мы обращаем главное внимание трудящихся, прежде всего, на необходимость создания ими истинного свободного советского строя.

СОВЕТСКИЙ СТРОЙ

Сущность подлинного советского строя должна, по нашему мнению, состоять в следующем:

Для организованного налаживания новой хозяйственной и общественной жизни, свободные крестьяне и рабочие, естественно, создают — повсюду на местах — свои общественно-экономические организации, сельские комитеты или советы, всевозможные союзы, кооперативы, рудничные, фабричные и заводские комитеты, железнодорожные, почтово-телеграфные и иные организации. В целях широкого объединения взаимной связи, все эти организации — производственные, профессиональные, распределительные, транспортные и другие — естественно создают снизу вверх объединяющие их органы, в виде экономических советов, выполняющих техническую задачу регулирования общественно-хозяйственной жизни в широком масштабе. Советы эти могут быть волостными, городскими, областными и пр. Они организуются, по мере надобности, на свободных началах. Они ни в коем случае не являются политическими учреждениями, руководимыми теми или иными политическими деятелями или партиями, диктующими свою волю и осуществляющими, под маской „советской власти“, свою политическую власть: они являются лишь совещательно-исполнительными органами, регулирующими живую хозяйственную деятельность на местах.

Такой советский строй явится, действительно, организацией свободных рабочих и крестьян. И если создание его станет действительно свободным делом рабочих и крестьянских масс; если живая хозяйственная работа всех низовых, местных и объединяющих советских организаций начнет вовлекать в себя все более и более широкие рабоче-крестьянские массы, без принуждения

и произвольного вмешательства каких бы то ни было политических партий или властей, то, по нашему мнению, весьма скоро удастся наладить общественно-хозяйственный аппарат на началах социального равенства, справедливости и товарищества, и тем самым положить конец существованию классов, политических партий и властей, а также господству одних национальностей над другими. Отсталые и нетрудовые слои населения, со временем, будут естественно втянуты в этот трудовой аппарат. Всякая „политическая деятельность“, по самому своему существу всегда неизбежно сводящаяся к созданию, укреплению и поддержанию системы привилегий, системы политического и экономического угнетения трудящихся классов, — всякая „политическая“ организация и деятельность, за ненадобностью, упадут и упразднятся сами себя.

На вопрос о том, где будут, при таком строе, сосредоточиваться „официальные“ нити некоторых важных отраслей общественной и гражданской деятельности (учебно-воспитательное дело, медицинское и санитарное дело, дорожное дело, регистрация браков, рождений и смертей, общая статистика и т. д.), мы отвечаем, что, помимо широкой и свободной частной инициативы, наиболее ценной и плодотворной, соответственные отделы могут быть, в случае надобности, легко созданы при Советах. Роль и деятельность этих отделов не будет ни сложной, ни громоздкой, если правильно налаженный общественно-хозяйственный аппарат будет функционировать повсюду на местах, в низовых местных организациях и Советах.

СУДЕБНО-АДМИНИСТРАТИВНЫЙ АППАРАТ

По вопросу о необходимости организации судебно-административного аппарата, мы выдвигаем, прежде всего, то основное положение, что всякий закостенелый, раз навсегда установленный, судебный и полицейский аппарат, равно как всякие мертвые, определенно зафиксированные „своды законов“ являются самым грубым нарушением истинного правосудия и подлинной самообороны населения.

Истинное правосудие должно быть организованным, но живым, свободным, творческим актом общежития.

Самооборона населения должна быть делом свободной, живой самоорганизации.

Поэтому всякие омертвевшие формы правосудия, судебные учреждения, революционные трибуналы, уложения о наказаниях, полицейские или милицеские институты, чрезвычайки, тюрьмы и вся прочая старая, бесплодная и ненужная веточка, — все это должно отпасть само собою и упраздниться при первом же дыхании свободной жизни, при первых же шагах свободной и живой общественно-хозяйственной организации.

Свободные организации, союзы и советы рабочих и крестьян должны сами свободно же устанавливать у себя те или другие конкретные формы правосудия.

Правосудие это должно отправляться не специалистами-чиновниками на стороне, а живыми, заслуживающими доверия, местными общественными силами, при широком участии населения и при полном отсутствии заранее определенных норм наказания.

Равным образом, самооборона населения должна быть построена на началах свободной организации охраны живыми местными силами, но не должна быть делом специалистов-милиционеров. Казенная, официальная организация дела правосудия и обороны не только не достигает цели, но губит в корне всякое правосудие и всякую оборону.

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЕ ДЕЛО

В обществе, устраиваемом на началах свободного объединения социально-трудовых организаций, культурно-просветительное дело становится не монопольным предприятием государства и того или иного правительства, а свободным творческим делом лиц и организаций, свободно и естественно объединяющихся между собой. Только при этом условии духовный рост трудящихся масс станет, действительно, их собственным и потому дорогим для них делом. Только при этом условии осуществится живое, свободное творчество культурных ценностей и будет обеспечен быстрый духовный рост населения.

ГРАЖДАНСКИЕ СВОБОДЫ

Само собою разумеется, что свободная организация общества предполагает действительное и полное осуществление так называемых „гражданских“ свобод: свободы слова, печати, совести, вероисповедания; свободы собраний, союзов, организаций и т. д.

ЗАЩИТА ОБЩЕЖИТИЯ

До тех пор, пока свободное общежитие будет нуждаться в организации физической силы с целью самозащиты от внешнего нападения, оно организует свою армию.

Армия эта понимается нами, как свободная и всенародная военная организация, построенная на выборных началах и тесно спаянная с населением.

Внутри страны эта армия должна находиться в распоряжении трудовых рабоче-крестьянских организаций, защищая их от всяких попыток насилия со стороны власти и капитала и помогая им в осуществлении их свободного строительства.

СНОШЕНИЯ С ИНОСТРАННЫМИ ГОСУДАРСТВАМИ

Общие съезды представителей от всех, составляющих свободное общежитие, организаций, городов и сел выделяют комиссию, ведущую повседневные сношения с иностранными государствами. Деятельность комиссии должна быть открытой и явной. Никакие „дипломатические тайны“ недопустимы. Вопросы, не могущие быть разрешены комиссией, обсуждаются и решаются путем экстренных съездов.

Таковы те общие начала, на которых, по нашему мнению, должно складываться свободное, разумное, здоровое общежитие, и за которые мы боремся.

В нашу задачу не входит насильственное навязывание этих начал трудовому крестьянскому и рабочему населению. Мы считаем лишь своим долгом ознакомить население с нашей точкой зрения и обеспечить трудящимся массам возможность свободного обсуждения как эту нашу, так и всякие другие точки зрения, дабы, затем, свободно избрать тот или иной путь общественно-экономического строительства.

Мы убеждены, что лишь на началах полной свободы исканий и приемов строительства трудящееся население сумеет, естественным путем, придти к здоровой, истинно-социалистической форме общежития.

Эту свободу исканий, эту свободу строительства мы будем отстаивать и защищать всеми имеющимися в нашем распоряжении силами и средствами.

Эту свободу будет, вне всяких сомнений, отстаивать и защищать все трудовое население Украины, которое мы призываем идти в нашей великой борьбе рука об руку с нами, мирясь с неизбежными во всяком деле ошибками и недостатками, поддерживая нас своим сочувствием и содействием и удесятерив нашу мощь постоянным притоком свежих сил, новых борцов — защитников свободы.

Лишь общими усилиями великой трудовой семьи, свободно текущей формы нового общежития и с оружием в руках отстаивающей свое право на это свободное творчество, — мы победим.

* * *

ПРИКАЗ № 36
ПО 2-МУ АЗОВСКОМУ ПОВСТАНЧЕСКОМУ КОРПУСУ
12 НОЯБРЯ 1920 г.

Командирам полков, батарей и вообще всем частям вверенного мне корпуса, вторично напоминаю обращать самое строгое внимание на то, чтобы повстанцами не производились бы грабежи и всякие самочинные обыски у мирного населения. Предупреждаю, что я сам буду от времени до времени периодически проверять все тачанки и повозки и по отношению тех лиц, у коих будут

обнаружены награбленные вещи, хотя бы самые ничтожные, буду применять самые строгие наказания, т. е. расстрел на месте. Надеюсь, что настоящий приказ не останется без внимания, ибо в корпусе не все только способны на грабежи, а больше сознательные, действительно честные революционеры-повстанцы, которые будут следить за своими несознательными товарищами, останавливать их во всех гнусных деяниях...

Настоящий приказ прочесть всем повстанцам.

Командир корпуса Вдовиченко
Начальник штаба Сагиров

* * *

**Л. ТРОЦКИЙ. НАШЕ ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО
И НАШИ ФРОНТЫ.
ДОКЛАД НА 7-м ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ
СОВЕТОВ РАБОЧИХ, КРЕСТЬЯНСКИХ,
КРАСНОАРМЕЙСКИХ И ТРУДОВЫХ
КАЗАЧЬИХ ДЕПУТАТОВ 7-го ДЕКАБРЯ 1919 г.**

Украинский фронт

Украинский фронт был нами унаследован от германского империализма. Крушение германского милитаризма означало приведение нашего Украинского фронта в динамическое состояние. Мы двинулись с севера на юг, от Курска. Успех здесь был поразительный. Ничтожные силы совместно с партизанами в короткий срок очистили под общим руководством тов. Антонова-Овсеенко всю Украину. В мае мы захватываем Крым, в июне побережье Черного моря.

Этот период освобождения южной Украины совпал с моментом соединения деникинских и красновских войск воедино. Неудачи наши на Южном фронте на донецком и царицынском направлениях предрешили дальнейшие наши неудачи на Украинском фронте. И там и здесь враг был один. Исключительно быстрый темп наших неудач на Украине объясняется теми же причинами, что и темп наших успехов: крайней неустойчивостью украинской почвы. Многочисленная смена режимов на Украине расшатала там социальные отношения и психологию и превратила широкие круги крестьянства на продолжительный период в человеческий материал, которому крайне трудно сложиться в кристаллизованное общественное целое. Это относится, впрочем, и к несознательной части украинского рабочего класса. Добрый десяток разных режимов менялся в течение двух лет, и под этими режимами твердо стоял на ногах только украинский кулак, который не зевал при всех режимах. Режим стоит и режим падает, а украинский кулак оста-

ется на месте хозяином деревни. Этот украинский кулак прибрал к своим рукам винтовку, ибо он пока еще тверже и решительнее середняка, а тем более бедняка. Элементом анархии и разрушения всех вообще основ человеческого существования на Украине является обнаглевший, выдавший все режимы, какие бывают на свете, и вооруженный до зубов украинский кулак. Можно сказать с уверенностью, что никакой режим на Украине не будет существовать, пока не будет разоружен украинский кулак. Это есть первая задача тех красных войск, которые вступают на Украину. Сейчас Украинский фронт целиком сливается с Южным фронтом, ибо враг там и здесь один и тот же. Этот враг — Деникин, которому украинский кулак помог завладеть Украиной.

О ПАРТИЗАНЩИНЕ

Я говорю об Украине, о Северном Кавказе, о Туркестане, о Сибири. Во всех этих областях имеется огромное количество повстанцев рабочих и крестьян с винтовкой в руках, которые там боролись против контрреволюции своей или чужеземной, и с которыми мы теперь соприкасаемся непосредственно, и чем дальше, тем больше.

...Сталкиваясь с партизанами, мы должны ясно определить свою политику по отношению к ним. А в этом отношении мы, товарищи, кое-чему научились.

Партизанство имеет свою орбиту, свою определенную линию развития. Оно имеет чаще всего первоначальное ядро из наиболее самоотверженных рабочих и революционных крестьян. Вокруг него обрастают затем дальнейшие элементы, по мере того, как партизанство имеет успех. И, наконец, когда успех становится ясным и несомненным, тогда прилипают искатели приключений, бандиты, охотники до легкой наживы. И в партизанстве сочетаются таким образом элементы героизма, анархии и бандитизма, самоотвержение со всеми видами нравственного озверения.

...Мы с самого начала должны выступить в этом вопросе во всеоружии прошлого опыта.

Украина должна быть и будет самостоятельной страной — под руководством украинского пролетариата и украинского крестьянства... Украинский пролетариат и крестьянство свою волю выразят в своем советском государственном, хозяйственном и культурном творчестве, и поскольку это творчество будет развиваться в форме национальной украинской культуры, на украинском языке, разумеется, никто из нас никогда не попытается положить камень на пути развития свободной Советской Украины.

...Было бы одинаково противно и принципу, и деловым соображениям текущей политики эту чувствительность прямо или косвенно задевать. Наоборот, как превосходно выразился тов. Раковский, необходимо приложить все силы, чтобы украинский язык

стал языком коммунистического просвещения украинских трудящихся масс. Но этого вопроса нельзя смешивать с вопросом о партизанстве. Товарищи украинцы, вопрос о партизанстве не есть вопрос о национальной культуре или языке, это есть вопрос военной целесообразности. Нет разницы для нас между партизанами на Украине, в Сибири и на Северном Кавказе! И если мы позволим украинскому партизанству застояться в надежде, что из него сложится украинская армия, мы во второй раз погубим Советскую Украину — на этот раз надолго. Как же быть? В партизанских отрядах, сказали мы, есть элементы разной и даже противоположной ценности. Партизанские отряды, раз до них дошел наш основной фронт, должны оставаться в тылу для глубокого внутреннего реформирования.

— Добровольцы Махно, разумеется, представляют опасность для Деникина, поскольку на Украине господствует Деникин, но с другой стороны, они же предали Украину Деникину. И завтра, после освобождения Украины, махновцы станут смертельной опасностью для рабоче-крестьянского государства. Махновщина, товарищи, не есть явление национальной украинской культуры, нет — это есть национальный украинский нарыв, и он должен быть взрезан раз и навсегда (Аплодисменты).

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВСЕУКРАИНСКОГО РЕВКОМА ОБ ОБЪЯВЛЕНИИ ВНЕ ЗАКОНА МАХНО И МАХНОВЦЕВ

Товарищи, наконец, после невероятно тяжелых жертв нашей доблестной Красной армии удалось разбить помещиков, капиталистов и их приказчика Деникина.

Но главный враг украинского народа — польские паны еще не разбиты. Идя на помощь Деникину, они заняли целый ряд городов и местечек как нашей страны, так и России.

Военное командование, всячески стремясь к единению всех боевых сил против общего врага трудового народа — помещиков и капиталистов, предложило махновцам выступить против поляков и тем поддержать Красную армию и освободить наши села и города от ига польских помещиков, а рабочих — от рабства капиталистов.

Но Махно не подчинился воле Красной армии, отказался выступить против поляков, объявив войну нашей освободительнице — Рабоче-Крестьянской Красной армии.

Таким образом, Махно и его группа предали украинский народ польским панам, подобно Григорьеву, Петлюре и другим предателям украинского народа.

Поэтому Всеукраинский Революционный Комитет постановляет:

1. Махно со своей группой объявляется вне закона, как дезертиры и предатели.

2. Все поддерживающие и укрывающие изменников украинского народа будут беспощадно истреблены.

3. Трудовое население Украины обязуется всячески поддерживать Красную армию в деле уничтожения предателей махновцев.

Настоящее постановление все ревкомы Украины обязуются прочесть на фабриках, заводах, шахтах и собраниях.

Всеукраинский Революционный Комитет.

Председатель Петровский.

Члены Мануильский, Затонский, Гринько, Качинский.

1920 года, 9 января г. Харьков.

Реввоенсоветом Южфронта отдано распоряжение прочесть настоящее постановление во всех воинских частях.

Члены Реввоенсовета Южфронта. Сталин, Егоров.

ДНЕВНИК НАЧАЛЬНИКА МАХНОВСКОЙ КОНТРРАЗВЕДКИ Л. ГОЛИКА

8 февраля 1920 г. Утром со стороны Полог подошел 522-й полк и согнал нас из Гуляй-Поля. Некоторые товарищи с Пузановым не успели выскочить и остались в плену. Проклятые гуляйпольцы не хотят воевать, опасаются за семьи...

11, 12, 13 февраля. Перешли желдоргу и спустились под откос между станциями Гуляй-Поле и Гайчур состав порожняка. В селе Воздвиженке зарубили двух большевистских агитаторов, организовавших ревком, и выехали на Рождественскую, где поймали 10 красноармейцев продотряда. Раздели, но не тронули.

14, 15, 16, 17 февраля. Стояли в Крейцевой и ожидали из Полог разведку. Прибыло 10 человек из Орехово повстанцев. Отряд раздет, уже 30 человек.

19 февраля. На рассвете бросились на Пологи и отбили на платформах 12 орудий, ударили с пулеметов по полку, стоящему по формам крестьянских хатах. Отняли 10 пулеметов. Все было хорошо, но вдруг подвернулись знакомые. Махно напился, а тем временем подошел бронепоезд и ударил картечью. Мы бежали... Вечером прибыли в Гусаровку, где к нам пристало 20 хлопцев. Тем же вечером выехали на Конские Раздоры и обезоружили 40 красноармейцев: несколько присоединилось, остальных распустили. Стояли три часа, а затем тронулись в Федоровку.

20 февраля. В Воскресенке красные на днях расстреляли 12 махновцев и сожгли 2 хаты. Дерменжи удрал и сегодня с 15 хлопцами прибыл к нам. Говорят, что в Цареконстантиновке много арестованных, надо было бы освободить. Но разве батьке это можно вдолбить? Он настаивает занять Гуляй-Поле и хочет взять деньги. Вышли из Федоровки на Шагарово. Отряд подрастает: имеем 70 конных при 10 пулеметных тачанках.

21 февраля. Налетели на Гуляй-Поле и взяли 500 пленных, два пулемета и несколько снарядов... Красноармейцы переходят на нашу сторону, но штаб из боязни воздержался их принимать. Из армейской кассы взяли два миллиона денег и раздали повстанцам по 500 рублей, а командирам по 1000. Стояли 3-4 часа. Вдруг из Полог подошла красная конница и вышибла нас из Гуляй-Поля. Савва*, М. Скоромный и Воробьев не успели выбежать: судьба их неизвестна.

22 февраля. Через Успеновку поехали в Дибривки, где встретили Петренко. Бедный, больной, слабый, зарос рыжей бородой. Он плакал и сам рубил двух пленных продармейцев. Днем провели митинг, но махновцы не вступали в отряд, и было видно, что от нас прячутся.

23 февраля. Вечером приехали в Гавриловку, где взяли одного красного инженера и двух продармейцев: их тут же зарубили. Забудько вылез из подполья и с пятью хлопцами пристал к отряду. М. Буданов и Попов митинговали и сами расклеивали листовки.

24 февраля. Из Гуляй-Поля приехали некоторые анархисты и говорят, что красные расстреляли Коростылева. Выехали через Андриановку на Комарь.

25 февраля. Утром выехали в Б. Янисоль, где убили одного продкомиссара и двух красноармейцев. Ударили в набат и провели митинг. Греки не хотят воевать. После обеда переехали в Майорское, а затем в Святодуховку. Захватили одного большевика — организатора ревкома. Петренко его зарубил.

26 февраля. В Святодуховке провели митинг. После Махно напился и сдурю разбрасывал крестьянам деньги, а в штабе дрался с Каретниковым. Хотел расстрелять Попова за то, что тот ухаживал за Галиной. Его связали и уложили на тачанку.

27 февраля. В 10 часов утра выехали на Туркеновку. По пути встретились с красными и, обстреляв их с пулеметов, ушли в Шарово. Махно протрезвел и настаивал ехать в Гуляй-Поле. Штаб согласился, и мы ночью выехали на Бочаны**. Мы в Бешауле***. Пришел В. Данилов и Зеленский, говорят, что в Гуляй-Поле большевики производят аресты. Махно торжествует. Он говорит: „А, стервы, не хотели воевать, так и на выручку не пойдем. Пусть сволочей расстреливают“.

28, 29 февраля. Стояли в Воздвиженке и митинговали. Здесь на днях 6-й полк расстрелял 8 махновцев, взял заложников и вышел на Гуляй-Поле. Воздвиженцы и рождественцы начинают шевелиться. 20 человек сразу поступило в отряд.

1 марта. В 12 часов вышли на деревню Варваровку. По дороге остановили поезд, в котором обезоружили красную роту. Команди-

*Савва — старший брат Н. Махно, участник махновского движения, расстрелян красными в начале 1920 г. — В. В.

**Бочаны — окраина Гуляй-Поля. — В. В.

***Бешаул — окраина Гуляй-Поля. — В. В.

ра расстреляли, а 30 добровольцев приняли. Под вечер сделали Налет на Гуляй-Поле и выбили 6-й советский полк. Взяли в плен 75 красноармейцев во главе с командиром полка Федюхиным, тяжело раненным в бою. Он просил застрелить его и Калашников удовлетворил его просьбу. 15 пленных вступили к нам в отряд. Мы вышли на Новоселовку.

3 марта. Утром выехали на Федоровку, где изрубили присланного предревкома — рабочего из Полог, и выехали в Конские Раздоры. На разъезде Магедово изорвали желдорогу и провода, разбили телеграфный аппарат и пустили на Пологи паровоз.

4 марта. С утра поднялась паника. Красные наступают из Полог и бьют из бронепоезда. Пьяный до безумия С. Каретников на площадке стрелял из пулемета и этим создал панику.

5, 6, 7 марта. Стояли в Гуляй-Поле. Батько запил еще с Федоровки. Он ходит с ребятами по знакомым и под гармошку танцует. Крестьяне смеются, а он злится и с „библей“ стреляет повстанцев, сидящих дома и не желающих воевать. Со своими „халудами“ он сел на лошадь и посещал повстанцев, обругивая их по-матерному. Встречая на улице бывших махновцев, он избивал их плеткой. Двум даже разбил головы, а одного загнал в реку на лед. Тот провалился, а потом выкарабкавшись обмерзший бежал на Бочаны. На улице поймали Коростылева*, избили, а вечером расстреляли за то, что красным выдал три пулемета. Собрали митинг, но крестьяне не явились, а бывшие махновцы, не желая с красными войны, от нас прятались...

12 марта. Переехали в Успеновку. У крестьян было много самогона — мы все были пьяны. Вечером приехал Тарановский с 20 пологовцами. Они рассказывают, что в Пологах красные арестовывают и расстреливают всех махновцев, берут заложников — нет жизни.

14 марта. Выехали на Б. Михайловку, где убили коммуниста и бывшего махновца, который организовал банду и лазил по хатам. Под вечер выехали на Гавриловку, в которой стояли вечером.

15 марта. Из Гавриловки выехали на Комарь. По дороге сожгли немецкую колонию Мариенталь за то, что немцы убили нашего разведчика. Убили 30 мужчин и забрали их лошади. В Комаре греки выдали немца, бежавшего из Мариенталья. Он просился, но Махно саморучно его расстрелял. Накануне здесь был 22-й советский карательный полк, расстреливавший бывших махновцев. Так, в Комаре он расстрелял 7 человек в Богатыре — 10, сжег две хаты; в Константине — 12 человек и сжег одну хату.

16 марта. Выехали на ст. Андриановку и с налета взяли 3-ю роту 22-го карательного полка. Вчера эта рота расстреляла 15 махновцев и сожгла 5 дворов. Крестьяне были напуганы. Когда же

*Коростылев — гуляйпольский крестьянин, участник махновского движения с 1918 г., занимал командные должности. — В. В.

мы пришли, они проявили героизм; учинив расправу с пленными. Их было 120 человек во главе с коммунистами, которых крестьяне избивали палками, кололи вилами и расстреливали по одному и группами. Пленные, со связанными назад руками, и догола раздетые, расстреливались из пулемета С. Каретниковым, Калашниковым и Поповым. Под вечер мы снова вернулись в село Богатырь. Проезжая мостик, Махно чуть не свалился в реку: испугавшаяся лошадь прыгнула в воду, увлекая с моста тройку. Галина успела выскочить, потащив с тачанки батька. Кучер купался. Тачанка и одна лошадь погибли.

17, 18 марта. В селе Богатырь митинговали и оставили в нем тов. Огаркова для организации отряда. Сами поехали в Б. Янисоль. Здесь работал Буданов и скрывался Лашкевич*, который транжирил армейские деньги как только хотел. Будучи начгарнизонам Екатеринослава, он получил от буржуазии 5 1/2 млн рублей контрибуции и не сдал их в армейскую кассу. Они были пропиты. В течение двух месяцев он сидел в Янисоле, устраивая вечеринки. Когда мы потребовали отчета, он сказал: „Я виноват“. Было совещание командиров, которое вынесло Лашкевичу смертный приговор. Мои ребята постановление привели в исполнение: Лашкевич расстрелян и труп его брошен на улице. В селе Времьевка расстреляли махновца, который, обогатившись при снабжении в Екатеринославе, сидел дома и не хотел уходить с нами.

23–28 марта. Стояли в селах Всесвятском и Павловском. Здесь разбили 2-ю роту 22-го полка и расстреляли 4-х махновцев, которые не желали с нами уходить.

29 марта – 1 апреля. Проходили Владимировку, Константиновскую и расстреляли 5 махновцев за отказ поступать в отряд.

2 апреля. Заняли село Марьевку и расстреляли председателя ревкома и трех продармейцев, а также одного махновца, ставшего милиционером. Стояли до 8 апреля и митинговали. Бывшие махновцы не хотели вступать к нам в отряд, и Махно на них кричал и ругался.

12 апреля. Стоим в селе Константине. Кожин остался формировать отряд в Марьевке, а Москалевский (Золотой Зуб; как его продразнили белогвардейцы) уехал с 10-ю повстанцами в Еленовку.

23 апреля. Тронулись в село Б. Янисоль, где изрубили один взвод 22-го полка и расстреляли двух махновцев-греков, предавшихся на сторону красных и начавших организовывать комитет бедноты.

1 мая. С боем заняли Святодуховку и запленили красную роту: командиров расстреляли, красноармейцев – отпустили.

*Лашкевич – командир махновского полка, в начале января 1920 г. оказался в плен красным, затем убежал. – В. В.

2 мая. Вышли на Гайчул, где взяли батальон красноармейцев: командиров расстреляли, рядовых отпустили. Здесь красные расстреляли 15 махновцев и Махно был в восторге, ибо красный террор вынуждал повстанцев вливаться к нам в отряд. Был митинг, после которого 50 человек вступили к нам в отряд.

3 мая. Мы налетели на село Цареконстантиновку накануне раз в бой с красным полком и бронепоездом, который накануне расстрелял 30 махновцев, сжег 10 домов и увел много заложников. Налет был настолько неожиданным, что полк целиком был взят в плен, за исключением командиров, бежавших на бронепоезде. Был митинг, и батальон красных перешел на нашу сторону и влился в отряд. Цареконстантиновцы также записывались к нам. Вечером я расстался с отрядом, ушедшим на Конские Раздоры, чтобы налететь на Пологи. Я еду в Новоспасовку для связи.

* * *

ИЗ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ „МАТЕРИ“ ГАЛИНЫ (Г. А. КУЗЬМЕНКО)

20–21 февраля. Ночевали в Федоровке на старой квартире. С утра послали разведку в Гуляй-Поле. После обеда выехали с Федоровки. По дороге встретили своего разведчика, который сообщил, что в Гуляй-Поле находится человек 200–300 красноармейцев. Наши решили ночью сделать налет и обезоружить красных. Вечером мы прибыли в село Шагарово, где и остановились на несколько часов. Отсюда была направлена разведка, которая должна была выяснить расположение как начальников, так и войск. Часов в 12 ночи выехали с Шагарова к Гуляй-Полю. По дороге нам сообщили расположение вражеских войск. Быстро въехали в село Гуляй-Поле и расположились на окраине, а все способные к бою хлопцы сразу же пошли к центру, а затем разоружать не званных гостей. Красноармейцы не очень протестовали и быстро сдавали оружие, начальники же защищались до последнего, пока их не убивали на месте. До утра почти 3/4 6-го полка было обезоружено. Часть, которая еще оставалась необезоруженной и до которой наконец пришла очередь, утром сначала начала храбро отстреливаться, но быстро узнав, что их товарищи уже обезоружены, и сама сдала оружие. Очень перемерзли и устали наши ребята, пока закончили с этим делом, но наградой за эту работу и муки каждому повстанцу было сознание того, что и малая кучка людей, слабых физически, но сильных духом, вдохновленных единой великой идеей, может делать большие дела. Таким образом, 70–75 человек наших хлопцев за несколько часов обезвредили 450–500 врагов, убили почти всех командиров, захватили много винтовок, патронов, пулеметов, двуколки, коней и т. д.

Покончив с этим делом, хлопцы разошлись кто куда, кто пошел спать, кто домой, кто к знакомым. Мы с Нестором тоже поехали в центр, кое-что купили, кое-кого навестили и вернулись на свою квартиру. Только начали собираться обедать, неожиданно вбегает в хату Гаврюша и говорит, чтобы быстрее впрягали лошадей, потому что с горы по пологовской дороге спускается вражеская конница. Быстро все собрались и выехали. В центре остались Савелий Махно, Воробьев и Скоромный. Когда выезжали из села, в центре стояла страшная стрельба. Часа через два мы были уже в Санжаровке. Здесь стояли часа три и вечером переехали в Вильговую, где и ночевали.

24 февраля 20 года. Сегодня Феня оставляет нас. Нестор сказал: „Вот Феня осталась и жалко“. Мне тоже жалко, что она осталась. Но для нее это лучше. Как выяснилось, она нужна была только мне и то не всегда, всем другим с ней было тяжело и они в большинстве относились к ней враждебно. Я в таком положении не хотела бы очутиться, не хочу, чтобы и она в нем была. Остала нас и хорошо сделала. А я? Была мысль остаться где-нибудь вместе с нею. Была. Почему же я не осталась? Может быть действительно испугалась, что меня уже в Гавриловке видели и знают люди? Нет. Может быть потому, что сказал, если останешься, можешь больше не считать меня своим мужем? Тоже нет. Наоборот, по этой причине я бы наверняка осталась бы... Разве то, что Нестор пообещал мне изменить обстоятельства? И это нет. Так что же? Что? Известно что: апатия, безразличие к всему на свете, физическое и духовное бессилие... Фу, какая муть, какая гадость! Не хватало духа довести мысль к чувству.

25 февраля. Выехали с Комаря на Большой Янисоль. Здесь встретили своих хлопцев. Все выжидают, пока коммунисты хорошо допекут. Стояли в Большом Янисоле не долго, потому что получили известия, что туда идут коммунисты в значительном количестве. После обеда переехали в Майорское. Здесь словили троих агентов по сбору хлеба и другого. Их расстреляли. Сегодня проезжий гуляйполец подтвердил слухи о том, что Савку и еще какого-то хлопца, который был с ним, убили коммунисты. В Янисоле узнали, что Лашкевич и Кожин арестованы красными...

27 февраля. Ночевали в Святодуховке. Часов в 10 утра выехали на Туркеновку. Остановились в школе Лутая. Принимали очень тепло. Сразу после обеда послышалась в селе стрельба. Выскочили на улицу. Оказалось, что человек 25 кавалеристов ворвались в село со стороны Успеновки и начали стрелять в наших. В момент все наши поднялись на ноги и врезали по ним с пулеметов, а человек 10 кавалерии бросились за ними вдогонку. Выскочили за село на гору и быстро исчезли за кряжем. После чего через несколько минут на кряже показалась цепь пехоты, а между пехотой кавалерия. Быстро на горизонте начало появляться все больше и больше войска, которое развертывалось в цепь и на-

чало двигаться на Туркеновку. Отделилось человек 30 кавалерии и двинулось левым флангом в обход. Наши хлопцы, увидев это, быстро вернулись. Мы стояли часа полтора и наблюдали за вражеской цепью. Она сначала двигалась, потом остановилась, постоля, и пехота начала собираться в кучу. Видно было, что большого желания наступать на село фронтом не было. Много наших хлопцев стояли на том, чтобы дать бой, но и против было много. Врагов было значительно больше, да и в задачу нашу не входило давать пока что бои красным, когда к тому не было большой необходимости. Мы выехали из села. Когда они увидели, что мы оставили село, снова цепью начали наступать.

1 марта. В Варваровке узнали, что в Гуляй-Поле коммунисты двигались с разведкой впереди, встретила отца Стефана, который рассказал, что командир полка тот же, что и тогда, когда мы разоружили 6-й полк, и который в тот раз успел убежать.

Стояли в Варваровке час и двинулись на Гуляй-Поле. Подъехав к селу, узнали, что красные делают обыски и кое-кого арестовали. Потом узнали, что они скоро уезжают. Вперед было выслано два пулемета и человек 10-12 кавалерии, которые и погнались за красными. Мы все въехали в село, расположились и сообщили, что к нам. Быстро вернулись хлопцы с преследования и сообщили, что ранен и взят в плен командир Федюхин, много ранено красноармейцев, много разбежалось по полю, а человек 75 гонят пленных. Батько хотел видеть командира и послал за ним, но посыльный быстро вернулся и сообщил, что хлопцы не имели возможности возиться с ним раненым и по его же просьбе пристрелили его. Пленных, предупредив, чтобы в третий раз не попадались в Гуляй-Поле, потому что живыми не выпустят, распустили. По документам оказалось, что Федюхин после разоружения своего 6-го полка сформировал снова „карательный отряд“, которому было поручено „производить обыски и реквизиции, а также производить аресты подозрительных лиц в районе махновских банд“.

Стояли в Гуляй-Поле часа два и вечером выехали на Новоселку.

3 марта. Прибыли в Раздоры, узнали, что здесь красные отомстили невиновным раздорцам за то, что мы убили пять коммунистов — они расстреляли председателя, старосту, писаря и троих партизан. В сотное правление была брошена бомба. Хазяйку, у которой мы останавливались, красные избили, а все имущество в доме ограбили.

Ночевать остановились здесь. На улице ненастье. Сейчас идет дождь. Дорога сейчас очень тяжелая.

4 марта. Печальный сегодня день. Встали под винтовочные выстрелы. Быстро собрались и приготовились. Ночью с Полог приехали красные и стали на рассвете наступать. Еще ночью враги захватили двух наших кавалеристов и арестовали человека 20 местных повстанцев. П. Середа с пулеметом, как и всегда, пер-

вым ворвался своей тачанкой во вражеский лагерь. От него не отставал и другой пулеметчик тов. Литвиненко. Кавалерия наша еще не успела подскочить, как силы красных с пулеметов и с винтовок ударили по выскочившим вперед махновцам. На этот раз нашим героям не повезло: вражеская пуля угодила Литвиненко прямо в лоб, другая пуля тяжело ранила Середу, третья убила коня в тачанке, четвертая – пронизала плечо кучера. И только после этого подскочила наша кавалерия, подошла пехота и заставила врага показать пятки. Наши взяли три пулемета, человек 20 убили эстонцев и поляков, многих ранили и отбили арестованных махновцев. Далеко за врагами не гнались. Быстро собрались все вместе, постояли еще часа два и выехали на Федоровку. С нами поехало человек 25 раздорцев. Смерть тов. Литвиненко тяжело отразилась на многих – давно уже наш отряд не нес такие потери, как сегодня.

13 марта. Стоим в Успеновке. Батько и сегодня выпил. Говорит очень много. Бродит пьяный по улице с гармошкой и танцует. Очень привлекательная картина. За каждым словом нецензурно ругается. Наговорившись и натанцевавшись уснул.

Один успеновский дядько нажаловался в штаб на бывшего повстанца, который избил девушку, племянницу дядька, и его сына. Дело в том, что эта девушка когда-то имела любовь с повстанцем. За время же его отсутствия полюбила другого парня и любит его теперь. Повстанец, вернувшись домой, стал снова заигрывать с этой девушкой, а когда она ему отказала, избил ее, а потом и ее двоюродного брата. Спусти какое-то время, поздно вечером повстанец пришел к дому избитого парня и начал вызывать его на улицу, чтобы „помириться“. Из дома никто не вышел и попросили прийти мириться днем. Повстанец требовал и угрозил бросить бомбу в окно. Тогда дядько, отец побитого парня, выстрелил в повстанца и ранил его. Теперь повстанец намеревается выздоровев убить дядька. Наши, выслушав это все, отправили всех по домам, предупредив повстанца, что в случае, если он будет мстить, то с ним в другой приезд расправятся. В частной беседе об этом деле Нестор оправдывал повстанца.

20 марта. Сегодня на новой квартире. Начинаем с Феней оселую жизнь. Чистились, мылись, ремонтировали одежду целый день. Перед обедом вышли погулять. Пошли к реке. Страшно потянуло к своим. Думалось, что они еще в Яниселе. Как-то печально и тяжело стало на душе...

* * *

ПРОТОКОЛ № 51
ЗАСЕДАНИЯ ПОЛИБЮРО ЦК КП(б)У
29 СЕНТЯБРЯ 1920 г.

Слушали:

О переговорах
с Махно

Постановили:

а) Поручить Оргбюро совместно с Реввоенсоветом Юго-Западного фронта Манцевым и За-

кордотом наметить представителя при Махно.

- б) Дать подпольной организации директивы оказывать содействие Махно, обращая главное внимание на усиление в его отрядах дисциплины, революционной спайки.
- в) Наши отряды, не вливаясь в отряды Махно, входят по мере надобности в оперативный контакт.
- г) Сформулировать директивы поручить т. Косиору.
- д) Соглашение не оглашать, ограничиваясь сообщением после перехода Махно в тыл Врангеля.
- е) Против освобождения анархистов принципиально не возражать, что поручить т. Манцеву.

Секретарь ЦК С. Косиор

* * *

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ
РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПОВСТАНЧЕСКОЙ АРМИИ (МАХНОВЦЕВ)
С СОВЕТСКОЙ ВЛАСТЬЮ

Объединенное и организованное наступление на нас Польши, Врангеля и антантовских империалистов поставило нашу революцию под угрозу смертельной опасности. Повстанческая армия махновцев ввиду этого решила прекратить вооруженную борьбу с Советским правительством, установив с ним военно-политическое соглашение в целях решительного разгрома отечественной и мировой контрреволюции.

Вот тексты этого соглашения, подписанного уполномоченными Советского правительства и Революционной повстанческой армии Украины (махновцев).

I.

Условия предварительного соглашения по политическому вопросу между Советским правительством Украины и Революционной повстанческой армией Украины (махновцев).

1) Немедленное освобождение и прекращение преследований в дальнейшем на территории Советских республик всех махновцев и анархистов, за исключением вооруженно выступающих против советского правительства.

2) Полнейшая свобода агитации и пропаганды, как устно, так и печатно, махновцами и анархистами своих идей и пониманий без всякого призыва к насильственному ниспровержению советского

правительства и соблюдением военной цензуры. В деле издания махновцы и анархисты, как революционные организации, признанные Советской властью, пользуются техническим аппаратом советского государства, подчиняясь правилам техники издания.

3) Свободное участие в выборах Совета, право махновцев и анархистов вхождения в таковые и свободное участие в подготовке созыва очередного 5-го Всеукраинского Съезда Советов, имеющего быть в декабре с. г.

По поручению Советского правительства УССР Я. Яковлев.

Уполномоченные Совета и командования Революционной повстанческой армии Украины (махновцев) Куриленко, Попов.

II.

Условия предварительного соглашения по военному вопросу между Советским правительством Украинской республики и Революционной повстанческой армией Украины (махновцев).

1) Революционно-повстанческая армия махновцев входит в состав вооруженных сил Республики, как партизанская, в оперативном отношении подчиняется высшему командованию Красной Армии, сохраняет внутри себя установленный ранее распорядок, не проводя основ и начал регулярных частей Красной Армии.

2) Революционно-повстанческая армия Украины (махновцев) продвигалась по советской территории к фронту и через фронты, не принимает в свои ряды частей Красной Армии и дезертировавших из таковых.

Примечание: встретившиеся и примкнувшие к революционно-повстанческой армии в тылу Врангеля красные части и отдельные красноармейцы из таковых по встрече с частями Красной Армии подлежат возвращению в последнюю. Оставшиеся в тылу Врангеля повстанцы-махновцы и местное население, вновь вступающие в ряды повстанческой армии, остаются в последней хотя бы прежде и были мобилизованы в Красную Армию.

3) О состоявшемся соглашении Революционно-повстанческая армия Украины (махновцев) о командовании Красной Армии и Советправительством Украины в целях уничтожения общего врага белогвардейщины, доводит до сведения идущей за ними трудовой массы путем соответствующих воззваний с призывом о прекращении враждебных действий против Советской власти, причем в целях достижения большего результата советское правительство должно также немедленно опубликовать состоявшееся соглашение.

4) Семьи Революционно-повстанческой армии (махновцев), проживающие на территории Советской Республики, в льготах

приравняются к семьям красноармейцев и получают от Советправительства Украины соответствующие документы.

Командующий Южфронтом
Члены Реввоенсовета Южфронта
Уполномоченные Военревсовета
повст. армии (махновцев)

Фрунзе
Бела Кун, Гусев
Куриленко, Попов.

Кроме подписанных пунктов военно-политического соглашения, повстанческая армия махновцев выдвинула следующий 4-й пункт политического соглашения.

Ввиду того, что одной из существенных сторон махновского движения является борьба за самоуправление трудящихся масс у себя на местах, повстанческая армия махновцев выдвигает 4-й пункт политического соглашения, а именно: организация в районе действия Махновской армии, местным рабоче-крестьянским населением вольных органов экономического и политического самоуправления, их автономия и федеративная связь с государственными органами Советской Республики.

Пункт этот еще не подписан по соглашению обоими сторонами, он лишь в ближайшее время будет обсуждаться договаривающимися сторонами.

ТЕЛЕГРАММА КОМАНДУЮЩЕГО ЮЖНЫМ ФРОНТОМ
М. ФРУНЗЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СНК В. И. ЛЕНИНУ
И ГЛАВКОМУ С. С. КАМЕНЕВУ № 1339/307/Ш
23 НОЯБРЯ 1920 г., г. ХАРЬКОВ

В ночь с 25-го на 26-е должна начаться ликвидация остатков партизанщины. Одновременно с настоящей телеграммой мной высылается подготовительный приказ. Включенный в его текст приказ командарму Повстанческой будет передан последнему вечером 25 ноября. В общем работа начинается ранее намеченного мной срока (29-30 ноября). К этому времени я рассчитывал такую группировку сил, которая обеспечила бы сокрушающий удар, к сожалению, с одной стороны под давлением из Харькова, с другой — самой обстановкой операция разворачивается раньше. Полагаю, что и при этих условиях она все же должна оказаться успешной. Все инструкции начотрядам мною даны лично в Мелитополе и Синельникове. Для исключения подозрений начальнику тыла 4-й армии приказал принять ряд необходимых мер.

Командож Фрунзе

ПРИКАЗ АРМИЯМ ЮЖНОГО ФРОНТА,
КОПИЯ — КОМАНДАРМУ ПОВСТАНЧЕСКОЙ № 00155/Ш
24 НОЯБРЯ 1920 г. ст. ЛОЗОВАЯ

23 ноября Революционным Военным Советом Южного фронта отдан следующий приказ командованию так называемой Повстанческой армии;

„В связи с окончанием боевых действий против Врангеля, ввиду его уничтожения, Революционный Военный Совет Южного фронта считает задачу партизанской Повстанческой армии законченной и предлагает Реввоенсовету Повстанческой армии немедленно приступить к работе по превращению партизанских повстанческих частей в нормальные воинские соединения Красной Армии.

Существование Повстанческой армии особой организацией более не вызывается боевой обстановкой. Наоборот, существование наряду с частями Красной Армии отрядов с особой организацией и задачами приводит к совершенно недопустимым явлениям. За последнее время имели место следующие факты:

1. 12 ноября в с. Михайловке убиты и раздеты догола 12 красноармейцев.

2. 16 ноября в с. Пологи ограблено несколько красноармейцев 124-й бригады, ехавших за оружием в артлетучку.

3. 17 ноября в с. Пологи банда под предводительством командира 2-го конного полка Махно раздела и пыталась убить командира 376-го полка.

4. 21 ноября в д. Вербовки ограблен ветеран 3-го артдивизиона 42-й дивизии.

5. По донесению комполка-373, 21 ноября в с. Гуляй-Поле комполка Махновской армии отобрано у двух красноармейцев хозяйства 373-го полка 35 тысяч винтпатронов, 15 винтовок, несколько ручных гранат и пулеметные части.

6. В районе Б. Токмака убит бандами каптенармус 9-й стрелковой дивизии, везший обмундирование.

7. 7 ноября в с. Ивановке убито 6 красноармейцев 2-й спешной кавалерийской бригады.

8. В районе с. Жеребец ограблен отдел снабжения 23-й дивизии и произведен налет на транспорт интеркавбригады. Ранен командир транспорта и убито несколько красноармейцев.

В районе расположения банд повстанцев они убивают советских проработников, помогая тем самым кулакам бороться против пролетариата, красноармейцев и крестьянской бедноты. Кроме того, фронтовые части Повстанческой армии отказались 20 ноября выполнить боевой приказ фронта о движении на Кавказ. Различные группы, именующие себя махновцами, по всей Украине совершают грабежи и насилия над населением.

Все это заставляет Революционный Военный Совет Южного фронта торопиться с ликвидацией партизанщины и беспорядка в районе фронта, и поэтому он предлагает Реввоенсовету Повстанческой армии:

1. Все части бывшей Повстанческой армии, находящиеся в Крыму, немедленно ввести в состав 4-й армии, Реввоенсовету которой поручается их переформировать;

2. Упреформ в Гуляй-Поле расформировать и бойцов влить в запасные части по указаниям командарма запасной;

3. Реввоенсовету Повстанческой армии принять все меры к разъяснению бойцам необходимости проводимой меры.

Бойцы Южного фронта, из фактов, перечисленных в приказе, видите, какая безобразная картина анархо-бандитского своеволия и разнузданности водворилась в нашем тылу.

Махно и его штаб, послав для очистки совести против Врангеля ничтожную кучку своих приверженцев, предпочли в каких-то особых видах засесть с остальными бандами во фронтовом тылу. Теперь эти виды раскрываются. Господа махновцы вместо войны с Врангелем занялись борьбой с транспортами и тылами наших дивизий. Ими спешно организуются и вооружаются за счет нашего имущества новые отряды. С середины ноября на территории, занятой бандами, производится мобилизация крестьянского, главным образом кулацкого, населения. Помимо этого, усиленно ведется агитация среди многочисленных толп военнопленных белогвардейцев с целью привлечь их в свои отряды...

До 26 ноября я буду ждать ответ на вышеизложенный приказ. В случае неполучения такового, что представляется наиболее вероятным в связи с поступившими за сегодняшний день донесениями о начавшихся выступлениях махновских отрядов и ряде новых нападений на наши части, красные полки фронта, покончившие с Врангелем, заговорят с махновскими молодцами другим языком.

Товарищи красноармейцы, командиры и комиссары, будьте наготове в любой момент раздавить семя подготовляющейся кулацко-анархистской авантюры.

С махновщиной надо покончить в три счета. Всем частям действовать смело, решительно и беспощадно. В кратчайший срок все бандитские шайки должны быть уничтожены, а все оружие из рук кулаков изъято и сдано в государственные склады.

Уверен, что славные бойцы тех частей фронта, на долю которых падает выполнение данной задачи, вполне оправдают доверие Республики.

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях и командах.

Командующий Южным фронтом Фрунзе-Михайлов.

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА БЫВШЕГО НАЧШТАВА
ПОВСТАНЧЕСКОЙ АРМИИ (МАХНОВЦЕВ) В. БИЛАША
СЛЕДОВАТЕЛЕМ ОГПУ

Вопрос: Имелись ли у Махно и в штабе армии какие-либо сведения о намерении Советской власти разоружить повстанцев (в ноябре 1920 г.)?

Ответ: До 20 ноября мы не имели никаких сведений о том, что против нас что-то затевается. Но около 20 числа к командиру одного из наших пехотных полков Клерфону в местечко М. Токмачку явился секретный сотрудник 42-й дивизии, который сообщил, что вместе с семью другими сотрудниками он послан в Гуляй-Поле для выяснения состава и расположения наших частей, а также для определения местонахождения самого Махно и всех ближайших его сотрудников, для того, чтобы в случае внезапного ночного захвата Гуляй-Поля им было известно, где живут Махно и все видные махновцы. По указанию этого сотрудника были изловлены остальные 7 человек, которые подтвердили его информацию, и определено заявили, что в Б. Токмаке было собрание комсостава 42-й стрелковой дивизии, на котором обсуждался план, как во что бы то ни стало окружить наши части, обезоружить и всех перебить. На этом собрании между комсоставом были споры, одни командиры говорили, что красноармейцы не будут драться с махновцами, так как вместе били врангелевцев. ...Кроме полученных сведений от пойманных сотрудников были частные сведения от красноармейцев и крестьян, что на станции Цареконстантиновка было собрание комсостава Богучарской бригады, на котором обсуждался вопрос о необходимости группирования красноармейцев для наступления на махновцев, и на этом собрании появились листовки, выпущенные политотделом 42-й стрелковой дивизии, в которых говорилось „Бей бандитов-махновцев“. Одна такая листовка числа 24 ноября попала к нам в штаб и только тогда подтвердился план высшего командования Красной Армии о намерении разоружить повстанцев.

Вопрос: Что было предпринято Махно в связи с этим?

Ответ: Сейчас же после получения этих сведений было собрано совещание Совета совместно с командирами, находящимися в Гуляй-Поле. На этом совещании было решено обе группы оттянуть в район Б. Янисоля, что в 60 верстах восточнее Гуляй-Поля, в том случае, если красные части поведут наступление.

Было решено также вызвать по телеграфу штаб Южфронта и без крови уладить возможные недоразумения. Штаб Южфронта мы не могли вызвать, нам отказывали, говоря, что связь прервана.

Вопрос: Почему Махно не согласился выполнить ультиматум РВС Южного фронта от 23 ноября 1920 г. о разоружении Повстанческой армии?

Ответ: Махно и штаб в это время об ультиматуме не знали, так как нам его не предъявляли. Лишь недели через две, когда к нам присоединились остатки Крымской группы, прибывшей из Крыма, то со слов Тарановского и Марченко мы узнали, что Каретников и Гавриленко были вызваны из Евпатории в Симферополь, где им предъявили требование о разоружении. Вернувшись в Евпаторию, они предложили частям ультиматум, но все командиры и бойцы отказались ему подчиниться, сославшись на (отсутствие приказа)

„Батько“ Махно, и решили сейчас же идти для соединения со второй группой повстанцев на север*.

Вопрос: Каков был план военных действий Махно?

Ответ: Махно намеревался в течение 3-4 недель собрать в кулак все части, дожидаясь подхода из Крыма группы Каретникова. С этой целью было решено уклоняться от боев и отступать под нажимом в район Гришинского, Бердянского и Красной Армии. Назуеватов, по частям разбивая несильные части таково, что если бы не строение повстанцев в этот момент было таково, то Махно в течение короткого времени остался бы один, а все повстанцы разошлись бы кто куда. Такая тактика уклонения от столкновений с красными частями во избежание разгрома повстанческой армии велась на протяжении всей зимы, весны и лета. Других планов кроме указанного у нас не было.

* * *

**ОПЕРАТИВНЫЙ ПРИКАЗ ПО РЕВОЛЮЦИОННОЙ
ПОВСТАНЧЕСКОЙ АРМИИ УКРАИНЫ (МАХНОВЦЕВ).
СРЕДИНА МАРТА 1921 г.**

В данное время при известных боевых операциях Красной Армии наша Революционная Повстанческая Армия Украины (махновцев) для сохранения и живой силы, и конского состава, и седла с сего числа расформируется, кроме отдельных групп самостоятельных командиров т. т. Кожы, Лысенко, Забудько, не считая групп, которые находились в Революционной повстанческой армии Махно при штабе армии.

Общая задача боевых групп:

1. Разрушать тыл Красной Армии и его институт насилия и произвола.
2. Разрушать линию желдором во время летнего сезона.
3. Разоружать красные части и хранить оружие.
4. Стараться увеличить (количество) бойцов в группах и их боеспособность.
5. Ни в коем случае не допускать в отряды лиц, способствующих бандитизму, которые подрывают авторитет махновцев.

*В этом эпизоде В. Билаш неточен. Каретников и Гавриленко действительно были вызваны командованием Красной Армии, но не в Симферополь, а в Мелитополь. Не имея связи с Гуляй-Подем, они долго колебались: ехать или не ехать. Поехали с охраной, но в Мелитополе группа арестована и через некоторое время расстреляны. Крымская группа была окружена в Евпатории и атакована 26 ноября на рассвете красными, но сумела вырваться из окружения. П. Аршинов в „Истории махновского движения“ отмечает, что махновцы узнали о приказе Фрунзе только после его опубликования 15 декабря 1920 г. в газете „Коммунист“ (Харьков). — В. В.

6. Стараться сохранить отдельные группы до известного времени.

7. Каждый командир ответственен за вверенную ему группу.

Командарм Батько Махно
Начштаба Билаш

* * *

**ПРИКАЗ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ УКРАИНЫ
М. ФРУНЗЕ
ОБ ОКОНЧАТЕЛЬНОЙ ЛИКВИДАЦИИ БАНД МАХНО И ЩУСЯ
ХАРЬКОВ. 6 МАЯ 1921 г.**

Несмотря на значительную затрату сил при перегруппировках в ряде стычек и боев в последних операциях против банд Щуся и Махно конечных результатов достигнуто не было. Банды, неся подчас большие потери, успевали уклоняться от окруживших их наших отрядов и уходили в желательных для себя направлениях. Непосредственно преследующие банду части иногда сразу же отставали от нее, а иногда обманутые ее коротким маневром, шли по ложным направлениям и выходили далеко в сторону. Случайные, сборные из разных частей маневротряды не обладали необходимой решительностью, энергией, способностью преследовать банду неотступно и остерегались уходить далеко из своих районов. При окружении банды определенно отмечалась малая подвижность частей, слабость взаимной связи, отсутствие должной инициативы. При быстро меняющейся обстановке в условиях борьбы с бандами — легкость, подвижность частей, полная ориентировка и связь, сознательная инициатива, а при соприкосновении с противником стремительный решающий удар имеет исключительное значение и является залогом успеха. Явления, как самовольный уход сводного отряда со ст. Вересочь, преступны и ничем не могут быть оправданы. Настоящей борьбе нужны приемы, наиболее соответствующие характеру противника и условиям боевой работы. Части, зависящие от своих районов, привыкшие к прямолинейным передвижениям, медленно реагирующие на быстрые перемены обстановки, не могут дать требуемых результатов. Для борьбы с бандой, непрерывно меняющей направления и не связанной с определенной стоянкой, необходим летучий истребительный отряд достаточной силы, подвижный, умеющий сам найти банду, видеть, слышать и знать все кругом и, уцепившись в банду, кончать свою задачу только полным ее истреблением, куда бы она ни пыталась скрыться.

Для конечной ликвидации наиболее опасных в данный момент шаек Щуся и Махно приказываю:

Немедленно приступить и не позднее 10-дневного срока сформировать распоряжением командвойск КВО один, и распоряже-

нием командвойск ХВО — два летучих истребительных отряда, руководствуясь:

1) Состав отряда иметь до полка конницы (не менее 500 сабель) с конным артвзводом и достаточным числом пулеметов (легкого типа), отряду придать роту стрелков на повозках, отвечающую всем требованиям пешеразведческой команды.

2) Широко обеспечить отряды необходимым имуществом легкой связи.

3) Широко использовать для состава отрядов добровольцев, вполне отвечающих требованиям честного, отважного, предприимчивого бойца, привычного к партизанской работе. На подбор всего состава отряда — и добровольцев и по назначению — обратить особое внимание. Безусловно необходимо самое широкое комплектование отрядов коммунистами, могущими внести идейный характер в ответственную работу летучих отрядов.

4) Начальников отрядов назначать по возможности из числа добровольцев, старых опытных партизан, преданных делу, сохранивших порыв, энергию...

5) Войти в соглашение с соответствующими особыми отделами о назначении в состав летуче-истребительных отрядов своих представителей.

6) Летучим истребительным отрядам руководствоваться прежними моими указаниями и инструкциями „маневренным летучим отрядам“. Задачу отряда считать оконченной только полным истреблением банды, против которой он направлен.

7) До окончания формирования летучих истребительных отрядов ликвидации банд продолжать с неослабной энергией.

10) Отряды формировать вне счета штатных норм округов.

11) О формировании отрядов с указанием их состава и характеристик назначенных начальников срочно донести. Нр. 40056.

Командвойск Украины М. Фрунзе

**ПРОТОКОЛ № 19
ЗАСЕДАНИЯ ПОСТОЯННОГО СОВЕЩАНИЯ ПО ВОРЬБЕ
С БАНДИТИЗМОМ ПРИ СНК УССР.
г. ХАРЬКОВ. 16 МАЯ 1921 г.**

Слушали:

О банде Щуся
(докладчик
Раковский)

О связи
махновских банд
с городами
(докладчик
Раковский)

Постановили:

Предложить Военкомандованию передать суду Реввоен трибуналов всех виновных в бездельности в борьбе против банды Щуся. Предложить ВУЧК обратить особое внимание на деятельность анархистских групп и проследить связь Махно с некоторыми городскими центрами, как Голая Пристань, а также с деревней, как Рождественская.

* * *

ПРОТОКОЛ № 20
ЗАСЕДАНИЯ ПОСТОЯННОГО СОВЕЩАНИЯ ПО БОРЬБЕ
С БАНДИТИЗМОМ ПРИ СНК УССР.
г. ХАРЬКОВ. 18 МАЯ 1921 г.

Слушали: Постановили:

О состоянии бандитизма (информация тов. Эйдемана и Евдокимова) Отметить... что банда Махно по последним сведениям находится в районе южнее Орехово, насчитывает около 200-250 сабель, но данные до этого времени отмечали численность ее в 500 сабель. Предполагается, что она северо-восточнее Гуляй-Поля объединяется с бандой Билаша. Отметить, что оперирующие бандиты в Донбассе: Жигун ранен, Скляр убит, а Бабицкий активно не проявляется, банда Савонова находится в Тепличих лесах, держится пассивно, банда Волоха в течение 2-х последних недель не проявляется, что подтверждает сведения об убийстве Волоха, банда Каменюка в составе 60-80 чел. имела с нашими частями стычку севернее Беловодска, о банде Колесникова новых сведений нет, предполагается, что он направился на восток.

По всему Правобережью замечается затишье.

* * *

ПРОТОКОЛ № 33
ЗАСЕДАНИЯ ПОСТОЯННОГО СОВЕЩАНИЯ ПО БОРЬБЕ
С БАНДИТИЗМОМ ПРИ СНК УССР.
г. ХАРЬКОВ. 10 ИЮНЯ 1921 г.

Слушали: Постановили:

О Махно (сообщение тов. Евдокимова) Объявить Пархомовку контрреволюционным гнездом, бандитским очагом. Принять меры против местного кулацкого и бандитского элемента. Виновных в непосредственной связи с Махно и в оказании ему содействия подвергнуть высшей мере наказания. Подозреваемых в связи с Махно выселить из Пархомовки за пределы Украины, их имущество конфисковать и передать бедноте. Поручить проведение этого постановления Харьковскому губсовещанию, Военкомандованию и ВУЧК. Предложить Военкомандованию собрать сведения о деревнях, которые оказывали активную помощь или укрывательство Махно и по отношению ко всем этим селам применить ту же самую меру.

По окончании операций составить соответствующую сводку для оглашения. Приобщить к протоколу распоряжение ВУЧК о выяснении деревень, которые являлись во время рейда опорными пунктами Махно.

* * *

ПРОТОКОЛ № 9
ЗАСЕДАНИЯ ВОЕННОГО СОВЕТА УКРАИНЫ
ХАРЬКОВ. 30 СЕНТЯБРЯ 1921 г.

Слушали: Постановили:

Сводка об интернировании Махно Предложить разведупру доставить экзemplяры соответствующей сводки об интернировании Махно для тов. Раковского.

* * *

НОТА ПРАВИТЕЛЬСТВА УССР ПРАВИТЕЛЬСТВУ РУМЫНИИ
11 НОЯБРЯ 1921 г.

...Мы ждем от вас подтверждения прибытия Махно в Румынию, чтобы предпринять юридические шаги по его поводу. Российское и Украинское правительства готовы будут представить Румынскому правительству документальные данные и даже фотографии.

Только юридические проволочки Румынского правительства в вопросе о бандите Махно, поднятом нами, заставили нас рассмотреть в целом позицию Румынии по отношению к ее международным обязательствам.

...Позиция Румынского правительства по отношению к бандиту Махно приобретает для нас особую важность в связи с документальными данными, полученными нами относительно тех приемов Махно, которые показывают, что со времени своего отступления в Румынию (он) подготавливает одновременно с Петлюрой новые наступления своих банд, состоящих из уголовных преступников, против Украинской республики. Документальные сведения... показывают, что Одесса назначена базой действий Махно для совершения им своих преступных грабежей одновременно с операциями Гуляй-Гуленко. Все это находится в связи с планами, которые вырабатываются петлюровскими партизанами на румынской и бессарабской территории.

...Эти действия украинских белогвардейцев в Румынии и Бессарабии заставляют нас обратить более серьезное внимание на бандитов общеуголовного характера как Махно, который мог бы воспользоваться этими обстоятельствами для того, чтобы затеять новые преступления против мирного украинского населения. Российское и Украинское правительства поэтому считают позицию, которую займет в этом вопросе Румынское правительство, крайне важной для характеристики отношений между Россией и Украиной с одной стороны и Румынией с другой.

* * *

**ПРОТЕСТ
ПРОТИВ ГОТОВЯЩЕГОСЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
РУССКОГО И ПОЛЬСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВ**

**Обращение анархистов и синдикалистов
к трудящимся всех стран**

Братья трудящиеся!

Русская Коммунистическая партия, утвердившая свое господство в стране путем неслыханного террора, истребляющая в массовом масштабе по сей день анархистов и революционных синдикалистов, домогается всеми способами заполучить в свои руки Нестора Махно — героического вождя революционного рабочего-крестьянского повстанчества на Украине, — чтобы тем или иным путем убить его.

В 1921 г. Нестор Махно, окруженный многочисленными советскими войсками, вынужден был перебраться на румынскую сторону, где был интернирован и заключен в лагерь. В течение долгого времени советская власть требовала от румынского правительства его выдачи и, быть может, добилась бы этого, если бы весной 1922 г. Махно не бежал из Румынии. Однако на территории Польши он был задержан польскими властями, которые также заключили его в лагерь и намеревались судить за участие в русской революции. Газеты последнего времени сообщают, что из лагеря Махно переведен в варшавскую крепость. Это говорит за то, что русское и польское правительство пришли между собою к какому-то соглашению относительно Махно: его могут или засудить и умертвить в Варшаве польские власти, или же последние могут передать его русскому правительству.

Таким образом, реальная и серьезная опасность повисла над жизнью этого выдающегося революционера, вышедшего из глубины трудового подневольного люда. Рабочие всех стран должны поспешить ему на помощь, должны сделать все возможное, чтобы не допустить подготавливаемого русским и польским правительствами преступления.

Русская революция, с первых дней своего развития, явилась предметом горячих надежд и упований всего трудового угнетенного человечества. Могучий октябрьский переворот, разбивший было самые устои капитализма в России, казался всем порабощенным началом мировой социальной революции трудящихся. Поэтому мы, духовно и организационно, всегда были с русской революцией, отбивая всякую атаку, направленную на нее местной буржуазией и буржуазными политическими партиями.

Однако, захватившая в революционной России власть коммунистическая партия, во имя своей диктатуры, повела истребительную войну против всех политических и социальных течений в ре-

волюции, не подчинившихся ее программе, ее воле. При этом, преследуя правые политические течения, она с еще большим ожесточением и беспощадностью обрушилась на движения рабочих и крестьян, отстаивающие идею независимости и общественно-трудового самоуправления рабочих классов: на анархистов, революционных синдикалистов и других. Факт чудовищный, но он налицо: коммунистическая власть, называющая себя рабоче-крестьянской властью, беспощадно уничтожает лучших борцов пролетариата и одновременно — широкие беспартийные рабоче-крестьянские массы, подымающие голоса протеста против попрания их прав властью.

Такая реакция в революции не могла пройти, не вызвав активного сопротивления со стороны трудящихся. Народ, совершивший великую революцию, неминуемо должен был вступить в борьбу со всеми силами, покушавшимися на его революционные права и завоевания. На Украине эта борьба вылилась в форму революционного повстантия крестьян и рабочих. Это великое историческое движение боролось не только с диктатурой большевиков, но также в одинаковой мере с диктатурой других партий — монархических и демократических.

Основной целью этого движения было — обратить всю землю, средства и орудия производства в общее достояние трудящихся и организовать общественно-хозяйственную жизнь на принципах рабоче-крестьянского самоуправления. Столкнувшись с организованным врагом в лице контрреволюционных армий царских генералов и коммунистической диктатуры, движение, для борьбы с ним, создало свою революционную, построенную на принципе добровольчества, армию, которая в течение четырех лет вела героическую борьбу на многочисленных фронтах, стремясь отстоять от покушений революционную территорию и революционные права трудящихся.

Нестор Махно, сын беднейших безземельных крестьян, анархист по убеждениям, отбывавший за революцию 1905-07 гг. срочную каторгу, явился одним из первых и активнейших деятелей народного революционного повстанчества на Украине, став одним из главных руководителей этого движения.

Дадим сжатую сводку роли революционного повстанчества в русской революции.

Весной 1918 г., согласно Брест-Литовского договора большевиков с германским императорским правительством, Украину оккупировали австро-германские войска. Эти оккупационные войска помогли помещикам и генералам установить в стране монархический режим в лице гетмана Скоропадского. Рабочие и крестьяне Украины были отданы во власть этого режима. Подняв против него восстание, они сами, вне руководства каких-либо политических партий, свергли этот режим, разбили оккупационные войска и дали свободный выход русской революции и ее дальнейшему

развитию. Армия повстанцев-махновцев, руководимая Нестором Махно, являлась при этом центром народного восстания и нанесла смертельный удар оккупации и режиму гетмана Скоропадского.

Сейчас же после свержения скоропадчины, на Украину, со стороны Кавказа, двинулась новая контрреволюция, возглавляемая генералом Деникиным. Армия повстанцев-махновцев задержала ее в районе Таганрога (побережье Азовского моря), поставив там фронт протяжением на сто с лишком верст.

В течение семи месяцев, — с ноября 1918 г. по июнь 1919 г., — повстанческая армия сдерживала колоссальный напор этой контрреволюции, пока преступная политика Троцкого не помогла Деникину опрокинуть повстанческую армию и ворваться в глубь страны: будучи не в силах подчинить революционный район власти партии, Троцкий 4-го июня 1919 г. объявил все повстанческое движение и Нестора Махно вне закона, заявив при этом, что он предпочтет отдать всю Украину Деникину, нежели допустит развиваться в ней махновщине.

Под напором армий Деникина и Троцкого, Махно вынужден был отступить на запад, к границам Галиции. Но после, когда Деникин подошел к Орлу, угрожая занять Москву, Махно, сгруппировав революционные силы, нанес ему смертельный удар на Украине: он перебил его тыловые части, захватив главную артиллерийскую базу в районе Волноваха-Мариуполь и отрезал головную армию от снабжения и точек опоры. Всем этим была погублена контрреволюционная кампания Деникина. Последний, отступая из Великобритании, попал в пылающий костер украинского повстанчества, в котором сгорело большинство его воинских частей.

В ликвидации Врангеля Махно сыграл такую же крупную роль.

В течение всего 1920 г. он находился меж двух огней, воюя и с Врангелем, и с большевиками. Летом 1920 г. красная армия начала широким фронтом отступать, сдавая Украину целыми губерниями Врангелю. Последний занял города: Мелитополь, Александровск, Синельниково, Бердянск и другие, угрожая захватить весь Донецкий бассейн. В сентябре 1920 г. советская власть, в целях разгрома Врангеля, вступила в военно-политическое соглашение с Махно, взяв на себя обязательство удовлетворить его минимальные требования: — а) освободить из тюрем России всех махновцев и анархистов; — б) предоставить им право свободно исповедовать и распространять свои идеи; — в) признать за рабочими и крестьянами махновского района право создания органов местного общественно-хозяйственного самоуправления. По заключении соглашения махновские части своими силами пошли на Врангеля, очистили от него юг Украины и первыми ворвались в глубь Крыма, перейдя пролив Сиваш и зайдя в тыл Перекопу.

Борясь с врагами революции на военных фронтах, махновщина

заботилась о том, чтобы внутри революционного района жизнь строилась на принципе независимости и самоуправления трудящихся. Это видно и из текста военно-политического соглашения, три пункта которого приведены выше, подписанного в октябре 1920 г. в г. Харькове со стороны махновцев — Поповым и Куриленко, а со стороны советской власти — Бела Куном, С. Гусевым, Я. Яковлевым и Фрунзе, теперешним заместителем Раковского. Коммунистическая власть, как и всякая власть, враждебная по своей природе началу свободы и независимости, выраженному в махновщине, не могла, конечно, долго держать союз с этим движением. Как только опасность со стороны Врангеля миновала, она изменнически напала на махновцев, стремясь убить это движение силою многочисленных своих армий.

Махновщина и большевизм — это два антипода.

Первая стремится к полному самоуправлению трудящихся; второй — к диктатуре над ними. Гнусной, подлой клеветой является утверждение советвласти о бандитском и погромном характере махновщины. Махновская армия является единственной в мире, непричастной ни к каким антиеврейским актам. Наоборот, — с революционной честью и решительностью она всегда их сурово преследовала.

Сейчас, когда великое революционное движение русских трудящихся временно разбито армиями советвласти, последняя прилагает все усилия к тому, чтобы добиться головы Нестора Махно, являющегося выдающимся руководителем революционного повстанчества. Она не может быть спокойна, пока этот необыкновенный человек, вышедший из народа, жив и одним своим именем волнует и поддерживает революционное настроение в народе.

Братья трудящиеся! Помешайте осуществиться презренному замыслу русского и польского правительств. Подымите голос протеста против готовящегося убийства тов. Махно и против убийств других революционеров.

Пусть каждый рабочий союз, каждая фабрика вынесут свое требование немедленного освобождения Махно из заключения.

В каждой стране, где есть польские и советские посольства, революционные рабочие должны подвергнуть последние тому или иному революционному воздействию.

Да здравствует солидарность и сплоченность трудящихся!

Да здравствует социальная революция!

Вольный союз рабочих Германии (синдикалистов).

Федерация анархистов-коммунистов Германии.

Французская федерация анархистов.

Группа русских анархистов в Германии.

Федерация Российских Рабочих Организаций в Юж. Америке.

Ноябрь 1922 г.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	3
В. Ф. ВЕРСТЮК. Махновщина: штрихи к истории движения.....	6

ВОСПОМИНАНИЯ

Н. МАХНО. Из детских лет и юности	31
Н. МАХНО. В Бутырках	32
Н. МАХНО. 1917 г. в Гуляй-Поле	34
Н. МАХНО. Оккупация Украины	36
Н. СУХОГОРСКАЯ. Гуляй-Поле в 1918 году	41
А. ЧУБЕНКО. От террористической группы к повстанческому отряду	44
В. АНТОНОВ-ОВСЕНКО. Командующий Украинским фронтом в Гуляй-Поле	50
А. СКАЧКО. 2-я Украинская Красная Армия	59
А. ЧУБЕНКО. Убийство атамана Григорьева	63
А. КРИВОШЕЕВ. Переговоры командования Южной группы с Махно	67
Ф. АНУЛОВ. Станция Помощная (август 1919 г.)	68
В. АЛЬМЕНДИНГЕР. Симферопольский офицерский полк в боях против махновцев (август-сентябрь 1919 г.)	72
А. ДЕНИКИН. О восстании Махно в тылу белых	77
Р. КУРГАН. Махновцы в Екатеринославе	78
М. ГУТМАН. Под властью анархистов (Екатеринослав в 1919 г.)	79
Я. СЛАЩЕВ. Екатеринославская операция	84
Ф. ЛЕВЕНЗОН. Против Махно на деникинском фронте	92
В. БИЛАШ. На распутье	98
Н. СУХОГОРСКАЯ. Галина Андреевна („мать" Галина)	102
В. БИЛАШ. По тылам Врангеля	107
Н. МАХНО. Письмо к другу	111
П. СЕРГЕЕВ. Полтавская операция против Махно	116
Л. НИКУЛИН. Встреча в Париже	123
Г. КУЗЬМЕНКО (МАХНО). Из воспоминаний	123
И. МЕТТ. Батько в Париже	124

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ

Г. НОВОПОЛИН. Махно и гуляй-польская группа анархистов (по официальным данным)	131
Приказ № 2 Екатеринославского губернского военного революционного комитета 30 декабря 1918 г.	137
Контрреволюционный ли?	137
Приказ № 60	141
Репорт Реввоенсовета 2-й Украинской армии командующему Южным фронтом об инциденте, возникшем в связи с реформированием бригады Махно в дивизию, и неизбежных последствиях его обострения	142

Донесение начальника оперативно-полевого штаба 1-й Заднепровской дивизии Родионова командующему 2-й Украинской армией	145
А. Скачко о составе дивизии 27 мая 1919 г.	145
Л. ТРОЦКИЙ. Махновщина	148
Приказ председателя Реввоенсовета Республики и наркомвоенмора № 106 6 июня 1919 г. ст. Балаклея	149
Приказ председателя Реввоенсовета Республики и наркомвоенмора № 107 6 июня 1919 г. ст. Балаклея	150
Приказ председателя Реввоенсовета Республики и наркомвоенмора № 108 8 июня 1919 г.	151
Телеграмма Н. Махно командующему 2-й Украинской красной армией А. Скачко 6 июня 1919 г.	152
Приказ председателя Реввоенсовета Республики и наркомвоенмора № 112 18 июня 1919 г. г. Харьков	153
Сообщение красной контрразведки об убийстве махновцами атамана Григорьева	153
Перехват телеграммы Махно, сообщающей об убийстве атамана Григорьева	154
Приказ № 1 командующего Революционной повстанческой армией Украины Батько Махно	156
Проект декларации Революционной повстанческой армии Украины (махновцев)	163
Приказ № 36 по 2-му Азовскому повстанческому корпусу 12 ноября 1920 г.	164
Л. ТРОЦКИЙ. Наше военное строительство и наши фронты. Доклад на 7-м Всероссийском съезде Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и трудовых казацких депутатов 7 декабря 1919 г.	166
Постановление Всеукраинского ревкома об объявлении вне закона Махно и махновцев	167
Дневник начальника махновской контрразведки Л. Голика	171
Из дневниковых записей „матери" Галины (Г. А. Кузьменко)	174
Протокол № 51 заседания Политбюро ЦК КП(б)У. 29 сентября 1920 г.	175
Военно-политическое соглашение Революционной повстанческой армии (махновцев) с Советской властью.	177
Телеграмма командующего Южным фронтом М. Фрунзе Председателю СНК В. И. Ленину и Главкому С. С. Каменеву № 1339/307/III, 23 ноября 1920 г., г. Харьков	177
Приказ армиям Южного фронта № 00155/ПШ 24 ноября 1920 г., ст. Лозовая	179
Из протокола допроса бывшего начштаба Повстанческой армии (махновцев) В. Билаша следователем ОГПУ	181
Оперативный приказ по революционной повстанческой армии Украины (махновцев). Среда марта 1921 г.	182
Приказ командующего войсками Украины М. Фрунзе об окончательной ликвидации банд Махно и Щуся. Харьков. 6 мая 1921 г.	183
Протокол № 19 заседания постоянного совещания по борьбе с бан-дизмом при СНК УССР. г. Харьков. 16 мая 1921 г.	184
Протокол № 20 заседания постоянного совещания по борьбе с бан-дизмом при СНК УССР. г. Харьков. 18 мая 1921 г.	184
Протокол № 33 заседания постоянного совещания по борьбе с бан-дизмом при СНК УССР. г. Харьков. 10 июня 1921 г.	185
Протокол № 9 заседания Военного совета Украины. Харьков. 30 сен-тября 1921 г.	185
Nota правительства УССР правительству Румынии 11 ноября 1921 г.	186
Протест против готовящегося преступления русского и польского правительств	186

Н. И. МАХНО
(Воспоминания, материалы и документы)

Киев, РИФ „Дзвін“

Художественный редактор **А. А. Радченко**
Технический редактор **Н. П. Довлетукаева**
Корректор **Н. С. Королева**
Оператор **М. Д. Журавлева**

Подписано в печать 12.06.91. Формат 84 X 108¹/₃₂. Бумага типографская. Гарнитура Цорик.
Печать высокая. Усл. печ. л. 10,08. Усл. кр.-отт. 10,4. Уч.-изд. л. 13,3. Тираж 43.500 экз.
Изд. № 4. Заказ № 02070381. Цена 5 р.

РИФ „Дзвін“, 252034, Киев-34, ул. Ярославов Вал, 17-а

Отпечатано в типографии № 2 Ордена Ленина издательства и комбината печати
„Радянська Україна“, 252006, Киев-6, ул. А. Барановича, 61/2. З. 0207301